

fenno-ugristica

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

Alustatud 1893.a, VIHİK 860 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

**SOOME-UGRI KEELTE GRAMMATIKA
JA SÕNAVARA KÜSIMUSI
ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ**

FENNO - UGRISTICA

**ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ**

15

TARTU 1989

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), T. Kukk, A. Künnap, P. Palmeos,
H. Rajando, T. Seilenthal, E. Vääri (vastutav toimetaja).

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 860.
ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ.
Труды по финно-угроведению 15.
На разных языках.
Резюме на разных языках.
Тартуский университет.
СССР, 202400, г.Тарту, ул.Дликооли, 18.
Vastutav toimetaja E. Vääri.
Paljundamiseks antud 16.05.1989.
Formaat 60x90/16.
Kirjutuspaber.
Masinakiri. Rotaprint.
Argvestuspoogmaid 12,37. Trükipoogmaid 12,75.
Trükiarv 500.
Tell. nr. 406.
Hind pbl. 2.50.
TÜ trükikoda. ENSV, 202400 Tartu, Tiigi t. 78.

Paul A l v r e
(Tartu)

MÄÄRSONUST iganes, üksnes, iseäranis JT. EESTI KEELES

Kuigi adverbid on oma tekkelt hilisem sõnaliik kui noomenid, on määrsõnadegi hulgas väga vanu vorme, mille käändelõpud ja tunnused võivad olla tänapäeva deklinatsioonist taandunud. See asjaolu raskendab mõnede adverbide päritolu uurimist. Esimesel pilgul pole läbinähtavad ka selliste määrsõnade, nagu iganes, üksnes, iseäranis jt. moodustuskomponendid. Seevastu sõnade umbes, järjest, algul, äkitselt, sootuks, pärani käändelõpud on samad (seesütlev, seestütlev jne.) kui mistahes nimisõnal. Harva esinev ekstsessiiv ilmneb vormides tagant, kodunt, kuna seevastu viisiütlevaga on moodustatud kuivijalu, paljakäsi, üksisilmi, targu, kõrvu jt.

Üks taandunud käändeid on vana ne-lõpuline kaasaütlev, mida üksikjuhtudena leidub rahvalaulude keeles: poiginesa 'poegadega', sulasinesa 'sulastega', muekanesa 'mõõgaga' (Kuusalu).¹ Ilmselt on niisuguste ne-vormide mõjul hakatud mehhaaniliselt pidama vanaks nominatiiviks ka mitmeid nes-, nis-lõpuga adverbe. Selline tõekspidamine kajastub selgelt ka H. Rätsepa viimati koostatud õpivahendis "Eesti keele ajalooline morfoloogia II", kus öeldakse, et "Varasemast ne-komitatiivist on tänapäeva keeles säilinud ainult mõned ne-liitelised adverbid, nagu koguni, iganes, üksnes, isepäinis, üksipäini, iseäranis" ja et "Niisugune ne-komitatiiv esineb praegu soome ja karjala keeles (alati koos possessiivsufiksiga)".² Viimane väide võib tunduda desorienteeriv, sest nimetatud adverbi vormide etümoloogilised vasted pole ei soome ega karjala keeles komitatiivis, vaid hoopis essiivis (sm koko-na-an 'koguni', ikä-nä-nsä 'iganes', yksi-nä-än 'üksinda'; üksnes', krj kogo-na-h 'koguni', igä-nä-h 'iganes, kuna-

¹ J. P e e g e l, Eesti regivärsilise rahvalaulu keelest. Tartu, 1961, lk. 49 (TRÜ rotaprint.); J. P e e g e l, Eesti vanade rahvalaulude keele morfoloogia. Tartu, 1954, lk. 265. (Kandidaadiväitekirj TRÜ Teadusraamatukogus.)

² H. R ä t s e p, Eesti keele ajalooline morfoloogia, II. Opivahend eesti filoloogia osakonna üliõpilastele. Tartu, 1979, lk. 77. (TRÜ rotaprint.)

gi' jt.³ Samasugune on olukord teistes sugulaskeeltes, näit. is koGona 'koguni', vps kogo-na-z idem, vdj ühs(i)nä 'üksinda, üksnes'.⁴ Liivi igänšZ, igäniZ 'fortvährend, ewig; nur'⁵ on tähenduselt eesti iganes- ja soome ikänänsä-vormidest küll erinev, kuid nende samatüübilises päritolus pole kahtlust; vrd. veel lv kogu-nē-Z, kogi-nē-Z ja sm koko-na-nsa, koko-na-an 'koguni'.

Määrsõnade grupeerimisel rühmadesse käändelõpu järgi pole isegi ne-komitatiivist lähtudes kõik uurijad täiesti ühel arvamusel. P. Ariste peab kahtlevalt ("võiksid olla") adverbidesse peitunud komitatiivideks vorme kogunes ~ kogunis, üksnes ~ üksines, kuna erinevalt H. Rätsepa esitusest on koguni arvatud terminatiivsete määrsõnade hulka.⁶ A. Kask on eesti keele häälikuloos andnud sõnadele üksnes ja iganes ne-komitatiivile orienteeritud rekonstruktsioonid *üksinensä ja *ikänensä, kuna L. Kettunen on oma soomekeelse käsitluse vastavas kohas selliseid rekonstruktsioone vältinud ja teinud sõna ise-äränis koostiselemendid soomlasele mõistetavaks just essiivsel kujul "itse-eränänsä".⁷ A. Villup rõhutab jällegi, et vana läänemeresoome ne-tunnuseline komitatiiv, "mida võib veel kohata soome keeles", on "eesti keeles säilinud" üksikutes arhailistes adverbides, nagu iganes, ise-päinis, iseäränis, koguni(s), üksipäini(s), üksnes.⁸

Pelk teadmine, et ne-komitatiiv kuulub veel tänapäevalgi soome või karjala keele deklinatsioonisüsteemi (näit. sm mies vaimoineen 'mees naisega'), ei vii meid asjaomaste määr-

³ Karjalan kielen sanakirja. 1. Helsinki, 1968, lk 430; 2. Helsinki, 1974, lk. 287.

⁴ Inkeröismurteiden sanakirja. Toimittanut R. E. N i r v i. Helsinki, 1971, lk. 181; М. И. З а й ц е в а, М. И. Му л л о н е н, Словарь вепского языка. Ленинград, 1972, стр. 215; L. K e t t u n e n, Vätjan kielen aanehistoria. Helsinki, 1930, lk. 36.

⁵ L. K e t t u n e n, Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung. Helsinki, 1938, lk. 69.

⁶ P. A r i s t e, Adverbide arenemisest läänemere keeltes. Teaduslikud tööd, pühendatud Tartu Riikliku Ülikooli 150. aastapäevale. 1802-1952. Tallinn, 1952, lk. 112 jj.

⁷ A. K a s k, Eesti keele ajalooline grammatika. Häälikulugu. Teine trükk. Tartu, 1972, lk. 108 (TRÜ rotaprint); L. K e t t u n e n, Eesti kielen aanehistoria. Kolmas painos. Helsinki, 1962, lk. 104.

⁸ A. V i l l u p, Adverb eesti keeles. Tallinn, 1969, lk. 64.

sõnade analüüsis sammu võrragi edasi, pigem eksitab õigele lahendusele jõudmisel. Detailsemast võrdlusest soome, karjala ja teiste läänemeresoome keelte vastavate adverbidega on aga see kasu, et näeme ühtset aluskeelde ulatuvat omastusliitelist määrsõnamalli, kus lähtekäändeks pole mitte komitatiiv, vaid essiiv. Eesti murrete ja vana kirjakeelegi kaasahaaramine tohiks näidata arenguprotsessi detaile, kuidas järk-järgult on jõutud nes-, ni(s)-lõpuliste vormideni.

Esitame kõigepealt kogu analüüsiks vajamineva näitestiku määrsõnade alfabeetilisest järjekorrast. Ühtekokku on vaatluse all kümme sõna, milles liht- ja liittüvede vahetuse korral on fifty-fifty. Lihttüvelised on hulgani(s), iganes, koguni(s), ärani, üksnes, neist kaks taga- ja kolm eesvokaalset sõna. Teiseks komponendiks on ärani vormides ihuärani, iseärani ja üksiarani. Sõna pea on tuletusosiseks kahel juhul: isepäini ja üks(i)päini(s). Pandagu tähele, et essiivi käändelõpu vokaal a on tagavokaalseis sõnus veel mitmel juhul säilinud, seda isegi käesoleva sajandi kirjakeeles kasutatud hulgana puhul (vrd. murd. ulGanasa). Eesvokaalsete sõnade ne-d võidi aga vokaalharmoniast tulenevalt hääldada vanimais keelenäiteis nä-na. Ülevaatlikkuse mõttes on näitestikule lisatud ka mõned nisti-lõpulised edasituletised.

hulgani(s). Sõna lõpul -nasa, -na, -nis, -ni jt.: hulgana (EKOS, 12), hulgani = hulganisti 'hulgakesi, hulgakaupa' (OS 1960, 167; OS 1976, 167); hulgana (d), hulgani, hulgandes jt. 'haufenweise, in Menge' (Wied., 1249), ulGanasa Jõe, ulGani's Khk, ulGana Hää, Jõe, ulGani Kse, Juu; Andr. ja Andr. Verginiusel 1690 - 1701 kumat toine tõise järrel mind hulgani waiwawat (VEKVM, 203).

iganes. Lõpud -nes, -nis: iganes (EKOS, 14; EOS I, 115; OS 1976, 179); iganes 'irgend' (Wied., III), iganes LÄsa, LÄ, Pjg, Amb, Sjn, Kan (EKMS I, 603), tegi vigureid mis iganes Khk (EKMS IV, 841); Wanradtil-Koellil 1535 eb pidde ygkenes wöyma (VEKVM, 355), H. Stahlil igkanes / eales 'jemahls' (AES, 28), sündko, mea igkanes tahap (L, 267), kudt temma igkanis tahap, issiehranis 'als es immer wil, sonderlich' (HH IV, 171), H. Gösekenil Keick mea iggenes Jummal loy (MLO, 6), iggenes 'jemahls, immer' (MLO, 44).

ihuärani. Ainuke näide vanast kirjakeelest: R. Brockmannil ja P. Fabriciusel 1638 Minckperrast meije Kunninglickust Murrest mitte üxpeineß meije truwide Allambade iho-

erraniß kaß nende Hinge Kaßwo otzime (VEKVM, 67).

isepäinis. Lõpud -nes, -ne, -nis: isepäinis (EKOS, 16), EOS I, 128), isepäinis 'omaette, eraldi' (OS 1960, 193; OS 1976, 194); ize-päini, ize-päinis 'allein besonders' (Wied., 131), isepäinis Sa (EKMS II, 385), iga viht keriti isepäinis keraks Pöi (EKMS IV, 928); H. Stahlil issipennis 'besonders' (AES, 31), ninck Wallitzajade ehs issipennes nende ehs 'vnd Regenten / Insonderheit für denen' (HH I, 80), Pal-luckem issipeines se Waimolicko seisusse ehs 'Insonderheit lasset vns bitten für dem Geistlichen Stand' (HH I, 78), H. Gösekenil issipeines 'besondern', issipennes 'absonderlich' (MLO, 50, 48), issipeinis lubba on / sedda kaupa ostma echk mühma (MLO, 227), "Käsiraamatu" eessõnas 1699 et mitte Kor-raperrast echk issipeine on kirjotut (VEKVM, 272).

iseäranis. Lõpud -nes, -nis: iseäranis (EOS I, 129; OS 1960, 194; OS 1976, 195); iseäranis ka tähenduses 'lahus, lahku, eraldi, eraldatult, omaette: ta [sulasemaja] järele olid ... oma iseäranis põllud ja heinamaad Kbg T I² 33 (EKMS II, 385); G. Mülleril ißeerranes sell Ayal kuy meye alleme Henge wakoda (NEP, 307), H. Stahlil issiehranis 'besondern' (AES, 31), Issiehranis hoida end / et ... 'Inbesonderheit hüte dich / das ... (HH IV, 196), Issierranis meddi armolise Kuninga / ninck Issanda ehs 'Insonderheit für vnserm gnädigsten König vnd Herrn' (HH I, 19), H. Gösekenil issiehranis rea erinevate tõlgetega: 'sonderlich (praesertim), absonderlich, fürnehmlich, insonderheit, bevorab, bevoraus, bey-seits' (MLO, 384, 98, 51, 50, 136, 138), ke kõrbe sees ellab issiehranis 'Waltbruder (eremita)' (MLO, 452), A. Thor Hel-lel isse-ärranis 'ins besondere' (KA, 61).

koguni(s). Lõpud -nas, -na, -nes, -ne, -nis, -ni jt.: koguna, koguni (wali) (EKOS, 32), koguni (EOS I, 239; OS 1960, 277; OS 1976, 279), van. kogunis (EKMS II, 187); koguni, koguna, kogona, kogunes, koguniste jt. 'ganz, gar, gänzlich, ganz und gar, durchaus' (Wied., 319), sulale läts, sat-te koGona vihma Rõu, ei ole koGuna Kuu, koGunes 'koguni' Se, koGunis Rõn, koGoni 'täiesti' Vig, kogoni Se; Wanradtil-Koellil 1535 kos sin /perest/ /keick/ kockones hõe ollecksis (VEKVM, 354), G. Mülleril on kogkonas vchex vwex Inimesex sanut (NEP, 339), kogkonis, koggonis (NEP, 110, 225), J. Ros-sihniusel se koggones Risti koggodusse põhendat 'die ganze Christenheit heiligest' (SULK, 60), H. Stahlil Ja minno lo-tan Koggones see pehl 'Ja / ich verlasse mich gänzlich dar-

auff' (HH I, 68), sinna ep jettat münd eales koggonis peral 'du verlassest mich gänzlich nimmermehr' (HH II, 130), L. Vigaeusel 1641 koggoneß (VEKVM, 76), H. Gösekenil koggones / kohldes 'ganz und gar, gänzlich' (MLO, 46), koggones 'allerdings' (MLO, 204), koggonis 'ganz' (MLO, 21), J. Gutschlaffil koggonis 'omnino' (OG, 86), J. Hornungil koggones / koggone / koggana 'ganz und gar' (GE, 93), uue testamendi tõlkes Ning koggona lin tousis ülles Ap. T. 21, 30, kus eal Ewangelium kulutakse koggonas Mk 14, 9, käskis ... nende koggone suurt kohhut kokkotulla Ap. T. 22, 30 (EKMS II, 187; IV, 155).

äranis. Lõpud -nes, -nis jt.: äranes, äranis, äraniste jt. 'Adv. zu äramine; - auch: sondern (alt)' (Wied., 72), Wanradtil-Koellil 1535 Erraneß anna meil an[de]x (VEKVM, 356), G. Mülleril eb ella kaas mitte v̄xpeines meye seas, erranes tema on kaas Inimesex sanut (NEP, 6), H. Stahlil erranis 'sondern' (AES, 31), temma ep sahp meid perrale jetma / erranis truwist meije jures seisma 'er wird vns nicht verlassen / vnd vns trewlich bey stahn' (HH II, 29). J. Kohntenil 1647 erraniß (VEKVM, 128), H. Gösekenil erranis 'sondern' (MLO, 52), J. Gutschlaffil Errale / erranis 'scorsim' (OG, 87), B. G. Forseliusel 1694 är-ra-nis (VEKVM, 242), 17. sajandi juhuluules korduvalt Erranis, erranis (= äranis) 'vaid' (EJ, 27, 30 jm.); vrd. O. W. Masingul äranisti 'lahus, eraldi'; Needsinatset nellitõistkümmend p. Pauluse Epistlit on ... ärraniste nimmetud koggodustele ja meestele kirjutud Mas. N III, 326 (EKMS II, 385).

üks(i)päini(s). Lõpud -nes, -nens, -ne, -nis, -ni: üksipäini, ükspäinis (EKOS, 149), üksipäini = ükspäinis (EOS III, 1711), üksipäini, ükspäinis 'van. üksnes, ainult' (OS 1960, 780; OS 1976, 823); üksi päini (päine), üks-päini, üks-päinis 'allein' (Wied. 1270), ükspäini Koe (EKMS I, 86); Wanradtil-Koellil Nynck seperest /o/n t/em/a kaes üxpenes önnis /n/in/ck /p/õha (VEKVM, 357), G. Mülleril tachtwat v̄xpeines waat 'vagad' olla (NEP, 319), H. Stahlil üxpeines / üxpennes 'nur allein' (AES, 31), lohtket agkas üxpeines temma pehle 'setzt nur auff jhn ewr Zurversicht (HH II 10), eth se Innimenne üxpeinis on 'das der Mensch alleine sey' (HH I, 50), Turu käsikirjas 17. sajandil v̄xpeinens, v̄xpeineass, v̄xpeines (VEKVM, 21, 25, 27), H. Gösekenil üxnes / üxpeines / üxpennes 'nur allein' (MLO, 81), üxpeinis teggeme (MLO, 119), J. Hornungil ükspäine 'alleine' (GE, 100),

sõdurivandes 1697 - 1700 mitte üxpeinis se Ammetis (VEKVM, 270), "Käsiraamatu" eessõnas 1699 üxpeine (VEKVM, 271), 17. sajandi juhuluules üxpeines (EJ, 29 jm.), A. W. Hupelil 1818 ükspäinis 'allein; nur' (ES, 260).

üksiaranis. Ainuke näide W. Willmannilt, tähendus 'ise-
äranis, lahus, eraldi'; üks tallomees ellas omma naese ja kolme lastega üksiaranes metsa äres Wmn J³ 159 (EKMS II, 385).

üksnes. Lõpud -na, -nes, -ne, -nis jt. üksnes (EKOS, 149; EOS III, 1711), üksnes = ainult (OS 1960, 780; OS 1976, 823) Greta ja kasuema olivad üksina pimedas kambris Vde KP 33 (EKMS IV, 835); üksina, üksines, üksnes, üksneste jt. 'nur allein' (Wied. 1270), üfsness Rõu; J. Rossihnuusel et nemmat ütines sinu sõnna kuhlutanut 'das sie nicht allein dein Wort geprediget' (SULK, 58), H. Stahlil eth sinna üxi-
nis tössine Jummal ollet (L, 621), H. Gösekenil üxnes / üx-
peines / üxpenne 'nur allein' (MLO, 81), J. Gutsclaffil üt-
zenes 'solum, tantum' (OG, 87), J. Hornungil üksne 'entzeln' (GE, 100), A. W. Hupelil 1818 üksnes u. ükspäinis 'allein; nur' (ES, 280).

Esitatud määrsõnade lõpus on varem olnud 3. isiku possessiivsufiks *-nse või -sa⁹, millest on üldiselt järele jäänud vaid -s (paiguti murdeis ka -sa). Nagu näitavad vana kirjakeele juhud aggas 'aga', ickas 'ikka', jälles 'jälle', põlwiles 'põlvili' jt., on -s kuulunud ilmselt ka määrsõnavariantidesse hulgana, koguna, üksina, üxpeine jt. Igal juhul on käändelõpule pidanud järgnema veel mingi formant, sest lõpukadu pole suutnud vokaalainest haarata. Siin tuleb murdeti arvesse 3. isiku possessiivsufiksi paralleelvorm *-hen, mis tohiks olla eriti ootuspärane Kagu- ja Kirde-Eesti alal, kus põhiliselt koguna-tüüp figureeribki (ühist päritolu idasoomelise kokonaan- ja karjala kogonah-esine-musega). Seevastu meie kogonas-, kogones-, kogonis-tüübis-
tiku lähim paralleel on läänesoomeline kokonansa.¹⁰

⁹ P. A l v r e, Sõnadest saaksesa, silläsä ja seesi-
nane. - Keel ja Kirjandus 1961, nr. 10, lk. 615. - Turu kä-
sikirjas korduvalt esinev ns-sufiks on fennism, millele on
juba varemgi viidatud; vt. L. K e t t u n e n, Eesti kie-
len äännehistoria, lk. 104, allm. 1.

¹⁰ P. A l v r e, Läänemeresoome aluskeele varasest
murdeliigendusest, eriti eesti ja soome keelt silmas pida-
des. - Keel ja Kirjandus 1973, nr. 3, lk. 151 jj. nr. 5,
lk. 291 jj.

Vana kirjakeel on essiivsetele lähtekujudele igati liigemal kui tänapäeva esinemus. Seda näitavad ennekõike käändelõpu vokaali säilitanud kogkonas G. Mülleril ja koggonas veel järgnevalgi sajandil uue testamendi tõlkes. Ajal, kui vokaalharmonia oli veel säilinud, vastas tagavokaalsete sõnade na-le eesvokaalsetel juhtudel käändelõpp -nä, mis ilmselt kajastub sellisena Wanratti-Koelli keelepruugis: ygkenes (loe: igänäs), Erene/sz/ (loe: eränäs või äränäs). Võrreldagu ä märkimist e-ga samadel autoritel sõnus peywel (= päiväl), elewet (= elävät), tegekeme (= tegemä).¹¹

näs-lõpulistest vormidest kujunesid ajapikku nes-lõpulistelised, mis sellistena on osutunud kõige vastupidavamaks määrsõnuseks iganes ja üksnes. Viimastest on ka järgneva, nis-arenguastme näiteid (H. Stahlil igkanis, üxinis), kuid need jäävad teistega võrreldes suurde vähemusse. nes- ja nis-lõpulistelised paralleelkujud on üldiselt omased teistelegi määrsõnadele, kusjuures veel H. Stahlil ja H. Gösekenil on tugevas ülekaalus esimesed. Kõikumised nes- ja nis-lõpu tarvitamisel ulatuvad 1739. aasta piiblisse ja osalt veel kaugemalegi (piiblis ükspäines ja ükspäinis).¹² g-i kaoga sõnalõpust (koguni, hulgani, üksipäini) on viimaks jõutud vormideni, mis ei erine enam algupärastest terminatiivsetest moodustistest otsani, pärani jt. Kombineerumine stiiliitega on aga sünnitanud keelde kujud hulganisti, kogunisti, äränisti, üksnesti, mille tagant essiivne lähtekoht on veel vaevu tuntav.

Üleminekut nas-, näs-kujudelt nes-lõpulistele vormidele oleks ekslik püüda seletada sellega, et vanimas kirja-keeles ä-d märgiti e-ga, mis siis traditsiooni jõul oleks püsima jäänud. Kirjepildis võis see osalt niiviisi toimuda-ki, kuid elavas rahvakeeles on põhjuseks järgsilpe kohanud sporaadiline häälikumuutus ä > e. Eesti keele ajaloolise foneetika käsitlustes on sellest seni vaikides mööda mindud, kuigi nähe ise kahtlemata eksisteerib. Vokaalharmonia kadumine ei ole alati muutnud järgsilbi ä-d a-ks, vaid teatud tingimustel (mida peaks uurima häälikulugu) on ä aseme-

¹¹ J. M ä g i s t e, Vanhan kirjaviron kysymyksiä. Tietolipas 64. Helsinki 1970, lk. 56 jj.

¹² A. S a a r e s t e, Piibli keel ja rahva keel. Akadeemilise Emakeele Seltsi Toimetised XIV. Tartu, 1940, lk. 5.

le tulnud e, näit. mitte (vrd. sm mitään 'midagi', ühtegi ja ühte (sm yhtä), viite (sm viittä); eales (< *iälläsä), murd. ülevel, ülevelt (pro üleval, ülevalt) jt. Selline häälikumuutus on haaranud ka vaatluse all olevaid mäarsõnu, kus järjekindlalt -näs > -nes. Arvuliselt ülekaalus olevailt eesvokaalseilt adverbijuhtudel on e siirdunud ka tagavokaalseisse sõnadesse (kogunes, hulgandes), kuigi esiivi algupärane na-lõpp neis veel tänapäevani on kõige paremini vastu pidanud.

Eraldi peatugem sõnaga pea moodustatud liitvormidel. Wanratti-Koelli üxpenes ja H. Stahli issipennes, issipennis on ainsusetüveliaed moodustised (< *pänäsä). Seevastu diftongilised üksipäini ja ükspäinis võivad olla sündinud alles kontamineerumise tulemusel mitmusetüvelise instruktiviga *-päin (: pä). Algselt mitmusetüveline on aga üksnes, üksines, üt'sines (< *üksinäsä).

Mäarsõnade iganes, üksnes, iseäranis jt. lähtekäändena võime essiivi pidada sellega tõestatuks. Senist arvamust ne-komitativist ei toeta eesti murrete, vana kirja-keele ega sugulaskeeltegi ainestik. Pealegi oleks kaasaolemist näitavat komitativi tähenduselt üsna raske sobitada käsitletud adverbidega.

L ü h e n d i d

AES = H. Stahli, Anführung zur der Esthnischen Sprach. Revall, 1637; EJ = V. Alitto, A. Valme, 17. sajandi ja 18. sajandi alguse eestikeelne juhuluule. Tallinn, 1973; EKMS = A. Saareste, Eesti keele mõisteline sõnaraamat I - IV. Stockholm, 1958 -1979; EKOS = Eesti keele õigekirjutuse-sõnaraamat. Tallinn, 1918; ES = A. W. Hupel, Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte. Mitau, 1818; EOS = Eesti õigekeeluse-sõnaraamat. Tartu, 1925 - 1937; HH = H. Stahli, Hand- und Haußbusches Für die Pfarherren / vnd Haußväter Ehstnischen Fürstenthums /I-IV/ Theil. Riga / Revall, 1632 - 1638; KA = Kurtzgefasste Anweisung zur Ehstnischen Sprache. Halle, 1732; L = H. Stahli, Leyen Spiegel. Sommer-Theil. Reval 1649; MLO = H. Gõsenen, Manuductio ad Linguam Oesthonicam. Reval, 1660; NEP = Neun- unddreissig Esthnische Predigten von Georg Müller aus den Jahren 1600 - 1606. Verh. GEG XV. Dorpat, 1891; OG = J. Gutsclaff, Observationes Grammaticae circa linguam Esthonicam, Anno, 1668; SULK = J. Rosihnius, Südesthnische Uebersetzung des Lutherischen Katechismus, der Sonntags-Evangelien und -Episteln und der Leidengeschichte Jesu. Verh. GEG XLIX. Jurjew (Dorpat), 1898; VEKVM = A. Saareste, A. R. Cederberg, Valik eesti kirjakeele vanemaid malestisi a. 1524 - 1739. Tartu, 1925-1931.; Wied. = F. J. Wiedemann, Eesti-saksa sõ-

naraamat. Neljas, muutmata trükk teisest, Jakob Hurda redigeeritud väljaandest. Tallinn, 1973; OS 1960 = Oigekeelsuse sõnaraamat. Tallinn, 1960; OS 1976 = Oigekeelsus-sõnaraamat Tallinn, 1976.

Viitamata murdenäited on pärit KKI üldsõnavarakogust.

Пауль А л в р е
(Тарту)

О НАРЕЧИЯХ iganes, üksnes, iseäranis И ДР. В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В статье рассматриваются десять эстонских наречий с окончанием -ni(s), -nes (hulgani(s), iganes, ihuäranis, iseräinis, iseäranis, koguni(s), äranis, üks(i)päini(s), üksiäranis, üksnes). Автор статьи указывает, что эти формы возникли на базе эссива, а не комитатива, как предполагали раньше.

Paul A l v r e
(Tartu)

SOOME KEELE a-TÜVEDE MITMUSE VORMISTIK

Soome keele mitmuse vorme (murdeis, vanas ja praeguses kirjakeeles) on nende ridade kirjutaja käsitletud detailselt käsikirjalises doktoriväitekirjas "Morfologis-äännehistorialinen tutkimus monikkovartalon muodostuksesta suomessa ver-ratuna sukukieliin" (Tartu, 1965, 1122 lk.). a-tüvedele on seal pühendatud üle 200 lehekülje (lk. 172 - 387).

Käesoleva kirjutise ülesandeks on esitada võimalikult kokkusurutud vormis a-tüvede obliikväänete tüübid, tuues eraldi välja genitiivi, partitiivi ja illatiivi, milleles areng on olnud kõige diferentseeritum. Eri tüüpide kujunemiskäigu esinemisalade kohta saab anda vaid kõige üldisemaid viiteid. Kõik näited on siiski varustatud murdemärgendiga, kusjuures ulatuslikuma esinemisala korral see on valikuline. Vana kirjakeele puhul on tavaliselt ainuviiteid teistele kirjameestele vaid siis, kui M. Agricoolal vastav tüüp puudub.

Mitmusetunnuse i liitumisest sõnatüve vokaalile a tekis teatavasti läänemeresoome aluskeeles diftong ai, mille edaspidine areng (ai > oi või ai > ei > i) sõltus sõna silpide arvust ja esimese silbi vokaalainesest. Soome keeles on kõigis rõhuasendeis esindatud nii oi- kui i-mitmus.

oi - m i t m u s

Rõhuta asend. 1a. oi = ootuspäraselt või analoogiliselt peamiselt lääne- ja kagumurdeis ning Leningraadi oblastis: satA jalvoilla 'jalgadel', sav toveritsoist 'seltsimeestest' jm. Diftong oi on ootuspärane ainult Tornio murdes ja Vihti murrakus. Mujal ootaks o- või oi-vorme; oi-line mitmuse tüvi on üldistunud rõhulisest asendist (tupakoissa 'tubakates' : paikossa |> paikoissa 'kohtades'. Murdeti oi = (hilistekkeliste diftongide analoogial) vaid tüübis y > vok., mistõttu samal murdealal võib esineda oi : o paradigmaatilist vaheldust: (*jalvoisna > *jalõisna >) jalloisa ~ jaloisa 'jalgades' : kanosa 'kanades'.

b. Läänemurrete mitmed astmeüldistusjuhud tuleb diferentseerida tugevaastmelisest i-mitmusest. Astmeüldistuste põhjused on sageli individuaalsed: deklinatsioonitüübi smä

mark 'mark' : markal : markoil jt. analoogiast ka sark 'kirst' : sarkal : sarkoil (pro saral : saroil), vahendava rõngana sg. part. (markkā >) markka : sarkka (< sarkā); sõna smE nahk 'nahk' inessiivi tugev aste nahkoisas seletub tõenäoliselt illatiivi ja inessiivi vormide segunemisest possessiivses deklinatsioonis, sest ainsuses valitseb suhe nahk : gen. nahgan jt.;

c. oi (pro i): sav soaois 'sõdades' on siirdunud asepikeanduse vahendusel (ains. gen. so_oan) deklinatsioonitüüpi pa_aan : pa_aois 'padades'. Täendusvahe rõhutamiseks sõnade suola 'sool' - suoli 'sool' ja puola 'pohl' - puoli 'pool' vahel on i-lise mitmuse asendumine oi-lisega üldine kõigis soome murdeis ja kirjakeeles (iness. suoloissa, puoloissa).

2a. oē, oe (< oi). Ida-Soome reduktsioonialal: sPv ja-loëssani 'minu jalgades', herroëlla 'härradel';

b. ō (< oi): hL kässahōl 'käsisaagidega' jt., pL kuuntelijoosta 'kuulajaist'. Muutusest oi > ō tuleb diferentseerida hS (Van) velōstani 'minu võlgadest', kus ō seletub ainsuse pika vokaali analoogiaga: velka : velāsta (*vel_vasta) - velō- (<| velosta < veloista < velōista < *vel_voista). Tugevaastmelise i-mitmuse alal on ō pärit sekundaarsest oi-diftongist: hK varstōks 'kootideks'.

3. oⁱ (< oi) on tüüpiline idamurretele: sLv jaloⁱlla 'jalgadel', sLv lauvoⁱ 'laudadel' jm.

4a. o (< oi) on esindatud paljudel murdealadel: hS raurosta 'raudadest', pP paikolla 'kohtadel' jm. Idamurdeis ka oi > o + käändelõpu konsonandi palatalisatsioon: sLv pa(v)oōssa 'padades'. Edelamurde idaosas on võimalik ka seletus oi > ō > o: paikōlt < paikōlt < paikoelta < paikoilta 'kohtadelt'. Murretes, kus tavaliselt oi≠, esineb komitatiiv ja instruktiiv sageli (peamiselt adverbides) o-lisena, mis, nagu mitmusetüvelised tuletisedki (jalvoton 'jalutu', sarōt-tain 'sadade kaupa' jt.) viitavad diftongi järelkomponendi kao seaduspärasusele;

b. o (< oi) ootuspärane, kuid tugev aste suletud silbi puhul sõltub astneüldistusest: hP lauttosta 'parvedest';

c. o (pro i) sõnade puola 'pohl' ja suola 'sool' puhul: smB pualoks, sL suolōsta. Võrdluseks märgitagu, et algupärane i-line mitmus on säilinud hätsi karjala keele aunuse murdes: mitm. part. buolii ja suolii, kuid päriskarjala murdes esineb kõikuvusi: mitm. part. buol'ie - šuoloja.

5a. Tugevaastmeline i-mitmus, sünnilt hiline, on esin-
datud Soome lahe piirkonnas (hK, SuuS, TütS, vI, vL, sav,
smAL, smE (harva) ja Põhja-Soomes: hK vakkoist 'vakkadest',
pP akkoilla 'eitedel' jt. Ekslikult on peetud (L. Kettunen)
siia tüüpi kuuluvaks ka Rautu ja Sakkola vormi palloiks 'pa-
ladeks', milles peegeldub vaid Ida-Soome üldgeminatsioon;

b. oē (< oi): pK pattoëssa 'padades', pattoëlla 'pada-
del';

c. ō (< oi): smAL rantōlt 'randadelt', rintōst 'rinda-
dest';

d. o < ō < oi (mitte oi > o): smAL sikkoA 'sigadel',
kannoA 'kanadel'.

6. si-mitmust kasutatakse paiguti Edela-Soome murretes:
kanàzil 'kanadel'. -nen : se-sõnadest metaanalüütilisel teel
eraldatud tüve osa tuleb esile se-lisena mitmuse nominatiiv-
vis (kanàset, vrd. eL kanase 'kanad').

7. loi-mitmus esineb a-tüvedes harva: sP patoloiks 'pa-
dadeks'; sLäv jal^akoloessa 'jalgades' jm.

8. Adverbide mitmusetüveline tüüp jalkeilla 'jalul' on
tekinud vormide hereillä 'ärkvel', meneillä 'minemas, käi-
mas' jt. analoogial. Varasemad seletused (deverbaalne jal-
koa-, jalata- päritolu (L. Hakulinen, G. Karelsson jt.; ain-
susetüvelise *jalkadella-tüübi võimalus - E.A. Tunkelo jt.)
on liiga kunstlikud, et näida usutatavana.

V a n a k i r j a k e e l e esinemus on üldiselt oi-
line: Agr. wighoijsa 'vigades', paluelioiles 'oma teenijate-
le' jt. Vähesed o-lised vormid võib seletada trüki- või kir-
jutusvigadeks, kuid sõna raja 'piir' mitmuses on tüvi rajo-
kujunenud ortograafiliseks traditsiooniks, mis tõendab
o-liste vormide olemasolu kirjakeele põhjaks olevais murdeis
juba XVI sajandil. Üksikud ai-mitmuse juhud (pro oi) on ilm-
sed trükivead (Raum. harwaille 'harvadele' jt.), kuid võima-
lik on ka siirdumine kontraheerunud sõnade deklinatsiooni
aiden-lõpulise pl. genitiivi vahendusel.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on kahesil-
biliste sõnade mitmuse tüvi alati oi-line, kui esimeses sil-
bis ei esine vokaali o või u; erandiks vaid noomenite suola
'sool' ja puola 'pohl' mitmus. Ebastabiilne on sõna tiukka
'kindel, kõva' käänamine: adess. tiukilla ~ tiukoilla. Nel-
jasilbilistest noomenitest on oi-mitmus tavaline võõrsõnadel
ja omadel la-lõpulistel sõnadel (ravintoloissa 'restorani-
des'). Tegijanimedest on aga üldisem tüüp opetajilla kui

kui opettajoilla 'õpetajatel'.

Rõhuline asend. oi-mitmuse hilisust kolmesilbilistes sõnades tõendab selle peaaegu täielik puudumine *-eda- ja *-aya-tüvedes. Tüübi vanust määrates on veel oluliseks kriteeriumiks eesti keele esinemus, mis arvestamata rannamurret ei tunne kolme- ja enamasilbilistes sõnades *oi-mitmust.

1. oi on üldisim: hP sätanoilta 'saatanailt', hS mansi-koina 'maasikatena' jm. Nõrgaastmelised essiivid on omased mitmele murdele. -mpa-sõnade puhul esineb oi-mitm. vaid adverbides, näit. pahimmoillaan 'kõige halvemini'. oi-mitmuse üldistumisele rõhulises asendis on kaasa aidanud mitmete algsest kaheasilbiliste sõnatüvede muutumine kolmesilbilisteks *asjoi > asioi-, *latjoi > lattioi- jt.

2. oē, oe (< oi) reduktsiooniladadel: pK ahavennoella 'ahvenatel'; - sIv vasikoena 'vasikatena' jm.

3. ō (< oi) rõhutu asendi mõjul juba XVII saj. lõpul: pL vasikoona 'vasikatena'.

4. o (< oi) peamiselt Edela-Soome alal: vasikost 'vasikatest'. Mujal on tüüp haruldane, olenedes rõhusuhteist (vasikone:nsa, kuid vasiko:inensa 'oma vasikatega') või lihtsalt kaheasilbiliste eeskujust (< varsonensa 'oma varssadega').

5. Tugevaastmeline imitus on piiratum kui kaheasilbilistes sõnades (esinemisaladeks TütS, vL, smAL). Sekundaarne oi-difft. = või oi > ō: smAL harakkoilt ~ harakkoolt 'harakatelt' jm.

V a n a s k i r j a k e e l e s on reeglik oi: Agr. Capinoista 'mässudest' jt.; harva trükiveana o: Agr. Hartios 'õlgades' jt. või ai: piiblis (1642): legendaista 'legendidest'. Mõningatel juhtudel on võimalik oi asendumine ai-ga proportsioonianaalooogia teel, näit. pacanoiden : pacanoille, pacanaidhen : x; x = pacanaille 'paganatele' (Raumannusel). Ilma siirdumise kontraheerunud sõnade rühma on toimunud sõnas Propheetaista 'pronvetitest', mille mitm. gen. on Westhi tekstis konsonanttüveline: prophetasten 'prohvetite'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on teatud sõnatüüpides võimalik nii i- kui oi-mitmus: alkajilla ~ alkajoilla 'algajatel', omenilla ~ omenoilla 'õuntel' jt. Kindlad oi-mitm. juhud on la-lõpulised sõnad ja sõnad, mille lõppvoakaali ees on geminaat või konsonantühend; samuti sõnad, mille eelviimases silbis on i, ning võõrnoomenid. oi- ja i-mitmuse vahetõrva reguleerib peamiselt dissimilatsiooni reegel.

oi-mitmust ei kasutata juhtudel, kui sõna on oisa- ~ uisa-, ma-, mpa-, va-lõpuline (dissimileerivateks häälikuteks o, u, m, p, v). Seevastu eelviimase silbi i puhul välditakse i-list mitmuse: kahviloissa 'kohvikutes', lukijoilla 'lugejatel' jt. Vähesed kõrvalekaldumised dissimilatsioonireeglist seletuvad oi-mitmuse üldistumisega teatud tuletisrühmadesse (-la, -kka jt.).

Genitiiv

Rõhuta asend. Ainsusetüvelise genitiivi levikualaks on põhiliselt läänemurded. Oletatud *jalkaŕen-tüüp on põhjaks järgmistele murdevariantidele:

1. -a₁en: pL vakka₁en 'vakkade' jm. (esinemisalalt väga piiratud). Silbi piir on peale ŕ kadu säilinud. L. Ketteneni seletus j-i kaost -a₁en-tüübis pole usutav. Diferentseerida tuleb släv jal^akaen 'jalgade', milles läänemurde jalkain-vorm on kohandatud Savo murde pärase hääldamisega (dift. ai > ae).

2. -a₂en (milles siirdehääliku j kvantiteet on kõikuv: j ~ j̄): hS kanaje(n) 'kanade' jt. Diferentseerida tuleb gemineerunud tüvekonsonandiga smE jalkkajen 'jalgade', milles mitmuse genitiivi produktiivne lõpp -jen on liitunud vormile jalkka (< jalkkain < jalkain).

3a. -ain (üldisima murdevariandina): hK vanhain 'vanade' jm.;

b. -a₂en, -a₁en (< -ain) reduktsioonialal: pK sikkae(n) 'sigade'; sIv paekkaen 'kohtade' jm.;

c. -ān (< -ain): pL lankā(n) 'lõngade', sankā(n) 'sangede' jm.

4. -a koos tüvekonsonandi geminatsiooniga: smE jalkka (< jalkkain < jalkain < jalka-en < *jalkaŕen). Tüüp on haruldane (langeb kokku ains. partitiivi ja illatiiviga) ja esineb vaid atribuudina: jalkka veli 'jalgade vahe' jt. E.A. Tunkelo oletus, mille järgi ka eesti keele murretes oleks areng viinud a-lõpulise genitiivi ja selle kaudu a-mitmuse tekkimiseni, ei pea paika.

Mitmusetüveline *jalkoiŕen-tüüp (peamiselt omase idamurdeile) on esindatud järgmiselt:

1. -o₁en (j < i pärast ŕ kadu): satY vakkoje(n) 'vakkade' jt. sporaadiliselt läänemurdeis ja end. Viiburi murde aladel.

2a. -oin idamurdeis: sP jalakoin 'jalgade' (< jalkoen < jalkojen < *jalkoiŕen) jm.;

b. -oēn, -oen (< -oin) reduktsioonialadel: sIv paek-koēn 'kohtade'; - sL jal^akoe(n) 'jalgade';

c. -ōn (milles sekundaarne diftong on monoftongeerunud): hK nauhōn 'lintide', smAL jalkon 'jalgade' jm.

Murdeti esineb -tten-, -ten- ja -hen-lõpulisi kontaminatsioonivorme, millede põhjaks on ainsuse- või mitmusetüveline genitiiv:

1. -tten-: a. smE pattaitten 'padade', pikatten 'piigade'; - b. hL rannoitten 'randade', To jalotten 'jalgade'.

2. -ten-: a. hK vanhaiten 'vanade', smE flikkate 'tüdrukute'; - b. hK vakkoiten 'vakkade', smE kanoten 'kanade'.

3. -hen (vaid mitmusetüvelisena): a. vI pattoihe 'padade';

b. sLv pattoohen 'padade'. Neist tuleb diferetseerida vi siu jalkoheis 'sinu jalgade', kus ei-diftong on tingitud metateesist possessiivsufiksiga (-si > -is).

4. loihen-, loehen-lõpulised genitiivid esinevad a-tüvedest väga harva: sIv patoloihe(n) 'padade', akkoloihen: '(vanade) naiste'.

V a n a k i r j a k e e l kasutab peamiselt ainsusetüvelisi genitiive.

1. -ōen kirjakeele traditsioonina või ō üldistamisena rõhulisest asendist vaid vanematel kirjanikel: Agr. pahadhen 'pahade', Ups. ev. hawaden 'haavade' jt.

2. ain- + ōen-genitiivi kontaminatsioon esineb harva: Agr. palueliaidhes 'oma teenijate' jt.

3. -a_{en} peamiselt Pacchaleniusel: rijtaen 'riidude' jt.

4. -ain üldisima esinemusena: Agr. canssain 'rahvaste' jt. Edelamurretes juba XVI sajandil toimunud erigeminatsioonile viitab Westhi teksti ialchain (= jalkkain) 'jalgade'. Hõrk aste mitm. genitiivis on haruldane, väheseid näiteid vaid Marttil: Sillain 'sildade' jt. Arvatavasti trükiviga Sorolaineni: sanain cansa 'sõnadega', kuigi kohanimedest on XVII sajandil konstateeritud ka i-ta vorme (Lawtanala jt.). Ortograafilisena tundub Ups. ev. nawlahin (pro -ain) 'naelte'.

Mitmusetüvelist genitiivi on fikseeritud peamiselt Agricolalt ja vähemal määral Kollaniuselt: Agr. Mieckoain 'mõõkade', Koll. hawoin 'haavade' jt. Sal. wanhoen jt. viitab i-i kaole ega mitte diftongi järelkomponendi savopära-

sele madaldumisele. Arvatav trükiviga Ljungol: raionsa (pro -oi-) 'oma piiride'.

tten- ja ten-lõpulisi genitiive, mis edelamurdeis on praegu üldised ka kaheasilbilistest tüvedest, kasutab vana kirjakeel vaid pikematest sõnadest: a. -tten: Agr. palulijaijttens 'oma teenijate'; - Westh palueliattes, - Goth. palweljoitten; - b. -ten: Agr. Palueliaiten; - Agr. palueliates; - Elim. palwelioites 'oma teenijate'.

Präeguse kirjakeele esinemus tugineb läänemurretele, kusjuures vana kirjakeele ain-lõpuline tüüp on taandumas: tarvitamissagedus kalain 'kalade' 18% - kalojen 82%. Osa neljasilbilisi sõnu (tegijanimed, ia-, ea- ja la-lõpulised) on siirdunud käändelõpult kolmesilbiliste rühma: ompelijoiden ~ ompelijoitten 'õmblejate' jt. Võõrsõnades on määrav kaasrõhk, näit. teo:rioiden ~ teorioitten 'teooriate'.

Rõhulise asendi ainsusetüvelised esinemusvariandid taanduavad lähtetüübile *harakkajen. Paljud juhud on samad kui rõhutus asendis, sest sageli on saanud määravaks arvuliselt ülekaalukas kaheasilbiliste sõnade rühm.

1. -ajen ~ -ajen (∫ kadu rõhulise silbi järelt pole ootuspärane): satY vasikka^jen 'vasikate', smE harakkaje(n) 'harakate'.

2. -ain (enamikus läänemurdeis ja Savo murde põhjaosas): sP matalain 'madalate' jm.

3. -aen (reduktsioonialal): pK asijaen 'asjade' jm.

4. -ān: pL elukkaan 'loomade'. Vanadel kirjameestel rõhulises asendis veel aī. Muutus ai > ā on häälikuseaduslik vaid rõhutus asendis.

5. -an (< -ain) edelamurrete atribuutides: harakkan 'harakate', silakkan 'silkude'.

Mitmusetüveliste vormide lähtetüübiks on *harakkoidjen.

1. -jen (-id- > -ij- idamurdeis ja Pohjanmaal): a. smM harakoidjen 'harakate' jm. - b: (oi > oe): sL markkinoejen 'laatade' jm. -id- > -j- Häme murdes: satY karittoje(n) 'tallede' jm.

2. -jjen mõnedes idamurretes: sPv vasikoidjen 'vasikate'.

3. -len (∫ > l paiguti Hämes): hK harakoiden 'harakate'.

4. -reen (∫ > r tüüpilisena Häme murdele): a. hL haravoiren 'rehade' jt.; - b. (oi > ō): pL harakooren 'haraka-

te'. Nõrgaastmelised genitiivid seletuvad üldiselt teiste mitm. käänete analoogiana.

5. -n tugevaastmelisele tüvele liitununa idamurdeis: a. diftong oi sekundaarne: sIv mansikkoin 'maasikate': - b. (oi > oe): sIv haravoen 'rehade'; - c. (oi > õ): smAL harakkoon 'harakate'.

tten-, ten-, hen-lõpulisel kontaminatsioonivorme, millede põhjuseks on mitmusetüveline genitiiv:

1. -tten (tüüpiline enamikule läänemurdeile): a. hL penikoitten 'kutsikate' jm.; - b. (oi > õ): pL harakootten 'harakate'; - c. (oi > o): smE penikotte 'kutsikate'.

2. -ten liitunult nõrgaastmelisele tüvele: hK harakoi-ten 'harakate' jm.

3. -hen (lõpp pärit kahesilbiliste sõnade illatiivist): a. sIv vasikoihen 'vasikate'; - b. (oi > oe): sP markkinoe-hen 'laatade' jm.

4. -nen (üldistunud ühesilbiliste sõnade genitiivi tüübist ninen 'nende'): To (harva) karhakoinen 'ägedate'.

V a n a k i r j a k e e l e ainsusetüvelistes genitiivides on δ säilimine ootuspärane, kuid mitte ainuline:

1. - δ en peamiselt vanimail kirjameestel: Agr. Panetteladhen 'laimajate' jt., Ups. ev. pakanadhen 'paganate';

2. -ain + - δ en kontaminatsioon esineb harva: Agr. Pacanaiden 'paganate'.

3. -ain võrdlemisi üldiselt kahesilbiliste sõnade analoogial: Agr. pacanain 'paganate', Raum. asiain 'asjade' jm.

δ säilimisele olid mitmusetüvelises vormis (diftongi järel) paremad eeldused kui ainsusetüvelises genitiivis: Agr. pacanoidhen 'paganate' jm. Tüüp on püsitud elujõulisena veel kaasaegseski kirjakeeles. Idasoomeline kontraheerunud genitiiv tuleb esile (kuigi piiratud) juba XVI sajandil: Agr. pacancin 'paganate'.

tten, tten- ja ttein-lõpulistel genitiivide põhjaks on esmajoonel mitmusetüveline vorm:

1. -tten: a. Agr. Jumaloitten 'jumalate' jt.; - b. (oi > o) harva: Mart. asiotten 'asjade'; - c. ai-tüvi juhuslik: Westh pacanaitten 'paganate', mis koos vormiga pacanaille esindab tõenäoliselt kontrah. sõnade käänamist.

2. -ten on faktiline (esindatud tänapäevalgi edelamurdeis), kuigi teda on peetud (M. Rapola) ainult ortograafiliseks (pro -tten): a. Agr. Cupariastioiten 'vasknõude' jm.; - b. Ainsusetüveline Agr. pacanaiten 'paganate' võib kuuluda

ka kontraheerunud sõnade hülka (vrd. eespool pacanaille).

3. ttein-lõppu ain-vormidele liitunud on kasutanud Finno: pacanaittein 'paganate', walhelteiaitein 'valetajate'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l viljeleb sõnatüübist olenevalt genitiive matalain, mataloiden, mataloitten, matalojen, matalien 'madalate'. -ain-lõpulisel vormid on eriti tüüpilised liitsõnadele. -den- ja -tten-lõpp liitub vaid diftongilisele mitmuse tüvele. Statistilised andmed sõnatüübist ulappa 'ulgumeri' on järgmised: ulappain 61,5 %, ulapoiden 27,0 %, ulapoitten 6,0 % ja ulappojen 5,5 %. Võõrsõnadel on määrav kaasrõhk, mistõttu näit. sõnal apologeetta 'apologeet' on samad genitiivvormid kui kaheasilbilistel a-tüvedel: apologeettain ja apologeettojen.

Partitiiv

Rõhuta asend. Enamik murdevorme taandub vahetult lähtekujule *jalkoida. ∫ kadu on üldine:

1. -oja (enamikus murretes): satY lautoja 'laudu' jm. Edelamurrete nõrk aste (aevoja 'aegu') on tingitud silpi sulgevast i-lõpulisest diftongist. E.A. Tunkelo seletus astmeüldistusest (soome edelamurretes nõrga astme kasuks, vadja keeles tugeva astme kasuks) ei pea paika. Murdeti esinev paradigmaatiline vaheldus kanoja 'tema kanu': kanoi 'kanu' on tingitud erinevaist rõhusuhteist seoses possessiivsufiksiga.

2. -oi lõpukao tõttu edela- ja kagumurdeis: smE jalkoi ~ jalvoi ~ jaloi 'jalgu', smAL ukuritsoi 'kurke'.

3a. -oe (< -oi): sL vanhoe 'vanu';

b. -õ (< -oi): hL laurõ 'laudu', sL jal^akõ 'jalgu' jm.

4. -o (< -oi) paiguti edelamurdeis: aevo 'aegu', jalvo 'jalgu'.

Ebaootuspärastest vormidest esineb:

1. ta-lõpuline pleonastiline partitiiv, mis neljasilbilistes tegijanimesedes on küllaltki üldine (oi≠, oi > oe, o): smE sillo(i)taki 'sildugi', sL opettajoeta 'õpetajaid' jm.

2. si-mitmus: smE ammassi(t) 'ametajaid'.

3. loi-mitmus: sIV patoloita 'padu', aür kalmooloi (: kalma 'kalm').

V a n a s k i r j a k e e l e s nagu murdeiski on ∫ alati kadunud.

1. -oja (sageli nõrgaastmelisena): Mart. silloia 'sildu' jt. Koll. sikoa 'sigu' on ilmselt trükkiviga (pro sikoja).

2. -oi lõpukaolisena oli vanaadel kirjameestel kõige üldisem: Ups. ev. hauoij 'haavu', Hem. vioij 'vigu' jt.

3. -o (väga harva): Agr. wanho räpelei 'vanu räbalaid'.

Kolmesilbiliste sõnade deklinatsioon on siirdunud Agr. paluelioita 'teenijaid' jt., mille tüve edelamurrete järgi tõenäoliselt hääldati kolmesilbilisena (palveljoi-). Kuid pleonastilisedki partitiivid pole vanale kirjakeelele võõrad: Agr. lahijoiita 'kinkisid'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s esineb kahe-silbilistes sõnades oja-tüüp: kaloja 'kalu'. ta-lõpulised vormid on võimalikud vaid neljasilbilistest sõnadest: kirjailioita 'kirjanikke' jt. Võõrsõnades oleneb käändelõpp kaasrõhust: melodraa:moja 'melodraamasid', kuid teo:rioiita 'teooriaid'.

Rõhulises asendis on käändelõpu -ta säilimine soome murdeis väga üldine, kuid mitmuse tüve diftong võib olla muutunud:

1. (oi≠), nõrk aste on tekkinud sama paradigma nõrgaastmeliste käänete mõjul: hL silakoita 'silke', sL kalikoita 'kaikaid' jm. E.W. Setälä seletust silpi sulgevast diftongist pole võimalik rakendada idamurrete kohta, kus nõrgaastmelised partitiivid on samuti tavalised.

2. (oi > oē, oe): sIv vasikoeta 'vasikaid'; - sPv hara-koeta 'harakaid' jm.

3. (oi > ō): pL vasikōta 'vasikaid'; hK nappulō(t) 'nuppe'.

4. (oi > o): smE harakot 'harakaid', kattlot 'katlaid'. Edela-, Häme ja kagumurdeis kasutatakse rõhutust asendist tuntud partitiivitüüpe:

1. -oja: hL elukkoja 'elukaid'; Ke mustikkoja ~ mustikoja 'mustikaid' jm. Nõrk aste on hiline.

2. -oi: hK harakoi (= harakoit + harakkoi) 'harakaid'; possessiivsufiksi korral aga ta-lõpp: hK tallukoitā 'tena viltsaapaid'.

3. -ō (< -oi): smAL harakkoo 'harakaid', hK nappulō(t) 'nuppe'.

4. -o (< -oi): smE maasiko 'maasikaid', harako 'harakaid'.

V a n a l e k i r j a k e e l e l e on käändelõpu -t(a) säilimine tüüpiline: Agr. Jumaloit 'jumalaid' jt. Trükiveena esineb tüve lõpphäälikuna harva o (Koll. asiota 'asju'). Edelamurdelise päritoluga kirjameestel võib o olla ka ootuspärane (< oi); samuti Westhi tekstis a pro o: palueliata 'teenijaid'. Sorolainenil esinev tüüp asioi 'asju' on

haruldane. Vormis Mart. waheteliaita (pro *vajehtelijoita) on nähtud (M. Airila) ainsuse tüve mõju, kuid loomulikum on eeldada tüübi pacanoidhen ~ pacanaidhen 'paganate' eeskujul ai-diftongi üldistumist mitmuse genitiivist.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on sageli paralleelselt võimalikud oita- ja oja-lõpulised vormid: ikkunoita, ikkunoja 'aknaid'. Tüüpsõnast ulappa 'ulgumeri' on tarvitamissagedus järgmine: ulapoita 80,9 % - ulappoja 19,1 %. G. Renvalli grammatikas (1840) oli ta-vorm veel ainuvalitsev (jumaloita 'jumalaid'). Kolmesilbilistest võõrsõnadest, millel kaasrõhk nominatiivis on eelviimasel silbil, kasutatakse ainult oja-lõpulist partitiivi: teoree:moja 'teoreeme'.

Illatiiv

Rõhuta asend. Kahe- ja enamasilbilistest sõnadest on kasutusel illatiivitüübid -h-n, tüve vokaali pikenemine + n, -sin, -sihin, -sīn jt.

1. Enamikus murdeis on muutuse h > ∅ tõttu kolmesilbiline vorm (jakoihin >) jalkohin 'jalgadesse' kontraheerunud kaheasilbiliseks, mis edelamurrete piirkonnas esineb pealegi nõrgas astmes:

a. -oin (< -ohin): hP jalkoin 'jalgadesse', smE siioin 'siigadesse' jm.;

b. -oēn, -oen (< -oin): sIv paekkoēn 'kohtadesse'; -sPv aeattoen 'aitadesse' jm.;

c. -ōn, -ōñ (< -oin): hP aikōn 'aegadesse', sIv tappōn 'kommetesse';

d. -on (< -oin): smE paikon 'kohtadesse', pK aison 'aistesse'.

Soome oi(n)-lõpulisest illatiivist tuleb etümoloogiliselt hoida lahus isuri ja võibolla ka äürämõismurde tüüp pattoi(n) 'padadesse', kus h on kadunud enne muutusi diftongis (< *patojen < *patoihen).

2. h säilimine rõhuta silbi järel on häälikuseaduslik vähestes murretes (hK, pL, osaliselt pK, Ke, To); mujal on ta üldistatud rõhulisest asendist, kuid paiguti on võimalik ka kontaminatsioon jalkoin + jalkohin = jalkoihin 'jalgadesse'.

a. he(n)-lõpuline illatiiv-genitiiv on omane mõnedele ida- ja kagumurdeile, kusjuures (oi≠, oi > ō, oⁱ): vI jalkoihe 'jalgu' jm.; -sIv pattoohe 'padadesse'; -sav paikkoⁱhe 'kohtadesse';

b. -hi(n) (< -hen), mitmuse tüve lõpphäälikuina oi, oē, ō, o: smE kaupoihi 'kauplustesse' jm.; -pK pattoēhi(n) 'pada-

desse' jm.; sLv pattohi 'padadesse' jm.; - hK jalkohin 'jalgadesse' jm.;

c. -h: hK rautoih 'raudadesse', sav. sikkoih 'sigadesse';

d. -hoin: Ke kutupaikhoin 'kudemiskohtadesse' jt. meta-teesijuhuna vormist -paikkohin;

e. -hin (lõppude -in + -hin kontaminatsioonina): sata jalvoihii(n) 'jalgadesse'. Sellest tuleb diferentseerida hK mij jalkohin 'minu jalgadesse', milles possessiivsufiksi -ni häälikute metatees (-ni > -in) on põhjustanud käändelõpu vokaali piknemise (i + i > ī).

3. s-aines illatiivi käändelõpus on omane edelamurdeile ja Alam-Luuga keelealale. Tüve lõpphäälikuina esineb sekundaarne (kontraktsiooni teel sündinud) diftong või sellest arenenud ō, o:

a. -sse: smAL jalkoisse 'jalgadesse', saññōsse 'sõnadesse';

b. -sīn: hL patoisīn (=patoin + -sīn) 'padadesse';

c. -ssi (< -sīn < -sihin): smE velvossi 'võlgadesse'. Sellest tuleb diferentseerida To vanhoissin 'vanadesse', milles ssin-lõpuni on jõutud sisekao kaudu (< shin < -sihin);

d. -s lõpukao tõttu nii illatiivis kui inessiivis: smE sillo(i)ski 'sildadessegi', linnos 'lossidesse';

e. -sa- possessiivsufiksistilistes vormides (vokaal a pärit inessiivist): smE jalvo(i)sas 'tema jalgadesse';

f. -sihoin s- ja metateetilise h-illatiivi haruldase kontaminatsioonina: To kauppasihoin 'kauplustesse'.

4. loi-mitmuse kaasrõhulise silbi järel on lõpp -hin ootuspärane: sLv patoloihi(n) 'padadesse'.

V a n a s k i r j a k e e l e s ilmneb samalgi autoril illatiivitüüpide kasutamises suur segadus, mis on tingitud murdevormide ebastabiilsusest (h säilimine või kadu eri rõhuasendeis ja eri põlvkonna esindajail) ning kirjakeele traditsioonide segavast mõjust. Üldisim vanadel kirjameestel on hin-lõpuline esinemus, kusjuures diftongi järelkomponent on kadunud: Agr. sikohin 'sigadesse', nõrgaastmeline Westh siohin 'tema sigadesse' jt. Diftongilisi vorme, näit. Westh sanoihin 'sõnadesse' jt. on peetud (M. Rapola) teoretiseerituiks, kuid neile leiduvad vasted kirjakeele põhjaks olevais murdeis. Vähesel määral on kasutatud ka hīn-lõpuga vorme: Flor. paikkohijn 'kohtadesse', rajoihiijn 'piiridesse'. Kui Agricolal on h-lised ja h-ta vormid tasakaalus, kasutavad

hilisemad kirjamehed peamiselt kontraheerunud tüüpi: Sorol. rannoin 'randadesse'. Nõrgaastmeline on samuti Mart. raudhoin (dh = d) 'raudadesse', mida ekslikult on peetud (M. Airila) metateesivormiks. Veaks ei saa pidada ka Hemminki on-lõpulist vormi vaolons 'tema pajuvitstesse, püünisesse', milles kajastub Masku murde areng oi > o. Harukorral esineb veel sen-lõpuline illatiiv: Agr. wihoisens 'oma vihadesse'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l viljeleb rõhuasendist sõltumata ainuüksi hin-lõpulist illatiivi: jalkoihin 'jalgadesse', ravintoloihin 'restoranidesse' jt.

Rõhuline asend. Kaasrõhulise silbi järel on h säilimine ootuspärane. Süsteemisunni tõttu on käändelõpud teatud murdealal üldiselt samad kui rõhutus asendis:

1a. he(n)-lõpuline illatiiv-genitiiv: sIv vasikõihen 'vasikatesse'; - (oi > oe): lutikõehen 'lutikatesse' jt. Nõrk aste on teiste käänete mõju;

b. -hi(n), mitmuse tüve lõpphäälikuina oi, oe, õ, o: hS vasikoihi(n) 'vasikatesse' jm.; - pK asijoehin 'asjadesse' jm.; - pL harakkõhi(n) 'harakatesse' jm.; - smE penikohi 'kutsikatesse';

c. -h: hK elukoih 'elukatesse', sav. harakkoih 'harakatesse';

d. -hoin metateesivormina: To kattihoin 'kateldesse';

e. -hīn: vL harakoihīn 'harakatesse', smM mataloihīn 'matalatesse'.

2. Kontraheerunud illatiiv on tekkinud rõhutu asendi analoogial; sekundaarne oi = või oi > oe:

a. -oi(n): hL penikkoin 'kutsikatesse', äür harakkoi 'harakatesse';

b. -oen: sIv vasikkõen 'vasikatesse', sLv haravoen 'rehadesse'.

3. s-illatiivid on tekkinud kontraheerunud noomenite eeskujul:

a. -sse: smE harakoisse 'harakatesse' jm.; - smAL ahilõsse 'ahelatesse';

b. -sīn: hL harakkoisīn 'harakatesse', tappuroisīn 'takkudesse';

c. -s: smE harakois 'harakatesse', vasikois 'vasikatesse';

d. -sa- (possessiivsufiksilistes vormides): smE harakoi-san 'tema harakatesse'.

V a n a s k i r j a k e e l e s on Agricolast alates

viljeldud nii häälikuseaduslikke h-vorme kui ka kontraheerunud illatiive:

1a. -hin liitub (erinevalt kahe silbilistest a-tüvedest) alati diftongile: Agr. Oriantappuroihin 'kibuvitstesse' jt. Ainsaks erandiks on Raum. asiohin 'asjadesse', mille tüve edelamurrete järgi võidi hääldada ka kahe silbilisena (asjo-);

b. hen-lõpulisel illatiivid on haruldased: Agr. asti-joihens 'tema astjatesse'.

2. -oin (kasutusel XVIII saj. lõpuni): Agr. Oriantappuroijn 'kibuvitstesse', Flor. asioin 'asjadesse' jt.

P r a e g u n e k i r j a k e e l viljeleb häälikuseaduslikku hin-illatiivi: mataloihin 'madalatesse' jt. Murdelised nõrgaastmelised vormid, nagu ulapoihin 'ulgumeredesse' jt. esinevad harva.

i - m i t m u s

Mii rõhuta kui ka rõhulise asendi variandid on arenenud vahetult i-lisest (mitte ei-lisest või ī-lisest) lähtevormist.

Rõhuta asend. 1. Häälikuseadusliku mitmuse tüvega on järgmised murdevormid:

a. i≠: smE poil ~ pojil 'poegadel', pL nuijilla 'nuia-dega' jm. Possessiivsufiksiga instruktiivis on erandlikult tugev aste: hP omil lupinsas 'oma loaga'. - i pro oi deverbaalsetes ja ma-, va-vormides: hL sājill 'saajatel', To vakavamissa 'tõsisemates' jm.;

b. ī < i lõpukao tõttu: sav korvil 'kõrvadel', sovis 'sõdades';

c. ī (< yi): hS pojille 'poegadele' jm. Muudel juhtudel on pikk ī põhjustatud: 1) lõpukaost tulenevast asepikeadusest (hL opettajiks 'õpetajateks', 2) i-tüvede analoogiast (hS koirriilt 'koertelt', 3) kontamineerumisest tugevaastmelise i-mitmusega (hK pojil = pojil + poikil 'poegadel');

d. \emptyset < i ainult komitatiivis: smE suknes 'oma sukkadega'.

2. Tugevaastmeline mitmus samadel aladel kui oi-mitmuse puhul: a. (sekund. ī): vL tuppiissa 'tubades' jm.; -

b. (ī > i): smE poikkilt 'poegadelt' jt.

3. loi-mitmus idamurdeis: a. ains. tüvi + loi: sEV poikalaille 'poegadele' jm.; - b. mitm. tüvi + loi: vI luhti-lois 'luhtades'.

V a n a s k i r j a k e e l e s on i alati lühike: Agr. numisa 'numiades', luattomista 'lubamatutest' jt. Kollaniusel tõenäoliselt ij = i: pojista (= poista) 'poegadest'

Muutust ji > i tõendavad vormid: Agr. opettaile 'õpetajatele', Ikal. cuillans 'oma radadel' jt.

P r a e g u n e k i r j a k e e l kasutab alati i-list mitmuse tüve neist kahe silbilistest sõnadest, mille esimeses silbis on vokaalid o, u, uu, ou, uo, oi, ui: omilla 'omadel' mustilla 'mustadel', kourista 'pihkudest', nuijilla 'nuia-
del' jt. iu-juhtudel esineb ebastabiilsust: tiukilla ~ tiu-
koilla 'karmidel'. Tegijanimedest, mille eelviimases silbis ei ole i-d, on i-mitmus soositum kui oi-mitmus: opettajilla 'õpetajatel' jt. Possessiivsufiksiga instruktiiiv on tugevas astmes: omin roukinsa 'omal toidul'.

Rõhuline asend. 1a. Enamikus murdeis lõpeb mitmuse tüvi i-ga või muutuse ji > i tõttu i-lõpulise diftongiga: hP an-
tajilla 'andjail', smE molemmissaki 'mõlemateski', asuill 'elanikel' jm. Murdeti astmeüldistusi nõrga astme kasuks: sIV suurimmina 'suurimatena' jm.; - b. i < i lõpukao tõttu: sIV suremist 'suurematest'.

2. i peamiselt i-tüvede analoogial: pL sürimmilla 'suu-
rimatel', sanomis 'sõnumites'.

3. Tugevaastmeline i-mitmus rõhulises asendis on hili-
sem kui rõhutus; esineb vaid Soome lahe piirkonnas: vL pa-
rempista 'parematest'.

V a n a s k i r j a k e e l e s on i alati lühike: Agr. sanomattomilla 'ütlematutel' jt. Tähelepanu vääriv on i-liste vormide kasutamine veel sellistest tegijanimedest, mille eelviimase silbi vokaaliks on i; muutuse ji > i tõttu tähendab ji tõenäoliselt i-d: Agr. walehtelijst 'valetajate-
st', Ikal. cuulijlle (< *kulijjillen) 'kuulajatele'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l kasutab kolme- ja enamasilbilistest a-tüvedest i-list mitmust peamiselt juhtu-
del, kui sõna lõpeb ains. nominatiivis isa-, ma-, mpa-, va-
ga: arvoisilla 'lugupeetutel' jt. Silmapaistvaks erinevuseks vana kirjakeele uususest on, et valehtelija-tüübist kasuta-
takse ainult oi-mitmust.

Genitiiv

Rõhuta asend. Ainsusetüvelise genitiivi esinemisalad on samad kui oi-mitmusel. Häälikulised variandid, mis lähtuvad tüübist *poika_{en}, on järgmised:

1. -a_{en}: satY noita_{en} 'nõidade' jm. Sellest tuleb lahus hoida idasooe diftongiline noetaen, milles a_e > ai > ae.

2. -ajen (ɔ kohal siirdehäälik, kuid murdeti võib -ajen

või -aijen olla pärit ka tüüptide kalain + kalojen kontaminatsioonist): hS poikaje(n) 'poegade' jm. Savo murde piirimail poikajen 'poegade', päiguti ka kontaminatsiooniline hen-lõpuga poekaehen 'poegade'. Neist tuleb diferentseerida edelamurrete samatähenduslik genitiiv poikkajen, milles poikain > poikka + -jen (? < *poikaiden = poikain + poikaden).

3. Kontraheerunud vormid: a. -ain: hS poikai(n) 'poegade' jm.; - b. -aen, -aen (< -ain): pK opettajae(n) 'õpetajate' jm.; - sP poekaen 'poegade' jm.; - c. -än (< -ain): pL onnettomän 'õnnetute'.

Konsonantsete genitiivide ten- ja tten-lõpp on analoogiline: hS viatonten 'veatute'; smE puoletontte(n) 'erapooletute'. Ootuspärane oleks nne-n-lõpp: *viattonn(a) + den > *viattonden > *viattonnen (≈ *viattonen).

Mitmusetüveline *poikiden-tüüp on murdeis esindatud järgmiselt:

1a. -ijen (kõige üldisem tüüp), -ien (hK, smM, satY): hK poiki_ien ~ poikien 'poegade' jm.;

b. -ian (< -ien): hK poikian 'poegade', munian 'munade';

2a. -ijjen (siirdehäälikuna i või j): vL poikijen 'poegade', pL kovi_je(n) 'kõvade' jm. Neist tuleb lahus hoida smE poikkijen 'poegade', mille geminaat kk viitab lähtekujule poik_in + -jen.

b. -ijje(n) (-in + -jjen ilmselt tüübi hK poikiten mõjul): sEv poikijje(n) 'poegade';

c. -ihe- ainult possessiivsufiksiga vormides (h tõenäoliselt siirdehäälik): vI omiheis kans 'sinu omadega'.

3. -in (< -ien) mõnedes ida- ja põhjamurdeis ning Soome lahe piirkonnas: hK poikin 'poegade', vI puhtahampi 'puhtamate' jm.

ren-, tten- ja ten-lõpuliste kontaminatsioonide põhjaks võivad olla nii ainsuse- kui mitmusetüvelised vormid:

1. -ren-: Por poikairen 'poegade', mis tüübilt (poikain + -ren) on sama vana kui vana kirjakeele Pacanaidhen (Pacainain + dhen) 'paganate'.

2. -tten-: a. smE tuppaitten 'tubade' jt.; - smE poikkatte (= poikain > poikka + -tte või poikain + -tten) 'poegade'; - b. smE korvitten 'kõrvade' jm.; - pP poikitten 'poegade'.

3. -ten-: a. smE poikaiten ~ poikkaten ~ pojate 'poegade'; - b. hK opettajiten 'õpetajate'.

4. -ttein, -ttēn (< -ttein) edelamurrete piirimail tten-tüübi kõrval: hE sottittēn aikan 'sõdade ajal'.

5. -sten a-tüvedes juhuslik: Vih torppaistem pihatois 'popsitarede karjaõues', kuigi oi-, ei-noomenis tavaline (vrd. kukkoisten 'kukkede').

V a n a k i r j a k e e l e poika-tüübi mitm. genitiivid on põhiliselt ainsusetüvelised:

1. -ŕen (rõhulisest asendist üldistatuna) vanematel kirjameestel): Agr. woijmadhen 'jõudude', Westh Hooradhen 'hoorade' jt.

2. -ain + -ŕen-lõpu kontaminatsioon esineb sageli neljasilbilistest sõnadest: Agr. Cadhectiwaijdhen 'kadestajate' jt.

3. -a:en: Pacch. Turhaen 'asjatute', omaen 'omade'.

4. -ain üldisima genitiivitüübina (vahel ka nõrgas astmes): Agr. Mestattauain 'hukatavate', Mart. odhain 'odade' jt.

5. -an atributiivselt kasutatud noomeneis: Sorol. oman töidens 'oma tööde' jt. Siin ilmselt -an < -ain, kuigi Kollaniuse puhul on oletatud (M. Rapola) ka muutust ae >> ā.

Mitmusetüvelise genitiivi vähesed näited on peamiselt Agricolalt: 1. -ŕen (tegijanimedes ji > i): racastaidhes 'oma armastajate'. 2. -ien: wighattomien 'veatute'. - 3. -in (idasoome tüüp): paluelijs 'oma teenijate'.

tten- ja ten-lõpulised kontaminatsioonivormid, mis tänapäeval on edelamurdeis üldised ka kaheasilbilistest sõnadest, on leidnud rakendamist vaid algselt neljasilbilistes noomenites:

1. -tten: Koll. tohistaitten 'tunnistajate', Pacch. Murhaittens 'tema mõrvarite' jm.

2. -ten: Fin. pilcaiten 'pilkajate', Raum. opetaiten 'õpetajate'. - Eraldi mainitagu -ain + -ten kontaminatsioon Finnolt: cadhectiuaiten 'kadestajate'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on poika-tüübist valitsev asend mitmusetüvelisel genitiivil: poikien 'poegade' 89 % - poikain 11 %. Neljasilbilistel sõnadel näib mitmusetüveline genitiiv olevat veelgi soositum: onnettomien 'õnnetute' 93,8 % - onnetomain 4,6 % - onnetonten 1,6 %.

Rõhuline asend. Ainsusetüvelised tüübid on üldjoontes samad kui rõhutus asendis:

1. -aje(n): smE kovampaje(n) 'kõvemate', parempaje(n) 'paremate'.

2. Kontraheerunud vormid: a. -ain: smE huonomppain 'halvemate' jm.; - b. -aen, -aen (< -ain): sPv molempäen 'mõlemate' jm.; - sIv parempaen 'paremate'; - c. -än (< -ain), kaasrõhulises silbis alles XVIII saj. keskel: pL sürepän 'suuremate'.

Konsonanttüvelistes vormides on lõpp -ten teise silbi järel ootuspärane: Ke issointen 'suurimate'. Edelamurrete -tten on pärit kontraheerunud sõnadest: uusintten 'uusimate'. Vorm Ke jumalten 'jumalate' põhineb e-tüvede analoogial.

Mitmusetüvelistes genitiivides pole ǫ kadu ootuspärane: 1. -i/en (harvemini) -ien: hS parempien 'paremate' jm. Sõna muutana 'mõni' on muredeti siirdunud komparatiivide rühma: pP mütampien.

2. -ijen (siirdehäälikuna ǫ kohal i või j): sL parempijen 'paremate', pK haravi^jen 'rehade' jm.

3. -in (< -ien): vL sürepin 'suuremate', sav molempin 'mõlemate'.

Kontaminatsioonivormid (nii ainsuse- kui mitmusetüvelised) on tten- ja ten-lõpuga:

1. -tten: a. smE mustempatten 'mustemate'; - b. pP jumalitten 'jumalate' jt.

2. -te(n): a. hK molempaiten 'mõlemate'; - b. smE perunite 'kartulite'; hK molempiten 'mõlemate'.

V a n a s k i r j a k e e l e s on esindatud ligi 20 genitiivitüüpi, millest rõhuva enamiku moodustavad ainsusetüvelised vormid:

1. -den (ǫ säilimine on ootuspärane) peamiselt Agricolal, vähesel määral teistelgi vanadel kirjanikel: Agr. molembadhen 'mõlemate', Elim. ahkeraden 'usinate' jt.

2. -ain + -den kontaminatsioonivormina nii kolme- kui viiesilbilistest sõnadest: Agr. Uskomattomaidhen 'uskmatute' jt.

3. -a/en esineb harva: Pacch. palawaen 'põlevate' jt.

4. -ain kõige enam kasutatava genitiivitüübina: Mart. Esiuanhembain 'esivanemate'.

5. Konsonanttüveline genitiiv on kasutusel peamiselt sõnast jumala 'jumal', näit. Agr. Jumalten, Epeiumalden, harvemini muudest sõnadest: Agr. Wanhinden 'vanimate'.

Mitmusetüvelisi genitiive on vähesel määral viljelnud Agricola: 1. -den, esindatud nii kolme kui viiesilbilistes sõnades: Jumalattomidhen 'jumalatute'. - 2. -in (idamurdelisena): Pacanin 'paganate'.

tten- ja ten-lõpuga genitiivid on rõhulises asendis eriti sagedased:

1. -tten: a. soosituim on mitmusetüveline tüüp, mis edelamurrete astnevaheldussuhteid kajastades esineb ka nõrgas astmes: piiblis (1642) wanhimitten 'vanimate' jt. - b. Ainsusetüvelised vormid on sekundaarse ai-diftongiga, harva a-ga (? trükiveana): Ups. ev. hyuästihaisewaitten 'hästi lõhnava-te' jt.; - Koll. asiatten 'asjade'.

2. -ten (= -tten ~ -ten): a. Agr. Lihaiten 'lihavate' jt.; - b. Westh pacanaiten 'paganate' jt.; - (a pro ai, ?trükiveana) Agr. Jumalattomaten 'jumalate'.

Lisaks mainituile kasutatakse harva ein-lõpulisi kontaminatsioonide ja karitiivadjektiivide ainsuse nominatiivile tüüpe, millel puuduvad murdevasted; 1. Sorol. molemittein 'mõlemate': - 2. Agr. jumaltein 'jumalate'; - 3. Agr. uskomatodhen 'uskmatute'; - 4. Agr. wskomattoin 'uskmatute'; - 5. -oin + -dhen: Ups. ev. ta/i/tamattoidhen 'saamatute'. Agricolal leiduvate karitiivadjektiivide puhul on oletatud (H. Ojansuu) eesti keele otsesest mõju, kuid juba ainuüksi selliste vormide esinemine teistelgi autoritel viitab iseseisvalt tekkinud haploloogiale.

Præguses kirjakeeles on kõikidest sõnatüüpidest soosituim mitmusetüveline genitiiv; suhteliselt haruldased on konsonanttüvelised vormid: vanhempien 'vanemate' 91,3 % - vanhempain 8,7 %; matalien 'madalate' 47,6 % - matalain 46,3; karitiivadjektiividel: mitmusetüveline genitiiv 93,8 % - ainsusetüveline 4,6 % - konsonanttüveline 1,6%. Vanast kirjakeelestki tuntud konsonanttüveline vorm jumalten 'jumalate' on võimalik ainult luulekeeles, samuti itten-lõpulised genitiivid, mida kasutatakse ka kõnekäändudes, näit. Suuri kiitos soutajitten, kaksi ilman istujitten, perämiehen ei mitänä 'Suur tänu sõudjatele, kaks muidu istujatele, tüürimehele mitte midagi'.

Partitiiv

Rõhuta asend. Lähtetüübile *poikida taandub enamik murdevorme.

1a. -i, harvemini -ia: hS poikia 'poegi', smE korkeampia 'kõrgemaid' jm.; - b. Metateesi või sisekaojuhuna Ke omihanhan 'enda omigi (mitte)', mis tuleb hoida lahus siirdehäälikujuhtudest.

2a. -ija (siirdehäälikuna i või j): hP poikija 'poegi', pK kuormi^ja 'koormaid' jm. Edelamurrete possessiivsufiksili-

ne kumppijan on saanud pp paradigmaatilises vahelduses olevast vormist kumppi 'kumbi'. - Muutuse ji > i tõttu on mitmuse tunnus i siirdunud diftongi järelkomponendiks: To opēt-taija 'õpetajaid'; - b. Geminatsioonialal j > jj: sIv kor-vijjān 'oma kõrvu'. Ka siin on tõsem siirdehäälikuseletus kui A. Turuneni oletus ja (< jja) häälikuseadusliku päritolu kohta tüübist jalkoja 'jalgu'.

3. -ie (< -ia) mõnedes idamurretes: sPv usseampie 'sagedamaid' jt.

4a. -ī (< -ia) peamiselt lõunapoolsetes murretes: hK matalempiī 'madalamaid' jm. Üldiselt -ia > -ie > -ī, kuid lõpukao aladel võimalik ka -ija > -ii ~ -ī; - b. -i, -ī (< -ī) edelamurretes ja Alam-Luuga alal: smE poikki 'poegi'; - smAL otsi 'otsi'.

5a. -t(a)-lõpp on pärit rõhulisest asendist: smE kalastajit (?< kalastajī + -ta) 'kalastajaid'; To opēttaita (i < ji) 'õpetajaid'; - b. selgelt pleonastiline on smAL ruiskukkiita 'rukkililli'.

6. loi-mitmuse partitiivis vI sorsiloi ootaks kastrõhulise silbi järel ta-lõppu.

V a n a s k i r j a k e e l e s on üldisim ia-esinemus: Agr. Gummia 'imelikke', poltettapija 'põletavaid' (-ija ortograafiline) jt. Kontraheerunud vormid on omased peamiselt Edela-Soome kirjameestele: Hem. onnettomii 'õnnetuid' jt.; - muutuse ji > i tõttu ai-diftong: Mart. tohtistaij 'tunnistajaid' jt. Küllalt sageli esinevas tegijanimede ta-lõpulisel tüübis tohtistaita 'tunnistajaid' on oletatud hääldamist tohtistajita (E.N. Setälä) ja tohtistaita (M. Airila). Sellistel juhtudel puuduvad otsustamiseks kindlad kriteeriumid, sest samalgi kirjamehel i = i, j, ij või ji.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on partitiiv alati -ia-lõpuline: poikia 'poegi', pataljoonia 'pataljoone'.

Rõhuline asend. 1a. t(a)-lõpulistel ootuspäraste vormide kasutamine on omane vaid vähestele murretele: smE kovempit 'kõvemaid'. To lusikita 'lusikaid' jm.; - b. ita-lõpulistest kontaminatsioonilistest partitiividest näit. TütS molempita (= molempī + molempita) 'mõlemaid' jt. tuleb diferentseerida häälikuseaduslik tüüp To kul^ukita (< kulkiita < kulkijita) 'rändureid'; - c. Gemineerunud tüvekonsonandiga smE suurimppit 'suurimaid' eeldab lähtekuju sūrim-

pī-; - d. Sporaadilisi ei-vorme võib kohata edelamurdeis: humalei(ta) 'humalaid', kamalei(ta) 'hirmsaid'. Sõnad on siirdunud teise tüvetüüpi.

2. Enamikus murdeis on partitiivitüüpide üldistumine toimunud kahe silbiliste sõnade kasuks:

a. -i(a), (harvemini) -ia: sTy vanhempiansa 'oma vane-
maid', hS halvempia 'odavamaid' jm.;

b. -ija (siirdehäälikuna j või j̄): hP heikompija 'nõrge-
maid', pL parempi^{j̄}a 'paremaid';

c. -ie (< -ia): sLv isompie 'suuremaid', sPv kīluvie
'sädelevaid';

d. -ī (< -ia): hK luki(j)ī 'lugejaid', astmeüldistusena
sLv suurimmii 'suurimaid' jm.;

e. i (< ī) edelamurdeis: huanomppi 'halvemaide', asui
(<< asujī < asujia) 'elanikke', samuti hakei (< hakejia)
'otsijaid', kuid haki (< hakī < haki-ī < hakijī < hakijia)
'otsijaid'.

V a n a s k i r j a k e e l e s on t(a)-lõpu säilimine eriti üldine: Agr. Lesseseisouita 'juuresolijaid', piiblis (1642) kirjawita 'kirjusid' jt. Oluline on i-lise mitmuse säilimine sellistes tegijanimedes, nagu Agr. cuallijt 'sur-
nuid', mis kujult on väga sarnane samatähendusliku lõuna-ees-
ti vormiga kōljit̄. Hemminkil j-i kohal siirdehäälikuna h
(murtahit 'murdjaid'), mida M. Rapola peab asjata Masku mur-
raku partitiivi ja illatiivi sarnasusest tulenevaks. Rõhutatud
asendist üldistunud ia-lõpulised partitiivid on XVI ja XVII
sajandil veel suhteliselt haruldased ja puuduvad Agricolaal
a-tüvedest täielikult: Fin. oppemattomia 'õppimatuid' jt.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on rõhulise
asendi partitiivide esinemus ia-lõpuline nagu kahe- ja nelja-
silbilistelgi sõnadel: omenia 'õunu', matalia 'madalaid' jt.
Vana kirjakeele häälikuseaduslikust ta-lõpust pole säilinud
jälgegi.

Illatiiv

Rõhuta asend. 1a. -ī(n) enamikus murretes. Häälikuliste
muutuste käik on järgmine: *korvihēn > korvihin > korvi-in >
korvīn, hen-illatiivi alal korvihēn > korvien > korvīn 'kõr-
vadesse';

b. -i (< -īn): smE poikki 'poegadesse', matalemppi 'ma-
dalamatesse'.

2. h säilimine on häälikuseaduslik vähestes murretes (hK,
pE, osaliselt pK, Ke, To), mujal aga tekkinud rõhulise asen-
di analoogial:

a. -he: sav kuoppihe 'koobastesse'. - Pika i-ga äür otrīhe 'otradesesse' on kontaminatsioonivorm;

b. -hi(n): smE korvihin 'kõrvadesse', (satY omihin 'omadesse') jm. - Gemineerunud tüvekonsonandiga vormid viitavad kontaminatsioonile: smE ossihi (osin > ossi > ossi + -hi) 'osadesse'. - Põhjapoolseis murdeis sisekao vorme: pK tuphin (< tupihin) 'tubadesse', Ke multhin 'muldadesse';

c. -h: sav poikih 'poegadesse'; - kontaminatsiooniline sottih 'sõdadesse';

d. -hīn vahel ka metateesijuhuna: To voimhīn (< voimi-hin) 'jõududesse'. - satY kivihīn 'kividesse' on kontaminatsiooniline (kivihin + kivīn = kivihīn).

3. s-illatiivide põhjaks on kontraheerunud īn- või in-vorm:

a. -sī: hL (Por) tupīsī 'tubadesse', milles kaks illatiivi lõppu (vrd. puihīsī 'puudesse');

b. -s: smE nurkkis 'nurkadesse' on toimunud kokkulangemine inessiiviga;

c. -sa- possessiivsufiksi ees: smE poikkisan 'oma poegadesse'.

V a n a s k i r j a k e e l e s esinevad hin-illatiivid Agricolaal peaaegu võrdselt kontraheerunud īn-vormidega, mis hilisematel kirjameestel muutuvad domineerivaiks: Agr. lohihins 'oma koobastesse'. - Hem. omin 'omadesse' jt.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s viljeldakse kontraheerunud vorme: poikiin 'poegadesse', avuttomiin 'abitutesse' jne. hin-lõpu tarvitamine piirdub peamiselt vanema luulekeelelega.

Rõhulises asendis on ootuspärase h-illatiivi kasutamine piiratum kui diftongilise, oi-mitmuse puhul:

1a. -hi(n): smE oravihi 'oravatesse', pL haravihinse 'oma rehadesse'. - Gemineerunud tüvekonsonandiga vormid on tekkinud kontaminatsiooni teel: smE kalssemppihin (kalssemppin > kalssemppin + -hin) 'karmidesse'. - Sisekaovormina Ke issoimphin (< isoimphin) 'suurimatesse'; - b. -h: sav mo-lempih 'mõlematesse', parempih 'parematesse'.

2a. īn-lõpulised kontraheerunud illatiivid on tekkinud rõhutu asendi analoogial: sata parempī(n) 'parematesse' jm. - Astmeüldistusena sIV suurimmiin 'suurimatesse'; - b. -in (< īn): smE omenin 'õunatesse', kalssemppin 'karmidesse'.

3. sse-lõpp on pärit kontraheerunud e-tüvedest: smE li-

havisse 'lihavatesse', puhujisse 'kõnelejatesse'.

V a n a k i r j a k e e l kasutab hin-vorme ka atri-
buutides: Westh surembihin tõihin 'suurematesse töödese' jt.
Vanimatel kirjameestel on kontraheerunud illatiiv haruldane:
Agr. swrembijn 'suurematesse'.

P r a e g u s e k i r j a k e e l e esinemus on sama
kui rõhutus asendis: -iin (peruniin 'kartulitesse') ja -hin
(luulekeeles).

K o n t r a h e e r u v a d n o o m e n i d

Eraldi muudest a-tüvelistest sõnadest käsitleme ea-lõ-
pulisi adjektiive ja nendega kõrvutatavaid kontraheeruvaid
noomeneid (tüübid *valkeða, *vapaða, *harmaya). Mitmuse tü-
ves ootaks muutust *valkeði- > *valkeši-, mida pole aga toi-
munud, sest eri läänemeresoome keeltes on d > ø või selle
kohal on d, D, h (näit. vdj eikeita 'õigeid', vps magedid
'magusaid', eL maGeDiD 'magedaid', segehit 'sõgedaid').

1a. ei, ai (hilistekkeline diftong dj ja y kao tõttu) on
murdeis üldisim esinumusvariant: sata hoppeista 'hõbedatest',
smE harmais 'hallides' jm.;

b. ē (< ei), ā (< ai): pL rohkeesta 'julgetest', har-
maas 'hallides';

c. e (< ei): smE adv. oikke 'õigesti'.

2a. oi-mitmus aladel, kus -ea > -ia, *harmajh-tüübis ka
mujal: smE oikkiois 'õigetes', hK har moist 'hallidest' jt.;

b. oe (< oi) redutsioonialal: pP koliioeksi 'kõleda-
teks';

c. ō (< oi): pL komioos 'toredates', har moos 'halli-
des';

d. o (< oi): smE makkiost 'magusatest', oikkios 'õige-
tes'.

3a. hi-line tüvi on omane peamiselt kagumurdeile, kus
esineb paradigmaatilist vaheldust, näit. äür valkehille 'val-
getele', kuid ainsuses valkialle. h-line tüüp on tuntud ka
mõnedes Lõuna-Eesti murretes, näit. Rõu segehil 'sõgedail';

b. hi (i > i̯) asepikeendusena): smAL valkehiis 'valgetes',
kiukahiis 'keristes';

c. hai metateesi juhuna: Ke vaphaina (< vapahina) 'va-
badena'.

4. loi-mitmus on kontraheerunud atüvedele üldiselt võõ-
ras, ainult sõna astia 'astja' on hilise ē-tüve kaudu seotud
nii ea-adjektiivide kui ey-tüveliste sõnadega. Viimaste

mõjul ka loi-mitmus: smAL aste^ooiAAA 'astjatel'.

V a n a s k i r j a k e e l e s kasutas Agricola ainult i-mitmust, kuigi ainsuses on tal väga sagedane -ea > -ia: Agr. walkeil 'valgetel'. oi-mitmus on kasutusel XVII saj. algusest: Hem. makjoix 'magusateks' jt. h-tüüp sõnast vapaa 'vaba' on omane põhjapoolsetele kirjanikele: Koll. wapahille 'vabadele'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on eda-adjektiividest kasutusel i-mitmuse kõrval ka oi-mitmus: korkeilla ~ korkeoilla 'kõrgetel'. oi-tüüp vana kirjakeele pärandina on ea-sõnus (korkea) kunstlik, sest puudub selle eeldus ea > ia (vrd. vanas kirjakeeles corckia). h-line tüvi tüübis har-mahi-, vapahi- on võimalik ainult luulekeeles.

Genitiiv

1. Ainsusetüvelisi genitiivivorme (lähtetüüp *korke^oa-den) kasutatakse läänemurdeis: a. -ain: smE korkkiaain 'kõrgete' jt.; - b. -ān (< -ain): pL komiaan 'toredate'; - c. -a(n) (< -ain): smE kalppian 'kahvatute', nopja 'nobedate'.

2. Mitmusetüvelised vormid lähtuvad tüübist korke^oiden: a. -je(n): sL korkeije(n) (j < đ) 'kõrgete', hL harmajen (j < i) 'hallide'; - b. -len (< -den): hK koreilen 'toredate'; - c. -ren (< -den): hL valkeiren 'valgete'; - (ai > ā) pL harmaaren 'hallide'.

3. Kontraheerunud ein-, ain-lõpuline genitiiv on tekkinud kaheasilbilise jalkoin-tüübi analoogial: vL sokkein 'pimedate', hE harmain 'hallide' jm.

4. -hi(n): vI sokehi 'pimedate', smAL (kiukaa:) kiuka-hiin 'keriste'.

5. Käändelõpud -tten, -ten on pärit teistest deklinatsioonitüüpidest; -hen illatiivist:

a. -tten liitub i- või oi-mitmuse tüvele: hL harmaitten 'hallide' jm.; - metateesijuhuna Ke vaphaitten 'vabade'; - (ai > a) smE kalppjatten 'kahvatute'; - (oi või oi > o) smE kalppjoitten 'kahvatute', rohkiotte 'julgete';

b. -ten liitub ainult i-mitmuse tüvele: hK korkeiten 'toredate', sEv valkeiten 'valgete';

c. -hen genitiiv-illatiivis: sP korkeihen 'kõrgete'; - (ei > eē) sIv korkeēhen 'kõrgete'; - sIv ainoihen 'ainukes-tesse'.

6. ttien-lõpulisel genitiivil pL harmaattien 'hallide' on tegelikult käändelõpuks -en, sest mitmuse tüvi harmaatti-esineb läbi kogu paradigma.

V a n a s k i r j a k e e l e s on kasutusel järgmised ainsusetüvelised vormid: 1. -den: Agr. Sokiadhen 'pimedate'. - 2. -ain kõige enam kasutatud tüübina: Sorol. oickiain 'õigete' jt. - 3. -ain + -den kahe eelmise tüübi kontaminatsioonina: Mart. corkiaidhen 'kõrgete'.

Kindlad näited mitmusetüvelisest genitiivist puuduvad, sest A. Penttilä poolt rekonstrueeritud vorm Ups. ev. kanck/ei/dhen 'kangete' võib olla ka kank/ia/dhen, mis muide esineb Agricolal.

ein-, ain- ja oin-lõpulised genitiivid, näit. Agr. Corein 'toredate'. Vainain 'surnute', Raum. corckioin 'kõrgete' jt. pole arvatavasti algselt olnud mitmusetüvelised, vaid tekkinud proportsioonianaalooogia mõjul: papeista : ko-reista; pappein : x; x = korein 'toredate'.

tten- ja ten-lõpud liituvad mitmuse tüvele, kuid lähtevormideks võivad olla ka ein- ja oin-lõpulised genitiivid: 1. -tten: Hemm. corkeitten 'kõrgete', sokijoiten 'pimedate'. - 2. -ten: Agr. Coreiten 'toredate', Koll. wapahiten 'vabade'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l kasutab ainsusetüvelist genitiivi peamiselt liitsõnades: sokeainkirjoitus 'pimedate kiri'.

Mitmusetüvelistest vormidest on soositum den-lõpuline genitiiv: korkeiden 'kõrgete' 82,0 % - korkeitten 18,0 %. Kunstlikul tüübil korkeoi- puudub murdetaust, mistõttu teda peaaegu üldse ei kasutata. Järelikult genitiivide korkeoiden ~ korkeoitten (pro korkioiden ~ korkioitten) kustutamine kirjakeele kääntüübistikust tundub ajakohasena.

Partitiiv

1. Lähtetüüp on *korkeõita, millest on arenenud järgmised t(a)-lõpulised vormid; erinevused puudutavad mitmuse tüve: a. ei, ai ä, y kao tõttu: TurS korreit 'toredateid', vL harmaita 'halle' jm.; - metateesivormina Ke vaphaita 'vabasid'; - b. eë (< ei): sIv korkeëta 'kõrgeid'; - c. ē (< ei), ā (< ai): pL korkēta 'kõrgeid', harmoata 'halle'; - d. ī muutuse ea > ī mõjul: hK makīt 'magusaid'; - e. a (pro ā) mitm. nominatiivi vaphat 'vabad' mõjul: pL vaphata 'vabasid' (~ viarhāta 'võõraid').

2. t(a)-lõpp on ootuspärane ka oi-mitmuse puhul: a. oi: smE oikkioit 'õiged', sIv harmoita 'halle' jm.; - b. oe (< oi): sIv harmoeta 'halle'; - c. ō (< oi): hK harmōt 'halle' jt.; - d. o (< oi): smS makkioit 'magusaid'.

Muudel juhtudel on käändelõpp analoogiline, sellest tingitult muudatused ka mitmuse tüves. 1. i-mitmuse puhul: a. -ja: To korkeija 'kõrgeid'; - metateesijuhuna Ke vapaja 'vabasid'; - b. -ia, -i h-listes tüvedes: pL vapahia 'vabasid', vI harmahi 'halle'; - c. käändelõputa vormid tüübi jalkoja jalkoi eeskujul: hL ruskei 'pruune'; sav harmai 'halle'; - d. -i (siirdumise tõttu algup. e-tüvede deklinatsiooni): smE ruski (: ruske < < ruskea) 'pruune'. - 2. oi-mitmuse puhul: a. -oja (< -oi-a): Ke valkioja 'valgeid' jm.; - b. -oi (< -oja): smE makkioi 'magusaid' jm. - 3. tia-lõpulisel partitiivil pL harmaattia 'halle' on käändelõpuks ainult -a, sest tüvi harmaatti- esineb ka teistes käänetes.

V a n a k i r j a k e e l e partitiivid on enamikus t(a)-lõpulisel: 1. i-mitmus: Hemm. Oikeit 'õigeid', Raj. corkeita 'kõrgeid'; - 2. Harvemini oi-mitmus: Raj. cauhioita 'hirmsaid' jt. Esindatud on ka käändelõputa partitiiv: Hemm. corkei 'kõrgeid'.

P r a e g u n e k i r j a k e e l viljeleb tegelikult vaid tüüpi korkeita 'kõrgeid', kuigi ka oi-mitmuse paralleelvorm korkeoita on lubatud.

Illatiiv

Eri käändelõppude ja mitmuse tüvede kombinatsioonina on soome murretes kasutusel ligi 20 illatiivivarianti, millest vaid osa taandub vahetult lähtetüübile *korkeihin, *harmaihin.

1. -he(n): a. (tüves ei-diftong): sav valkeihin 'valgetesse' jm.; - b. (ei > eé): sIv korkeihin 'kõrgetesse'; - c. ai /> oi > oe): sIv harmoehin 'hallidesse'.

2. -hi(n): i-mitmus: a. (ei): sP korkeihin 'kõrgetesse' jm.; - b. (ei > eé): sIv korkeihin 'kõrgetesse'; - c. (ai > ā): pL harmaahin 'hallidesse'. - oi-mitmus: a. (oi): smE kalppjoihin 'kahvatutesse'; - b. (oi > oe): pK oikioihin 'õigetesse' jm.; - c. (oi > ō): pL komioihin 'toredatesse'; - d. (oi > o): smE oikkiohi 'õigetesse'.

3. -hīn: vL korkioihin 'kõrgetesse', komioihin 'toredatesse'.

4. Kontraheerunud illatiivid: a. -i h-listes tüvedes: äür valkehii 'valgetesse'; - b. -oi(n): smE makkioin 'magusatesse' jm.; - o (< -oin): smE makkio 'magusatesse'.

5. s-illatiivid: a. -se(n): vI korkeise 'kõrgetesse'; - b. -sse(n) (< -sehen): smE harmaisse 'hallidesse' jm.; - 2. -s: hL harmais 'hallidesse'; - d. -sihin: metateesivormidega

pL vapahishin, Ke vapahaishin 'vabadesse'; (sh > ss): Ke vap-haissin 'vabadesse' - e. -si(n) (< -sihin): sata korkeisi(n) 'kõrgetesse' jm.; - (ai |> oi): sIv harmoisii(n) 'hallidesse'.

V a n a k i r j a k e e l e näidetes on esindatud kontraheerunud käändelõpuga i- ja oi-mitmuse vormid: Hemm. valkein 'valgetesse'; - Raum. cauhioin 'hirmsatesse'.

P r a e g u s e s k i r j a k e e l e s on soositum siin-lõpuline tüüp, näit. kauheisiin 'hirmsatesse' 61,0% - kauheihin 39%. oi-mitmuse kauheoihin tundub ballastina ja soomlase keeletundele vokaaliühendi eoi tõttu vähesobivana (murdeis ja vanas kirjakeeles levinud ioi-line korkioi- esinemus). Luulekeeles võib kasutada ka sihin- ja sin-lõppu: vapaisihin ~ vapahisin 'vabadesse'.

L ü h e n d i d

Agr. = Agricola, Elin. = Elimaeus, eL = Lõuna-Eesti murre, Fin. = Finno, Flor. = Florinus, For. = Forseen, Goth. = Gothus, Hem. = Hemminki, hK = Kagu-Häme murre, hL = Lõuna-Häme murre, hP = Põhja-Häme murre, hS = Kesk-Häme murre, Ikal. = Ikalensis, Ke = Kemijõe murre, Koll. = Kollanius, Mart. = Martti, Pacch. = Pacchalenius, pk = Kesk-Pohjanmaa murre, pl = Lõuna-Pohjanmaa murre, Por = Porvoo, pP = Põhja-Pohjanmaa murre, Raj. = Rajaleniuss, Raum. = Raumannus, Rou = Rouge, Sai = Salamius, sata = Ala-Satakunta murre, saty = Ylä-Satakunta murre, sav = Savako murre, sEv = Edela-Savo välisrühma murre, sIv = Ida-Savo välisrühma murre, sL = Lõuna-Savo murre, sLv = Lõuna-Savo välisrühma murre, sLv = Laane-Savo välisrühma murre, smAL = Alam-Luuga murre, smE = soome edelamurre, smM = Kesk-Skandinaavia metsasoostaste murre, Sorol. = Sorolainen, sp = Põhja-Savo murre, spV = Põhja-Savo välisrühma murre, Suus = Suursaare murre, To = Toimiojõe murre, TurS = Turu segamurre, TutS = Tutarsaare murre, Ups. ev. = Upsala evangeeliumi fragment, Van = Vanaja, vdj = vadja keel, vl = Viiburi idamurre, Vih = Vihti, vL = Viiburi laanemurre, vps = vepsa keel, Westh. = Westhi tekst, aur = Auroismurre.

Пауль А л в р е
(Тарту)

ФОРМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ОСНОВЫ НА -а В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

Еще в прибалтийско-финском языке-основе в результате присоединения признака мн. числа i к конечной гласной a в основе слова происходила дифтонгизация этих двух звуков и образовался дифтонг ai, дальнейшее развитие которого (ai > oi или ai > ei > i) зависело от количества слогов в слове а также от звукового состава этого слова.

Ф финских диалектах основы oi-евого мн. числа оканчиваются гласными oi, oⁱ, oë, oe, õ, o: jal(l)oi-, jaloⁱ-, jaloë-, jaloe-, jal(l)õ-, jal(v)o- (: jalka 'нога') Секундарный дифтонг безударного слога в формах мн. числа обычно сохраняется (jalkoin 'ног', jalkoi 'ноги', jalkoin 'в ноги'). Для юго-западной территории финских диалектов типична слабая ступень чередования основы, которая предшествует дифтонгу на -i даже в случае открытого характера слова (smE rahvones 'его шкурами', satA jalvoja 'ноги').

Несмотря на то, что в основах на -a никогда не существовало опасности смешения форм единственного и множественного числа, в целом ряде финских диалектов - по примеру других основ - и в этой группе слов употребляются более поздние по происхождению формы на -loi (sLv kalloloiss 'в рыбах'), -si (smE kanazil 'у кур'), а также мн. число на -i с сильной ступенью чередования (vL rantoilla 'на берегах', poikilla 'у сыновей').

В финских диалектах, а также в древнем и современном литературном языке больше всего типов стяженных падежей (генитива, партитива и иллатива). Оканчивающийся на -t(a) партитив сохранился лучше всего в юго-западных говорах и в старом литературном языке (smE kalastajit 'рыболовов'; Lesseisouita 'присутствующих'). В некоторых говорах безударная позиция (jalkoi 'ноги') оказал влияние и на стяженные именные основы (harmai 'серые', ruskei 'коричневые').

Весьма пеструю картину во вн. числе представляет падежная форма генитива, поскольку наряду с закономерными формами, образовавшимися на базе основ ед. и множественного числа, здесь устанавливается большое количество форм по аналогии, а также и контаминации падежных форм, имеющих самые разнообразные окончания (-den, -aiden, -tten, -ten, -ttein, -tein, -jen и др.).

Изучение процесса развития падежных форм генитива, партитива и иллатива в основах на -a свидетельствует о том, что способы образования этих падежей из численно преобладающих двусложных слов переносятся и в трех-, а также множественные слова.

ILLATIIV VADJA KEELES

A. Ahlqvisti teoses "Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning" on vadja keele illatiiv esitatud sõnatüübiti järgmiselt: mahāse 'jord', sohōse 'kär', puhōse 'träd', tāihēse 'lus', - mitmus maisī, soisī, puisī, tāisī (30); silise 'igelkott', lintūse 'fogel', wāwūse 'sväger' - silisi, lintuisi, wāwūisi (31); julkkāse 'brynsten', siltāse 'bro', kattilāse 'gryta', čāppāse 'graatkulle' (32); ciwēse 'sten', sormēse 'finger', oposēse 'häst' (34) - ciwāisi, sormeisi, oposisi (35); uharēsē 'jufwer', iwuhsēse 'härstrū', wōitimēse 'smörja' (35) - uharisi, iwuhsisi, wōitimisi (36); lehtōse 'blad' - lehtaisi (36); ehtēse 'grannlåt', ülēse 'grädda', rattise 'visthus', armāse 'kär' - ehtēisi, üleisi, rattisi, armaisi (38); minūse 'jag', sinūse 'du', tāmāse 'han', meisi 'vi', teisi 'ni', nāni 'de' (44); sihē 'den, det', kassē 'den här, denna' - nisi, kaneisi (45); čenēse 'hwilken', kumpāse 'hwilken', mihēse, mihē 'hwilken, hwad' (45). Grammatikale lisatud tekstides on mitmeid näiteid se-lõpulisest illatiivist, mis siin esitatakse eestikeelsete tõlgetega: Nesteri tuli kotōse 'Nesteri tuli koju', Meni sutōse 'läks kohtusse' jne. Näiteid on ka sellest, kuidas se-lõpp esineb ma-infinitiivis: Lāhen jumalalta cūsūmāse 'lähen jumalalt paluma, küsima', oposele selcāse nōisemāse 'nobusele selga istuma, tõusma', nōisi ritēmāse 'hakkas riidlema' (108-109) jne.

A. Ahlqvistil on seega kõikidel käändsõnadel se-lõpuline illatiiv.

Kronoloogiliselt edasi minnes tuleb mainida, et vadja se-, se-lõpulisest illatiivist on esitanud näiteid 1915.a. L. Kettunen uurimuses "Vatjan kielen äännehistoria", kus on verkkōse (verkkō) 'verkkoon', lauttāsē 'navettaan', virttsāsē 'virtsaan', pōlmāsē 'puolukkaan', mettsāsē 'metsaan', sōmāsē 'syömään', tsülvāmāsē 'kylvämään'. L. Kettunen tõdeb ühtlasi, et tulemist väljendava käände lõpuna on -sē, -sē liitunud allatiivigagi: sillalēsē 'sillalle', ejalēsē 'ojalle', kanalēsē 'kanalle', emälēsē 'äidille', jalälēsē 'jalalle'.

1922. a. vormistatud D. Tsvetkovi vadja keele grammatikas "Эсимейн ваддя чээле грамаатикк - Первая грамматика водьского языка", mida säilitatakse Keele ja Kirjanduse Instituudis, on deklinatsiooninäidete hulgas ka illatiiv - направляющий. See vastab küsimustele чэнэс? мигáсэ? 'kellesse? millesse?'. Asjaomased näited singularist ja pluralist on järgmised: пала-сы, пало-йсы 'кусок' (8), лу-ва-сы лупой-сы 'обещание', мекко-сы 'женское полупальто', Пекко-сы 'Петр' (9), хатту-сы 'шапка', линту-сы 'птица', пужы-сы, пуй-сы 'дерево' (10), чбха-сэ, чбхи-йсэ 'кашель', тўхэ-сэ, тўи-йсэ 'дело', сáнчў-сэ 'кровать', ярчў-сэ 'скамейка' (11), вэтта-сэ 'вода', мэрэ-сэ 'море', катаг-ысы, катаг-ийсы 'верес' (12), фровв-асы, фровв-ийсы 'барня' (13), чирь-ясы, чирь-ййсы 'письмо' (14), ванасы талосы, ванойсы талойсы 'старый дом', пиччэсэ кэпписэ, пиччийсэ кэппийсэ 'длинная палка', лўххэсэ тиласы, лўххэйсэ тийийсы 'короткая постель' (18), пуйыксы раттисы, пуйсийсы раттийсы 'деревянный амбар' (19), эсимейсэ, эсимейсийсэ 'первый' (26) jne.

M. Airila on avaldanud 1934. a. uurimuse "Vatjan kielten taivutusoppi". Selles on peatükk illatiivist (32-36). On esitatud lääne-, ida- ja kukkuzi murdest näiteid, mis on enamasti hangitud L. Kettuse ja L. Posti teosest "Näytteitä vatjan kielestä". Neile lisaks on andmeid teistestki trükkallikaist, sealhulgas ka kreevini murdest. Kokkuvõtvalt on sedastatud, et pearõhulise silbi pika vokaali järel on illatiivi lõpus h + vokaal (sühē 'suuhun', pähä 'päähän', millele võib liituda "pleonastiline" illatiivi lõpp -sē, -sē. Kui tüve lõpus on lühike vokaal, pikeneb illatiivis see vokaal ja temaga võib liituda taas -sē, -sē (sauna + sē 'saunaan'). Pikenenud vokaalile eelnev konsonant võib gemineeruda (kottō 'kotiin' < koto, tallosē 'taloon' < talo). On nenditud sedagi, et mitmuses on üldine sē-, sē-lõpuline illatiiv (kehnoisē sepoisē 'huonoihin vaatteihin'). A. Ahlqvisti WG ja V. Alava VHT järgi on mõningaid näiteid ka sī- lõpulisest mitmuse illatiivist: makõisii õluisii 'makeihin oluihin' jne. Jõgõperä murrakust on näiteid käände ainsusest ja mitmusest. Illatiivist esitatagu siin vaid mõningad näited: kottò, kottòsè, kotoisè < koto 'koti'; tütterikkò, tütterikkòsè, tütterikkoisè < tütterikko 'tytär'; jēgeri, jēgerisè, jēgerisè - jēgeri 'metsästäjä'; jalkà, jalkàsè,

jalkoisē < jalka 'jalka'; üvä, üväse, üvise < üvä 'hyvä'
 jne. Jõgõperä deklinatsiooninäited on saadud ilmselt
 D. Tsvetkovilt, kes oli L. Kettusele üheks vadja keeleju-
 hiks. Nagu D. Tsvetkovi käsikirjalises vadja keele gramma-
 tikas, nõnda on ka M. Airila teoses VKT toodud Jõgõperä
 deklinatsiooniparadigmades pleonastilise ehk emfatiseeriva
 lõpuga illatiiv esitatud üldise nähtusena.

Selle kirjutise autor on avaldanud 1948. a. "Vadja kee-
 le grammatika". Selles on nenditud: "Illatiivi tunnuseks on
 ühesilbilistel tüvedel -hē, -hē või -hā, -hā. Kahe- ja enam-
 silbilistes sõnades on illatiivis pikk tüvevokaal või dif-
 tong või tüvevokaali pikendus. Nihästi ühele kui ka tei-
 sele tunnusele võib liituda emfatiseeriv lõpp -sē, -sē"
 (26). Ühtlasi on lisatud, et mitmuses on emfatiseeriv -sē,
-sē illatiivi tunnuseks täiesti üldine, liitudes mitmuse
 tüvele. Et aga A. Ahlqvistil esineb järjekindlalt mitmuses
 lõpp -si (rattisi 'aitadesse', lehtaisi 'lehtedesse'), siis
 arvab grammatika autor, et nad pole teoretiseeritud soome
 murrete järgi, vaid võisid vadja keeles olemas olla, sest
 niisugust mitmuse lõppu on vadja keeles võidud sedastada
 hiljemgi: pēsaisi 'pöösastesse' (46). Deklinatsiooni üle-
 vaates on I-XIII käändkonna sõnadest ainsuses kõrvuti vor-
 mid mahā - mahāsē 'maha, maasse', lintū - lintūsē 'lindu,
 linnusse', vasarā - vasarāsē 'vasarasse', sēmenē - sēmenēsē
 'seemnesse' jne. Mitmuses on emfatiseeritud lõpud: maisī,
lintuisī, vasaroisī, sēmenisī, XIV ja XV käändkonna sõnadel
 on illatiivid üksnes sē-, sē-lõpulised: ampāsē 'hambasse',
lühūsē 'lühikesesse' (40-57). Esitatud tõigad esinevad ka
 ingliskeelses väljaandes "A Grammar of the Votic Language"
 (GVL). Kui autor kirjutab oma vadja keele grammatikat, jäl-
 gis ta A. Ahlqvisti ja D. Tsvetkovi deklinatsioonilandmeid
 ning on mõneti üldistanud emfatiseeriva lõpuga illatiivi.

Autor on aastate jooksul mitmest külast ning mitmelt
 keelejuhilt talletanud vadja keelt. Neis üleskirjutustes on
 ohtrasti näiteid illatiividest käändsõnades või käändsõna-
 dest kujunenud abisõnades. Järgnevalt esitatakse ülevaade
 illatiivi esinemisest eri keelejuhtidel.

P u m m a l a küla keelejuhil Kigoria (Grigori) Kuz-
 minil oli emfatiseeriva lõpuga illatiiv üldine: sohēsēsē
 'sohu', suhēsēsē 'suhu', puhēsēsē 'puusse', pähiesiē 'pähe',
pihuosēsē 'pihku', mahāsēsē 'maha, maasse', rihiesiē 'tuppa',
evvēsēsē 'siseõue', apīsēsē 'appi', taivāsēsē 'taevasse',

'puder pandi kaussi, sinna kaussi', jäväd meccä makämäsëë zeml'ä'kasëë 'jäävad metsa magama maaronni', koüo - kotüo-sëë 'koju', rihië - rihiesië 'tuppa', vaccä - vaccäsëë 'köhtu, vatsa', juoskâ paküo 'jookske pakku' jne. S. Kuzminalt on talletatud ka laule, milles aga emfatiseeriv liide on haruldane. Nagu Pummalas, nõnda võib ka Lempolas ma-infinitiv esineda emfaatilise liitega: nejzeb üvi kazvämäsëë 'hakkab hästi kasvama', pletittämäsïë 'punuma'. Üldisemad on siiski infinitiivid kantamä 'kandma', lauuomä 'laulma', makämä 'magama', nukkumä 'uinuma', süömä 'sööma' jne.

Emfatiseerivat liidet on ka allatiivis: keikeleë väjeliësië 'kogu rahvale', panti paperia lavvalëesëë 'pandi paberit lauale', pannuma üväliesië mehelië 'paneme heale mehele', kaheleë brüngäliesië 'kahele pruutneitsile', kuccu pulmëlëssëë 'kutsus pulma', viske silmilïesïë 'viskas vastu silmi' jne.

J. Mägiste on kogumikus WE avaldanud S. Kuzminalt talletatud tekste (71-109), milles kajastuvad samad tõigad, mis ülal on esitatud. (S. Kuzminat on ekslikult peetud Pummala elanikuks.)

K a t t i l a külal oli kaks erinimelist otsa (Suurõtsa ja Peenõtsa). Suurõtsast on autor talletanud 84aastaselt Marija Nikolajevalt mitmesuguseid andmeid, milles esineb illatiivi emfatiseeriva lõpuga ja ilma selleta. Emfatiseeriva liite näiteks on pannas kaks munä uzñäsë 'pannakse kaks muna kompsu', viskâb dengoi vatïesë 'viskab raha puukaussi' (pulumakomme), menivät parkkïesë 'läksid puudelt parkimiseks koori kiskuma', öülä väitâp öünelïesë 'küla veab pisaraisse, külajutud panevad nutma', mentï öüläsë 'mindi külla', tuuliv issutañosë 'tulid istjatsitele', mehed menivät kabakkäsë 'mehed läksid kõrtsi'. Emfatiseeriva liiteta on: kaive mahä 'kaevas maha', öäuti eiccë 'käidi õitsis', tuulivat kotö 'tulid koju', vetä rüppü 'võta rüppesse', ajan lehmät karjä 'ajan lehmad karja', naizikko meni jevikkä ja jäi meccä 'naine läks jõhvikale ja jäi metsa', pokoinikka eli pantu grobä 'surnu oli pandud kirstu', ernët pannasse unkä 'herned pannakse puuanumasse', meni sinne paikkä 'läks sinna kohta', ko kuhimät pannas nurmëssë, vettäs i tuli rihe 'kui viljarõugud pannakse nurmele, võetakse tuligi tuppa'. Mõlemad illatiivijuhud esinevad sellel keelejuhil umbes võrdselt. Marija Nikolajevalt on kogunud ainestikku ka

J. Mägiste, selles kajastuvad samasugused suhted (WE 111-118). Marija Nikolajevalt saadud tekstides ei esine emfaatiseerivat liidet koos ma-infinitiiviga. Ka J. Mägistel on ma-infinitiivid ilma vaadeldava liiteta (WE 111-118).

Kattila Peenõtsa samuti 84aastasel keelejuhil Anna Antonoval esinesid paralleelselt mõlemad illatiivijuhud: panti tunnürisē 'pandi tündrisse', panimma kiukāsē 'panime ahju', lähtēsē vēti vērā 'allikasse viidi ohvrit', kuhiāt pannaš nurmēsē 'viljarõugud pannakse nurmele', tehti aukko kaskēsē, neisi johsemā mahla 'tehti auk kasesse; hakkas jooksmā mahl', čūditab, kotosē čāüb 'kummitab, käib kodus', pokoinikka panti grobāsē 'surnu pandi kirstu', jānes tulep čūlāsē, sis peṃṃa lēB 'jānes tuleb külla, siis on tulekahju', meccā marjā mennā 'metsa marjule minna', tuwti kotō 'tuldi koju', menti keṃtā 'mindi (värvimiseks) kuldristikut korjama', panti ahjō 'pandi ahju', pokoinikā panti ju-magnurkkā, kui pokoinikka eli pantu grobā 'surnu pandi pūhastenurka, kui surnu oli pandud kirstu', čako tulep čū-lā, sis peṃṃa lēB 'kagu tuleb külla, siis on (leeb) tulekahju'. Anna Antonovalt tehtud kirjapanekuis pole näiteid ma-infinitiivi esinemisest koos emfaatiseeriva liitega.

Kattila teistelt keelejuhtidelt saadud üleskirjutistes on samasugused illatiivi ja infinitiivi tunnused nagu ülal käsitletud kahel keelejuhil. 32aastaselt Suurõtsa in-formandilt Soña Johreinnaiselt on 1901. a. pulmakombeid kirja pannud V. Alava. Ainestik on esitatud teoses VHT. Soña keeletavas oli emfaatiseeriva liitega illatiiv vaheldumisi ilma selle lõputa illatiiviga: menivād makeamaa ka-tušisōō (9) 'läksid magama varjualla', kōōs tulōb siz ko-tosō (10) 'kunas tuleb siis koju', meneb izāā tyveesē (10) 'läheb isa juurde', paab kurōasōō čāteesē (13) 'paneb kurakätte', kotoo meneb (9) 'koju läheb', Meni rihee Mak-simalloō (10) 'läks Maksimale tuppa', issub jumalnurkkaa (13) 'istub pūhastenurka', ženiṃa võtab stokanaa čātee (13) 'peigmees võtab klaasi kätte' jne.

Emfaatiseeriv lõpp esines Soñal ka allatiivis: tāmpazi maalōōsōō (11) 'tõmbas maha', tyttāred juttōōvad vahinika-lōōsōō (14) 'tūdrukud ütlevad isamehele', juttōōvad nuori-kallōōsōō (14) 'ütlevad mõrsjale', viskaab rangad maalōō kujalōōsōō (15) 'viskab rangid maha õue', kōikōlōō sugu-lōōsōō (15) 'kogu soole' jne. Emfaatiseeriv liide esines Soñal ma-infinitiiviski: tahon nõisa naimasōō (9) 'tahan

hakata abielluma', čen tuleb vaattamaasõõ (13) 'kes tuleb vaatama' jne.

P o n t i z õ õ külas eneses polnud autoril võimalik leida ühtki korralikku vadja keele oskajat. Mati külas elas kaks Pontizõõ küla naist. 54aastane Paraskeva Morozova oli hea jutustaja. Tema keeletarvitus oli sünniküla oma, milles oli vaid mõningaid Mati murraku jooni. Temal esinesid illatiivid emfatiseeriva liitega või ilma selleta: jalkāsē tehtī sukaD 'jalga tehti sukad', kerettāsē nuorikko sjob rāttē 'kaelpuu külge seob pruut rāti' (pulumekomme), neistī viskomā seināsē pattoja 'hakati vastu seina loopima savipotte' (pulumekomme), tintikat pannaš kaglāsē opezelē 'kuljused pan-nakse hobusele kaela', meni kuccumā puļmeisē 'läks pulma kutsuma', sevetaš üvvisē sepeisē 'rõivastatakse häisse rõivaisse', tulmas puļmataļļō 'tullakse pulmamajja', naizikko tuli kottō 'naine tuli koju', johsi pakkō 'jooksis pakkū', pokoinikka panti mahhā autā 'surnu maeti maha, pandi hauda', obrāzā ette 'pühase ette', ļavvā tūvvē 'laua juurde' jne. Keelejuht tarvitas läbisegi saunē ~ saunāsē 'sauna', vettē ~ vettēsē 'vette', riļvē ~ riļvēsē 'tuppa', tulmē ~ tulmēsē 'tulle', lidnā ~ lidnāsē 'linna', čūllā ~ čūllāsē 'kül-la'. Mõlemad illatiivi juhud esinesid keelejuhul umbes võrdselt.

M a t i küla keelejuhilt Marja Boranovalt (sünd. 1896), kes oli oma küla põline elanik, on autor aastate jooksul talletanud ohtrasti keeleandmeid. Talletustes on küllaldaselt näiteid illatiivist, millest järgnevalt esitatakse üksnes osa. Emfatiseeriva lõpuga on mišsēsē nāvād uskozivaD 'mida (millesse) nad uskusid', ehittī kvitāsē 'ehiti, kaunistati kullaga', vegotattī vettēsē, lähtēsē 'ohverdati vette, allikasse', vizgattī vevat tuļņēsē 'visati ohvriannid tulle', vevtti sōlā suhhēsē 'võttis soola suhu', sēmenet čūlvettī mahhāsē 'seemned külvatati maha', panin mitālē pāhhāsē 'õppisin midagi pähe', se mēp ārēsē 'see läheb kõrvale', mentī vencāsē 'mindi laulatusele', mentī rūispeļtōsē 'mindi rukkipõllule', talvi eb jā taivāsē 'talv ei jää taevasse', naizikko meni jēvikkāsē 'naine läks jõhvikale', lintu mēp pešsāsē 'lind läheb pessa', vātan akkunāsē 'vaatan aknast (sisse, välja)', omenad vāittās kōppāsē 'kartulid veetakse koopasse', lānnikkōsē pannaš kapusaD 'lānnikusse pannakse kapsad' jne. Emfatiseeriva liiteta illatiivid on tuli kottō 'tuli koju', ļazzettī kaplit silmā 'lasti

tilgad silma', tuuti teisē taļņō 'tuldi teise tallu', menimā kanavā 'lāksine kraavi', mēs sāti umalā 'mees pandi purju', mēz meni jarvē 'mees lāks järvele (kalale)', poivoi-nikka pantī pāhhā 'tanu pandi pähe', saunā piāb menā 'lau-na peab minema', keik pantī rātō 'kōik pandi rittā', tuale javvā tūvvē 'tule laua juurde', lintu rad' d' o akkunā 'lind lōi (nokaga) vastu akent', tulisē ahjō 'kuuma ahju'. Emfatiseeriva liitega ja ilma selleta võivad illatiivid samas lauses esineda kõrvu: leivāt pantī ahjōsē, ahjō pantī 'leivad pandi ahju, ahju pandi', pūt pannaz rittā, rittāsē 'puud pannakse riita, riita', mentī meccā, meccāsē marjā 'mindi metsa, metsa marjule', se mēp sūrē seitteļūsē 'see läheb suureks riiuks', mato kurreā jarkāsē niglāz 'madu salvas (nõelas) vasakusse jalga', tulimma kašē taļņō, kešēsē taļņōsē 'tulime siia tallu, siia talusse' jne. Kui keelejuht rõhutas asjaomase sõna tähendust, võis tal illatiiv olla emfatiseeriva liitega. Mitmusetüvelistele illatiividele on Marja Boranova keeletarvituses üldiselt liitunud keeleliite -sē: vakoloisē čūlvammā markofkad 'porgandid külvame (kuld- desse)', čūlā vep čūnellisē 'küla viib pisaraisse, küla küh- jad jutud panevad nutma' jne.

Harukordselt võis keelejuhil emfatiseeriv liide esineda ka illatiivis: koira ūppi kujaļēsē 'koer hüppas čuol'.

Mati küla teine pikaajaline keelejuht oli Ol'ga Ivano-va (sünd. 1891). Tema vadja keele tarvituses oli mõlemaku- julisi illatiive, millest tavalisem oli emfatiseeriva liite- ga: taičina pantī rautezesē formāsē i pannaz ahjōsē 'tainas pandi raudvormi ja pannakse ahju', johsi triļonā taŗrāsē 'jooksis Triihhona aeda', korjaz emat poigat kokkōsē 'kor- jas oma pojad kokku', maod mennāz mayāsē 'maod lähevad maa alla', pūtuzit tammā jālčēsē 'sattusid tema jäljele', jūrū lei vikastēsē 'pikne lōi vikatisse', mentī miļiccāsē 'mindi miilitsasse', ep taho silmīsē vāttā 'ei taha silma (silma- desse) vaadata', menin narvāsē, jāmasē, petterisē 'lāksin Narva, Jamburgi, Peterburi'. Ilma emfatiseeriva lõputa on näiteks olnud johzep pakkō 'jockseb paku', pantī vettē 'pandi vette', lintu meni pēssā 'lind läks pessa'. Paral- leelselt on olnud čūllāsē ~ čūllā 'külla; külasse', karjā- sē ~ karjā 'karja', kōttōsē ~ kōttō 'koju', rihhēsē ~ rihhē 'tuppa', rohipuhhēsē ~ rohipuhhē 'puusärki', meni meccā 'lāks metsa', ōhsū meccāsē 'eksis metsa' jne.

Mati küla kõige vanem keelejuht Ot'ju (Jevdokia) Onuf-

rijeva (Anufrijeva) oli sündinud 1850. a. Ta oli pärit Jarvigoistsülästä, kuid suurema osa elust olnud Mati külas. 1942. aastal on autor temalt teinud kirjanekuid. Ot'jul oli õige üldine emfatiseeriva liitega illatiiv, millest esitatagu mõned huvitavamad näited: vajo soñhēsē 'vajus sohu', siñhāsē tei koirampoigā 'aselele tõi koerapoja', čäütī čivirgukkōsē rissimā 'käidi kivikangrul palvetamas', jarvēsē vēti verrā, tūvēsē i tuļvēsē vizgattī verāD 'järve viidi ohvrit, tuulde ja tulle visati ohvrid', varpā čivvēsē lein 'lõin varba vastu kivi', linnū verrēsē kasettī čiuutto 'linnu verre kasteti särk' (muinasjutust), tuli kottōsē 'tuli koju', elā mē rīgāsē 'ära mine rehte' jne. Ilma emfatiseeriva lõputa olid pani sukad jalkā 'pani sukad jalga', kerjattī mahhā rahhā 'peideti raha maa alla', vei emmā majjā 'viis oma majja', nain neis sāmā saunā 'naine hakkas sünnitama (sauna saama, saunas sünnitati)'. Samas lauses on võinud kõrvuti esineda mõlemad illatiivid: meni tamā ühtē tallō, jāi tallōsē 'läks ta ühte tallu, jäi tallu ööseks', treñki jāi kottōsē, tamā meni lidnā 'sulane jäi koju, tema (peremees) läks linna', keļmē kokkōsē pani rahāD 'kolme hunnikusse pani rahad' jne.

Ot'ju keeletarvitusele oli omane ka emfatiseeriva liitega allatiiv: verāD vēti čivelēsē 'ohvriannid viidi kivile', püttuzi tēl(1)ēsē 'sattus teele', kaivō rakkōļēsē pan-tī paņķē 'kaevurakkele pandi pang'.

Teistelt Mati küla keelejuhtidelt on üldiselt olnud samasugused allatiivi juhud. Olgu veel mainitud, et ma-infinitiivis pole peale Marja Boranova teistelgi keelejuhtidel esinenud emfatiseerivat liidet.

E. N. Setälä oli 1889. aastal Mati külas, kus ta pani 15aastaselt Timolt kirja mitmesuguseid jutustusi. Kogutud ainestiku on avaldanud L. Posti ja S. Suhonen kogumikus SVM. Timo keeletarvituses on umbes võrdselt mõlemad illatiive. On olemas mõni näide emfatiseeriva liite esinemisest ka ma-infinitiivis: pannas kuivamāsē 'pannaan kuivamaan' (21), pannas likemāsē vetēsē 'pannaan veteen likoamaan' (22), tap-pamāsē 'tappamaan' (30). Tekstide lõpus olevais pronoomeni-paradigmades on illatiivis emfatiseeriv liide (33-36): mi-nūsē, sinūsē, tamāsē, meisī, teisī, näisī 'minusse, sinusse, temasse, meisse, teisse, neisse', čēnēsē ~ čēnē 'kellesse', kumpā ~ kumpāsē 'kummasse' jne. Tähelepanu väärrib tõik, et mitmuses on liide -sī.

Mati naaberküla on Savvokkala. Selle küla põliste elanike hulgas pole autor kohanud häid vadja keele oskajaid. Külas elas Ot'ju (Jevdokija) Ivanova, kes oli pärit Mati külast ja kõneles tole küla murrakut. Temal oli illatiivis emfatiseeriv liide üldine. Tal esines seda lõppu allatiiviski: vihgod väittāz rīgalēsē 'vihud veetakse rehe juurde', mennās kaivoļēsē 'minnakse kaevule', vetab enelē pihaļēsē 'võtab enesele õlale (pihale)', siz vetap pojō meheļēsē 'siis võtab poisi meheks, abiellub poisiga'.

Kõrvõttula on Mati naaberküla. Selles külas on autoril aastate vältel olnud mitu head keelejuhti, kes rääkisid oma küla murrakut. Neilt on talletatud jutustusi vadjalaste elust, kombestikust, uskumustest, rahvaloomingust jne. Tähtsamad jutustajad olid Anna Isajeva (sünd. 1887) ja Kat'ä (Jekaterina) Jovleva (sünd. 1893). Neil mõlemal ning teistelgi Kõrvõttula vadjalastel oli kõnes kaheksugust illatiivi. Järgnevad näited on Anna Isajevalt: jättü jähhesē čin 'jäätus jäässe kinni', ep tehi tulma riivē 'ei tohi tuppä tulla', lemmüz maskeus trubāsē 'kratt laskus korstnasse', eb lazettu mennä issutaļļōsē 'ei lastud minna istjatsile', tuli taļļōsē kerājānā 'tuli tallu kerjajana', jōti umalāzē 'joodi purju', mēz länsi saunāsē 'mees hakkas sauna minema', jahzet čäuti kamedīsē 'lapsed käisid sanditamas' jne. Ilma emfatiseeriva lõputa on olnud: mēn kottō 'lähen koju', kottō čäümä 'kodu käima, kummitama', tuēp selčā 'tuleb selga', vera vizgattī vettē i tulmē 'ohver visati vette ja tulle' jne. Samas lauses on võinud esineda mõlemad illatiivijuhud: tuli kottō akkunāsē 'tuli koju akna taha', emmä kottōsē 'oma koju'. Anna Isajeval oli emfatiseeriva liitega illatiiv üldisem. Samuti üldisem oli ta Kat'ä Jovleval: püttu rikkā mehhe kottōsē 'sattus rikka mehe majja', čāko lenti čüllāsē 'kägu lendas külasse', tahon mennä māf-kāsē 'tahan minna poodi', elä sülli kaivōsē 'ära süllita kaevu', viskaz revvō sänīsē kaļļoisē 'viskas rebase saani (rekke) kalade hulka', ūlēs taivāsē 'üles taevasse', keif jahzet teid minū kagmā 'kõik lapsed tõid minu kaela (hooldada)', tuļe ad'dā süämmē 'tule aeda sisse'. Mõlemal nimeetatud keelejuhil oli emfatiseeriva liitega illatiiv ilmekalt esikohal. Seda seika ei või siiski pidada Kõrvõttula küla murraku üldnähtuseks. Teistel keelejuhtidel on esinenud ulatuslikumalt illatiiv ka emfatiseeriva liiteta (Mägistete WE 19-29).

Mati ja selle lähiskülade elanikke kutsuti orglasteks (orkoŋaizeD), sest need külad olid võrreldes Kattila ja tolle ümbruse kõrgendikega orgudes. Peale juba mainitud külade on Oru (Orko) külad Ildovõõ ja Villikkala, kust J. Mägiste on talletanud keelenäiteid (WE 47-56). Neis kajastuvad samad illatiivisuhted nagu käsitletud külares.

Luuditsa sõnariikkaid keelejuhte oli omaaegne meremees Kiko (Grigori) Georgijev (sünd. 1892). Temal esines emfatiseeriva liitega illatiiv tunduvalt harvemini kui ilma selleta. Selle kohta toodagu vaid mõningad näited: elä mene sojvõsē 'ära mine sohu', meni sružbāsē petterisē 'läks Peterburi aega teenima', karjušši meni karjāsē 'karjus läks karja', alus tuli laukā rantāsē 'laev tuli Lauga randa', siz vēti meijet pal'tiskoisē ja siz jēutuzimma hankōsē 'siis viidi meid Paldiskisse ja siis jõudsim Hankosse', merrēsē jāi mehiä 'merre jäi (uppus) mehi', kokotin uhsēsē 'koputasin uksele', meni mastisē 'läks masti otsa', keik jätin kurrūsē 'kõik jätsin Kurusse', panti sūrē astjāsē varri vettē 'pandi suurde astjasse kuuma vette'. Viimases lauses esinevad mõlemad illatiivi juhud. Emfatiseeriva liiteta on järgnevad: jēutu meccā 'sattus metsa', ūpāzivād vēssä vettē 'hüppasid veest vette', tormimma jāi merrē pal'lo väccia 'tormiga jäi merre palju rahvast', čāin talos tallo 'käin talust tallu', tūrmā menti 'satuti vangi', vakkovē čai i vērä čulā väccia 'vakkusepeol käis vööri küla rahvast', lumi tuli mahhā 'lumi tuli (sadas) maha', ilma mēp pilvē 'ilm läheb pilve', alus tuli laukā sujvē 'laev tuli Lauga suusse', menemmä jekkē ujumā 'läheme jõkke ujuma', annin karuē selcā 'andsin (lõin) karule selga', čäuti čerikkō 'käidi kirikus', tein kottō 'tõin koju', ülle eli memü rüssā 'hüljes oli läinud rüsesse', liyvā panti vähä kattimā 'liha pandi vähe katlasse', čen tahop taivā, se näeb vaivā 'kes tahab taevasse, see näeb vaeva' (vanasõna) ja teisi asjaomaseid sõnu. Üsna haruldaselt esines Kikol emfatiseeriv liide ma-infinitiiviski: mitä nüd nēn tečemāsē 'mida nüüd hakkab tegema?'

Luuditsa külas oli Kiko Georgijevi lähemaks naabriks Miko (Nikolai) Pimenov (sünd. 1890). Arvas oli ta lõpetanud merekooli, olnud alustel meremeheks ja kapteeniks. Paitsi vadja ja vene keele oskas ta küllaldaselt ka eesti, soome ja isuri keelt. Ta oskas korralikult vadja keele Luuditsa murrekut. Temalt on autor pannud kirja muinasjutte, muis-

tendeid ja pajatusi. Neis üldiselt ei esine emfatiseeriva liitega illatiive. Esitatagu sellest mõningad näited: poika johsi järve 'poeg jooksis järve', tei čivè dādä tüvvè 'tõi kivi onu juurde', veťa čättè 'võta kätte', šlāppi vadaB 'mütsi valab', pani epezè rakkè 'pani hobuse rakkesse', pani kõrtè sūrè putell 'pani koore suurde pudelisse', pappi õttèb lehmì kottò 'preester ootab lehma koju', sihè paikkà 'sinna kohta', mèp čüllä 'läheb külasse', ajelti čülä kokkò 'aeti küla kokku', meni ühtè tallò 'läks ühte tallu' jne. Emfatiseeriva liitega illatiiv on esinenud ainult mõnel juhul, nagu verhà lähtesè, jekkè vai meccàsè viskàB 'ohvri allikasse, jõkke või metsa viskab'. Miko Pimenovi pimedaks jäänud õde Ogru (Agripina) Nesterova (sünd. 1878) oli hea jutustaja nagu vendki. Ka vадja murrak oli tal korrektne. Tema keeletarvituses oli tavaline emfatiseeriva liiteta illatiiv: Mahzet tuvti kottò 'lapsed tulid koju', lähsivät hõdù 'läksid liikvele, käiku', lähetti meccà 'mindi metsa', ep sānu čättè 'ei saanud kätte', Mahsi tekku jekkè 'laps kukkus jõkke'. Emfatiseeriva liitega illatiiv on näiteks: mūd jätti māsè 'luud jättis maha', tuvti talčkossè 'tuldi talgule'.

Vaipooles oli vадja keel hästi säilinud, kui autor käis seal uurimisretkedel. Elava iseloomuga ning rikkaliku sõnavaraga oli Luuditsas Maria Tsarkova, kes oli ühtlasi hea kandlemängija. Tema mees oli olnud Lohusuu vene külas sündinud venelane, kes oli Luuditsas pikka aega töötanud algkooliõpetajana ning õppinud ära vадja keele. Maria oli mehega rääkinud peamiselt vene keelt, ümbruskonna elanikega aga ikka vадja keelt. Maria keeleuusus esines illatiivis emfatiseeriv liide, kuigi mitte sageli. Olgu sellest mõned näited: panti vīnāsè likkò 'pandi viina likku', vetetti večkāsè 'võeti võlgu', keik suku mennä sinne poigā talòsè 'kogu sugu(võsa) lähavad sinna poisi tallu', salami pani konnā kuttò vīnāsè (joomise vastu) 'salaja pani konnaudu viina', tervajeki virtàb laukāsè 'Tõrvajõgi voolab Lauga jõkke' jne. Üldisemalt oli Marial illatiiv emfatiseeriva liiteta: nagna lüti čünnüssè 'nael löödi künnisesse', mennä ütè kottò elāmā 'minnakse uude majja elama', verā čüllä menti 'mindi võorasse külla', ep piä mennä meccà 'ei pea metsa minema', menti merrò, pehjà 'mindi merre, põhja (upu-ti)', mato eli rih'h'è tuvtu 'madu oli tuppa tulnud', panti vettè likkòmā 'pandi vette ligunema', tāmā üvā inemizeči

sätti tūrmā issumā 'ta saatis hea inimesegi vanglasse istuma', ennē marttia kottō ep tulmu 'enne märtsi koju ei tulnud', nurkkā eli pikkarain pečka pantu 'nurka oli väike ahi pandud' jne.

Teistel autorile keelejuhtideks olnud Luuditsa küla vadjalastel oli emfatiseeriva liitega illatiiv palju haruldasem kui ilma selle liiteta. Mõeldud on keelejuhid Ol'eksei (Alekssei) Dmitrijev ning tema abikaasa Paro (Paraskeva) Dmitrijeva, Mat'jo (Matrjona) Agafonova ja Duña (Jevdokia) Trofimova. Lähemalt võetakse käsitlusele Ivo (Joan) Leontjevi (sünd. 1899) keeletarvitus, sest tema kuulus Luuditsa ja Liivtsülä Leontjevite suguvõssa, kellelt autor ja ka teised uurijad on pannud kirja ohtrasti ainestikku. Ivo oli olnud põllumees ja kalur ning võidelnud Teises maailmasõjas. Emfatiseeriva liiteta olid tal näiteks menti sinne ri-gā 'mindi sinna rehte', čēli vep kījevā 'keel viib Kiievisse' (vanasõna), pāivā Jaskēp pilvē takkā 'päike laskub pilve taha', Jaž lehmāt tarrā 'lase lehmad karjatarasse', mato meni vaccā 'madu läks kõhtu', rih'h'è eb Jazze 'tuppa ei lase', menimā revonnennā 'läksime Revonneinässe', nōtaf čāimā aina marrī 'noodal käisime ikka Marilaiul'. Emfatiseeriva liitega illatiiv on lauses kui si; et tulmu tūnhūsē? 'kuidas sa ei tulnud töhe?'

Liivtsüläs elas Ivo noorem vend Koštja (Konstantin) Leontjev (sünd. 1908), kes oli haritud mees. Ta oli olnud algkooliõpetaja, ametnik, raamatukoguhoidja ja taidlusnäitleja. Temalt on rikkalikult kirjapanekuid, milles emfatiseerivat liidet esines harva, näiteks kucuttī nāpurit talKōssē 'kutsuti naabrid talgule', vetetti stokanāsē puhassa vettā 'võeti klaasi puhast vett', menti soikkoLāse 'mindi Soikolasse', pumiz lintid Jādittī epezeL Jōkkāsē ja kagjā 'pulmas pandi linnid hobusele looga külge ja kaela'. Emfatiseeriva liiteta on kui ĩri kaivō mēB, vesi on rōjakaž 'kui hiir satub kaevu, on vesi roojane', pantī kattīLā 'pandi katlasse', Janttu tehtī tarrā 'kaalikas istutati aeda', ūhtē parvē jovvuū 'jõudsime (sattusime) ühte kampa', meni kabro 'läks Kabrissi', pāivā Jaskēp rantā 'päike laskub (mere)randa', savvu Jaskēb mayvā 'suits langeb maha', gazetid ebi tuvtu čüllā 'ajalehed ju külla ei tulnud', saunas kehtī jekke Jōhzin ujumā 'saunast jooksin otsekohe jõkke ujuma' jne. Liivtsüläs oli emfatiseeriva liitega illatiiv üldine Stjopa (Stepan) Leontjevil, tema naisel Nadjoža (Madežda)

Leontjeval, õel Ol'ga Dorohhinal ja J. Mägiste keelejuhiks olnud vennal Bořa (Boris) Leontjevil (WE 207-210). J. Mägiste keelejuhiks oli ka Leontjevite isa Tihhon. Temalt on talletatud lühikesi jutustusi, millest ei saa ülevaadet illatiivi erisugususest (WE 172-175).

J õ g õ p e r ä Mat'jo (Matrjona) Gerasimova (sünd. umbes 1883) oli viimaseid vadja tõelisi rahvalaulikuid, kellelt autor on talletanud 36 regivärsilist ja muud rahvalaulu ning need avaldanud (Vadjalaste laule, 1960 : 34-64). Proosajutustusi on temalt kirja pandud vähe. On tähelepanev, et illatiivi lõpu tarvitamises oli Mat'jol erinevusi regivärsside ja jutustuste keeles. Regivärssides oli emfatiseeriv liide tavalisem kui proosajutustustes: lein jarkoita čivēsē, varpaita vähterpuhēsē 'lõin jalgu vastu kivi, varbaid vastu vahtrapuud', kanti mahzed lau-kāsē, tüttaret tüni merēsē 'kandis lapsed Lauga jõkke, tütreid vaiksesse merre', meni merē rantāsē 'läks mereranda', a siä va mursid murčinasē, siä moukazid lounāsē 'aga sina vaid mürdsid (sisse) hommikueineks, sina lonkisid lõunaks', isutti kevāsē māsē, vezikkā vagō välisē 'istutas kõvasse maasse, vesise vao vahele', vē siso čivikottō, sāta sammer-õnēsē 'vii õeke kivikotta, saada sammalhoonesse'. Nagu Mat'jo on ise seletanud, lauldi Jõgõperäl regivärsside vadja ning isuri keeles. Sama laulik võis laulda emmas-kummas keeles. Kui ta oli vadjalane, oli laul peamiselt vadja-keelne, ehkki see oli isureilt kuulnud. Emfatiseeriva liitega illatiiv on omane ka isurikeelsetele värssidele. Lauliku kõnekeeles esines see illatiiv harva: čäütī taloš talōsē 'käidi talust tallu', tuli rihēsē 'tuli tuppa', mitälē eli vetettu čättēsē 'midagi oli võetud kätte', tämä ep pāznū rattisē 'ta ei pääsnud aita'. Regivärssides on emfatiseeriva liitega illatiivi tarvitamine sõltunud värsimõodust. Kõnekeeles oli Mat'jol meni järvē 'läks järve', hūp-pāz rihenettē 'hüppas esikusse', tämä minnua lei selcā 'ta lõi mulle selga', pani rattī vettimē kontalā 'pani aida-võtme koonlasse', vētī meccā gul ättamā 'viidi metsa jalu-tama', suku issūb lautā 'sugu(võsa) istub lauda', tämä vetti värttenā čättē 'ta võttis värtna kätte'. J. Mägiste on Mat'jo Gerasimovalt talletanud mitu jutustust (WE 145-152). Neis on illatiiv liiteta.

Põlisel Jõgõperä elanikul (sünd. 1915) Mari (Maria) Petroval oli peaaegu üldine emfatiseeriva liitega illatiiv,

nagu osutavad temalt tehtud lindistused: estl mentl nōrikē taṁōsē, sīs tultl ženijā taṁōsē 'esiteks mindi pruudi tal-
lu, siis tuld peigmehe tallu', sīs pantl sēnet sōlā, viro-
tattl, sīs pantl sōlāsē 'siis pandi seemed soola, loputati,
siis pandi soola', sinne naprā.vil'i tühēsē 'sinna suunati
töole', čāsīsē puhuz 'puhus kätele', pani lahžē kelkkāsē
'pani lapse kelgule', pokoinikka veijā mahāsē 'surnu viiak-
se maha (matta)', vēti moskovāsē 'viidi Moskvasse'. Keele-
juhil võis emfatiseeriv liide esineda ka ma-infinitiivis:
lintu tuli pesemāsē 'lind tuli (ennast) pesema'.

J. Mägiste on kogunud Jõgõperält keelenäiteid mitmelt
jutustajalt (WE 142-169). Neiski proosajutustustes esineb
mõlemat illatiivilõppu.

R a j o on Jõgõperä tütarküla, mis kujunes käesoleva
sajandi alguses. Seal oli sama murrak, mida kõneldi Jõgõpe-
räl. Rajo küla kõige andekam ning agaram keelejuht oli Ou-
dekki (Oto, Jevdokia) Figurova (sünd. 1891). Ta oli Mat'jo
Gerasimova lähedane sugulane, oli temalt õppinud vanu regi-
värstilisi laule, milles esines emfatiseeriva liitega illa-
tiive: lein jalgā čivēsē 'lõin jala vastu kivi', vē petterī
čirjoisē, salpā sammal-ōnēsē 'vii Peterburi kirjadesse
(vangi), sule sammalhoonesse', menin pēnen piku.ēsē, ohva-
talpa orju.ēsē 'läksin väikesena piigaks, ahnele orjusesse'
jne. Emfatiseeriva liitega illatiivi oli Oudekkil ka proo-
sakõnes: pankā suhēsē 'pange suhu', mätätti mahāsē 'maeti
maa sisse', vizgatti tulēsē 'visati tulle', iri meni astjā-
sē 'hiir läks astjasse', ämmä kapaloitti lahžē huntuisē 'va-
naema mähkis lapse mähkmetesse', lei čirvėkā sihē seināsē
'lõi kirvega sinna seinale'. Emfatiseeriva liiteta illatiiv
oli Oudekkil üldisem, millest mõned näited: vēti saunā 'vii-
di sauna', tāmā öhsü meccā 'ta eksis metsa', tultl kottō
'tuld, nad tulid koju', viskas samovarā nurkkā 'viskas sa-
movari nurka', sihē paikkā 'sinna paika' ja ontrasti teisi
näiteid. Emfatiseeriva liiteta illatiiv esines Oudekkil regi-
givärssideski: pala čāumättä čättē 'ei ole (leiva)pala kät-
te saanud', lammas lakkā muni, kana poiki karsinā 'lammas
lakka munes, kana poegis aedikusse'. Samas lauses võis olla
mõlemakujulist illatiivi: lahžet süntüzivād lauttā lehmī
välisē 'lapsed sünnitasid (sünnitati) laudas lehmade vahel',
ühē kerrā miā hüppāzin lehelē selčā, pälē, sermet pūttuzit
šokkāsē 'ühekorra ma hüppasin lõhele selga (teda õige otsas
paadi juurde tõmmates), peale, sõrmed sattusid põskedesse',

mentì teisi cülisè 'mindi teistesse küladesse'.

Teisteltki Rajo keelejuhtidelt on kirjapanekuid ja lindistusi, kuid mitte nõnda ulatuslikult nagu Oudekki Figurovalt. Noilgi on illatiivi lõpp kahesugune. Järgnevalt taetakse tulla tagasi Jõgõperäle. Selle küla mehelt Dimitri Tsvetkovilt on L. Kettunen ja L. Posti avaldanud teistelt vadjalastelt fonograafirullidele talletatud keelenäidete tõlked (NVK : 9-65). Neis tõlgetes on Tsvetkov ilmsesti olnud kuulatud talletuste mõju all, korrates teiste jutustajate illatiivivorme. Toodagu sellest mõni näide: petteri (kuuldud petteri) 'Peterburisse' (3), kottò (kotò) 'koju', kattilä (kattilä) 'katlasse' (5), tulèsè (tulèsè) 'tulle', olüsè (elüsè) 'õllesse' (7), rihè (rihè) 'tuppa' (9). Ainult mõnel üksikul juhul on illatiivi lõpud erinevalt: rihè (rihèsè) 'tuppa' (11), pakkò (pakòsè) 'pakku' (15), kottò (kotòsè) 'koju' (29).

D. Tsvetkovi (1890-1930) isikupärasest keeletarvitust kajastavad tema vadjakeelsed kirjapanekud. Ta oli õpetaja enne Tartu Ülikooli tulekut ja pärast selle lõpetamist (1928). 1924. aastal oli ta pannud kirja vadjakeelse kirjelduse vadjalaste tolleaegsest olimest, mille A. Saareste on avaldanud pealkirjaga "Vadja keelenäide" (EK 1931 : 57-66). Käsikiri polnud avaldamiseks viimistletud. Selles on eksemusi järgsilpide vokaalide pikkuse märkimises. Tekstis esineb illatiiv vähestel juhtudel. Emfatiseeriva liitega illatiive on näiteks päsi rahva tširjoisè 'pääses hingekirja' (58), kui va rihese tueb vērez inimin 'kui vaid tuppa tuleb võoras inimene', peresè vēteta nōrik 'peresse võetakse noorik' (63), tup tšuläse 'tuleb külasse' (65), piäp mennä paikelē vad d'asè 'peab minema kohale Vatja' (60), miltäizese teise uskò 'mingisugusesse teise usku' (60). Emfatiseeriva liiteta on olnud vennäi tšulijē sekka 'vene külade hulka, sekka' (57), saizizim tšättē 'saaksin kätte' (58), levvimme tšättē 'leidsime kätte' (59), minū mälehtüsse ebe jānū mittäit 'minu mälestusse pole jäänud midagi' (59), piäp kopittä kokkò keif 'peab korjama kokku kõik', tēb rissiiä ettē 'teeb (lööb) risti ette', tšäed evät pūtu ühtē 'käed ei satu ühte' (60), pässä sōmēlaisikā kokkò 'satutakse (päästakse) soomlastega kokku', talopoik mokoma tühē eb mē 'talupoeg niisugusele tööle ei lähe' (61), ep sã izorì tšēlekā kokkò 'ei saa isuri keelega hakkama', vennäi hantū 'vene võimusesse' (63), tämä juttu vad d'ä tšeles mutub venäi

tšelè 'tema jutt siirdub (muutub) vadja keelest vene keelde' (64), panna tälle mēlt pähä 'talle meelt pähe panna' (66).

Siin esitatud tõigad osutavad, et D. Tsvetkov on teoretiseerinud oma vadja keele grammatikas, kus kõikide pöördkondade illatiivid on emfatiseeriva liitega.

Senised illatiivinäited on olnud läänevadja murrakutest. Idavadjast on ulatuslikumalt andmeid Itsäpäivä külast. Autor on talletanud jutustusi healt keelejuhilt Aleksandr Andrejevilt (sünd. 1863). Temal oli emfatiseeriva liitega illatiiv esikohal, millest järgnevad mõned näited: kante rīgāsē vihgoD 'kandis rehte vihud', ajeli soikkolāsē 'sõitis Soikolasse', veivät pappi čüllāsē, tallōsē 'viisid preestri külasse, tallu', vassō vērissii rissi tehti uhsēsē, i akkunoisē, i kaivōsē pantī puine rissi 'enne kolmekuningapäeva rist tehti uksele, ja aknaile, ja kaevu pandi puurist', tämä lankez vettēsē 'ta langes vette', sōlā eli pantug ukkasē 'soola oli pandud puukruusi', vetti čättēsē 'võttis kätte', ärčā uppoje jarvēsē 'hārg uppus järve', vā-či meni čerikkōsē 'rahvas läks kirikusse', leipā pantī ahjōsē 'leib pandi ahju', astja tōti riñhēsē 'astja toodi tuppa', tahte ūllē sō mennām merēsē 'tahtis üle soo minna merele', menivād marjāsē 'läksid marjule' jne. Emfatiseeriva liiteta olid lāhsi kottō tuļemā 'hakkas koju tulema', starikka issuzi petājā tūvvē 'vanamees istus männi juurde', vesi laskub orkō 'vesi laskub orgu', ma od menivāt pakkō 'maod läksid paku', ūtassajā čerikkō čäuti 'käidi Uutassala kirikus', širokkavā čüllā 'Širokava külla', ejut pantī ukkā 'õlu pandi puukruusi', issuzivat tē rantā 'istusid tee äärde'. Keelejuhil võisid samas lauses esineda mõlemad illatiivid: rättelās čäntūje undovā i vasakkārāsē 'Räätelist käändus Undovasse ja Vasakkarasse', urpovicat pantī teisēsē riñhē božnicā 'pajuurvad pandi teise tuppa pühastenuka'. Samad illatiivilõpu suhted esinesid teistegi Itsäpäivä keelejuhtide, nagu Pjokla Vasiljeva (sünd. 1887) kõnetavas. Temal oli emfatiseeriva liiteta illatiiv esikohal. Et tollelt keelejuhilt on E. Adler avaldanud mahuka tekstikogu (VE), toodagu sellest teosest mõni lisanäide (ära on jäetud teoses esinevad rõhumärgid): tšerves tšättē vētsē 'kirves võetakse kätte' (23), tšäüisivād ļautta 'käisid laudas', karasī kasētti il'i pūveisē 'kasteti petrooli või puuõlisse', ļakkē ripusatti 'lakke riputati' (30), lāvē suñhē 'läve su-

hu', piäb mennäk karjä 'peab karja minema', ajaB kottõ leh-mäd 'ajab lehmad koju' (31), sinne škowū tugB 'sinna kooli tuleb' (33).

Erineva illatiivi tarvitamine on keelejuhtidel olnud isikupärane. L. Kettunen ja L. Posti on avaldanud mitmelt Itsäpäivä elanikult keelenäiteid (NVK 118-140), kus emfatiseeriva liitega illatiiv on olnud esikohal.

Käsitlemata on veel K u k k u z i murre. Feñja (Fjokla) Fedulova (sünd. 1905) oli autorile selle murde peamiseks informandiks. Temal esines üldiselt emfatiseeriva liiteta illatiiv, millest esitatakse mõned näited: naized men-či karpałõ 'naised läksid jõhvikale', vettē hüppaz inimene 'vette hüppas inimene', ep sätu kättē 'ei saadud kätte', jän mecca 'jään metsa', mehet käüci talos tallõ 'mehed käisid talust tallu', pani selkä 'pani selga', mäniñ krikkü, krikki küllä 'läksime Krikku, Kriki külla', ep päze räjä 'ei pääse taevasse', miä mēn kottõ 'ma lähen koju', ühtē occā, toisē occā 'ühte otsa, teise otsa' jne. L. Posti kirjapanekuis (NVK) esineb lauses häntä kutsutti linnapā kokohussē 'Häntä kutsuttiin kaupunginjohtajan kokoukseen' (162) vaid emfatiseeriva liiteta illatiiv, sest tüvelõpu -ks- > -ss-. Lauseis izvoššikka tuli suāmizä kottosē 'Ajuri tuli sydämissään kotiinsa' ja kuttsu zemskōta ommässē kontturi 'kutsui Zemstkoon konttoriinsa' (159) on -se-, -sse- III isiku possessiivsufiks nagu sõnas mēhessē 'meehensä' (165) jne.

Kokkuvõtlikult võib vadja illatiivi lõppudest öelda, et Pummalas (keelejuht Kigoria Kuzmin), Lempolas (Solo Kuzmina), Matis (Marja Boranova, Ot'ju Onufrijeva jt.), Kõrvõttulas (Anna Isajeva, Kat'a Jovleva) ja Itsäpäiväs (Aleksandr Andrejev, Fjokla Vasiljeva) ning Jõgõperä keelejuhil (Maria Petrova) oli emfatiseeriva lõpuga illatiiv esikohal. Kattilas (Marija Nikolajeva, Anna Antonova jt.) ning Pontizõ külas (Paraskeva Morozova) esinesid illatiivid emfatiseeriva lõpuga ja ilma selleta enam-vähem võrdselt. Võrdselt esinevad nad ka D. Tsvetkovi isiklikes kirjapanekuis. Luuditsa (Kiko Georgijev, Miko Pimenov, Ogru Nesterova, Maria Tsarkova, Ivo Leontjev jt.) ja Liivtsülä (Kostja Leontjev jt.) keelejuhtidel oli esikohal emfatiseeriva lõputa illatiiv. Jõgõperäl (laulik Mat'jo Gerasimova) oli regivärsides emfatiseeriva lõpuga illatiiv esikohal, jutustustes ja kõnelustes aga lõputa illatiiv. Rajol (laulik Oudekki Figuova) olid samad suhted. Kukkuzi murde kõnelejad ei ka-

sutanud emfatiseerivat illatiivi.

Juba E. N. Setälä oli kirja pannud vadja se-illatiivi omapära ning seletanud selle tekke ja leviku võimalusi. Tema arvates on se < * sen levinud peamiselt selle tõttu, et ta on võinud liituda seaduspäraselt moodustunud illatiivi-ga. Levikuks on mõjunud asjaolu, et sõnalõpuline -n oli genitiivist kadunud ning selle tagajärjel türevokaal pikenenud. Nõnda oli vadja keeles kadunud erinevus genitiivi, partitiivi ja illatiivi vahel. Illatiivi eraldamine oli aga vajalik. Selleks andsid eeskuju kontraktsioonitüvelised noomenid, kus se oli ootuspärane (ÄH 249). Samal arvamusel on olnud L. Kettunen. Tema händib, et spirandi esinemine illatiivis on olnud seaduspärane eelneva silbi h järel: omē-sē (< *homhēsēn) 'homeeseen' jne. Sellest asendist on see lõpp levinud mujalegi illatiivi üldiseks tunnuseks, liitudes täiesti seaduspärase illatiividega (VKÄ 1915 : 71-72; 1930 : 74-75).

Käesoleva kirjutise autor nõustub E.N. Setälä ja L. Kettuse seisukohtadega. Omapoolse lisaväitena võib ta eri küladest ja eri keelejuhtidelt kirja pandud või lüüristatud andmeil sedastada, et emfatiseeriva lõpu kasutamine oli isikuti esinev mitmetes vadja külades. Kel oli tavaks kõnelda aktsentueerivalt, veenvalt, see kasutas rohkem emfatiseerivat lõppu. See seik tuleb esile ka neis lauseis, milles esineb mitu illatiivi. Mõtteliselt rõhutatud illatiivis on emfatiseeriv lõpp. Olgu selle kohta mõni näide: viskāb rangad mānē, kujajēsē 'viskab rangid maha, õue' (Kattila); leivät pantī ahjōsē, ahjō pantī, tulisē ahjō 'leivad pandi ahju, (korrates) ahju pandi, kuuma ahju', tulinna kassē taḷnō, kassēsē taḷnōsē 'tulime sellesse majja, (just) sellesse majja' (Mati); sīs pantī sēnet sōnā, viruttati, sīs pantī sōnāsē 'siis pandi seened soola, loputati, siis pandi soola' (Jögöperä); urpovicat pantī teisēsē rihhē božnicā 'urbadega pajuvitsad pandi teise tuppa pühastenurka (Itsa-päivä) jne.

Järgnevalt vaadeldagu veel emfatiseeriva lõpuga illatiivi vadja keele lähemates sugulaskeelis. 1885. aastal on V. Porkka sedastanud oma väitekirjas, et isuri keele soikola murdes esineb illatiivi lõpp -sse (ID 63). Tabelites on toodud alamlauaga murde noomenikäänete paradigmat. Neile eelnevalt on öeldud, et kreeka-katoliiklaste (isurite) ja luuterlaste (ingerisoomlaste) keeletarvitus erinevat teinetei-

sest peamiselt häälikuliselt, mitte aga vormitunnuste järgi (66-74). Singulari ja pluurali illatiivist on Alam-Lauga alalt järgmised näited: (pää) päähä ~ päihe, päisse, (kiuka) kiukaasse ~ kiukahisse, (katto) kattoo ~ kattoisse, -ttoos-se, (mato) mattoo ~ mattoisse, -oosse, (jalka) jalkaa ~ jalkoisse, -oosse, (valkia) valkiaasse ~ valkehisse, (harakka) harakkaa ~ harakkoisse, -kkosse, (käsi) kättee ~ kässiisse, (reki) rekkee ~ rekkiisse, (hepone) heposee ~ heposisse, (lühut) lühüvee ~ lühüvisse, (sie) sitteesse ~ sitehisse, (pere) perreesse ~ perehisse, (ruis) rukkiisse ~ rukihisse, (mätäs) mättäasse ~ mättähisse. Isuri keele soikola murdest on singulari ja pluurali sse-lõpuline illatiiv järgmistel sõnadel: kiukaasse, lühüesse ~ lühüisii, (tervehüs) tervehüesse ~ tervehüesii, perehesse ~ perehisse, rugihesse ~ rukihisse, sittiisse, mättähesse ~ mättähisse. Soikolas on -sse registreeritud üksnes liitununa kontraktisoonitüvedele. Alam-Laugas on see lõpp olnud omane singularis teistelegi sõnatüüpidele.

J. Mägiste on uurimuses nn. Rosona murde kohta (RMP) maininud, et luterlastel (ingerisoomlastel) ja kreeka-katoliiklastel (isuritel) esineb -šse (-sse) illatiivis kõigi kontraktisoonitüvede ja kaasrõhuliste s-tüvede singularis ja kõikide nominaaltüvede pluuralis: taivässe (< *taivahaseh^{en}) 'taevasse', tukkēsse 'toesse', puisse 'puudesse', säkkisse 'kottidesse', sannōsse 'sõnadesse', rummenisse 'haganaisse', püörtümisse (kuoliki) 'minestusse (surigi)', tokkumisse (< *tokkumiseh^{en}) 'kukkumisse' (43).

Isuri murrete kaasaegne parim tundja A. Laanest on näidanud, et alamlauga murdes esineb singularis s-elemendiga illatiiv peatsi kontraktisooninomenite ka muudel juhtudel, näit. Jõgõperäl savisesse 'в глинистый', tüleš 'в ветер', säkkis 'в мешок', bol nitsas 'в больницу', Kotkos rīhes 'в пиру', sōamez 'внутри', Haavikos rīhes; Vanakülas rīheš. A. Laanest arvab, et niisugune s-tunnuse laienuk kasutamine seletub kaheldamatult vadja keele mõjuga, kus illatiivi lõpp -sē, -sē on väga levinud (ИД ИОТ).

A. Sovijärvi on osutanud, kuidas soikola murdes võib illatiivi lõpp -sse (-sse) liituda üksnes kontraheerunud noomenitüvedele (FÄT 68). See seisukoht kinnitab väidet, et emfatiseeriva liitega illatiiv on isuri keelde võinud levida vadja keelest, sest soikola isuri murdele pole vadja keel avaldanud suuremat mõju. Selle illatiivi levikust vadja

aladelt toetab veel ka see, et Lääne-Ingeris on ta üldine neis runodes, mis on kogutud vadjalaste naabrusest (SKVR III, 1). Esitatagu sellest vaid mõni näide: Elä sulhoon ihastu / Elä päänän valkiasse / Kypäraän korkiasse (38) 'Ära peigmehest vaimustu, ära peast valgest, kübarast kõrgest'; Anterus suuri Saksalainen / Uro umpi Ruotsalainen / Pani paa-tin valjaisse/Mustan ruunan munterisse (358) 'Anterus suur sakslane, hiiglane umbrootslane, pani paatja valjaisse, musta ruuna mundrisse'. Näited on Narvustist.

Lõpuks võib nentida, et kontraheerunud noomenitüvedest lähtunud emfatiseeriva lõpuga illatiivi kujunemine ning arenemine on toimunud vadja keelealal. Üheski murdes ega murrakus pole ta siiski saanud üldiseks. Tema tarvitamises on olnud individuaalseid erinevusi.

L ü h e n d i d

FÄT = A. S o v i j ä r v i, Foneettis-äännehistorialinen tutkimus Soikkolan inkeröismurteesta. Suomi 103. Helsinki, 1944; CVL = P. A r i s t e, A Grammar of the Votic Language, Bloomington. The Hague, 1968; ID = V. P o r k k a, Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors 1885; NVK = L. K e t t u n e n, L. P o s t i, Näytteitä vatjan kielestä. SUST LXIII, Helsinki, 1932; RMP = J. M a g i s t e, Rosona (Eesti-Ingeri) murde paaäjooned. ACUT B VII, 3, Tartu, 1925; SKVR = Suomen Kansan Vanhat Runot III. Länsi-Inkerin runot 1. Toimittanut K. Salminen, Helsinki, 1915; SVM = L. P o s t i, S. S u h o n e n, E. N. S e t ä l ä n vatjalaisuustietänpänt. Memoria saecularis E. N. S e t ä l ä 27. II 1964. - SUST 135, 7, Helsinki, 1964; VE = E. A d l e r, Vadjalaste endisajast I, Tallinn, 1968; VHP = V. A l a v a, Vatjalaisia haatapoja, haalauluja ja -itkuja. - Vähäisiä kirjelmia XLII, Helsinki, 1908; VKG = P. A r i s t e, Vadja keele grammatika, Tartu, 1948; VKT = M. A i r i l a, Vatjan kielen taivutusoppi. - Vähäisiä kirjelmia XXXVII, Helsinki, 1924; VKA = L. K e t t u n e n, Vatjan kielen äännehistoria, Helsinki, 1915; WE = J. M a g i s t e, Woten erzählen. Wotische Sprachproben. - SUST 118, Helsinki; WG = A. A h l q v i s t, Wotisk grammatik jente språkprof och ordförteckning. Acta Societatis Scientiarum Fennicae, V, 1, Helsingfors, 1856; AH = E. N. S e t ä l ä, Yhteissuomalainen äännehistoria, Helsinki, 1890-1891; ИД = А. Л а а н е с т, Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование, Таллин, 1966. ЭВЧГ = Д. Ц в е т к о в, Эсимейн вадья чээлэ грамаатикк. Первая грамматика водьского языка, 1922. (Käsikiri asub ENSV. TA Keele ja Kirjanduse Instituudis.)

Paul A r i s t e
(Tartu)

DER ILLATIV IM WOTISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Wotischen gibt es eine kürzere und eine längere Endung des Illativs. Wenn der Stammvokal eines Wortes lang ist, wird er im Illativ abgekürzt. Ihm wird das Suffix h und der sich wiederholende Stammvokal hinzugefügt: pāhā 'in den Kopf' (pā 'der Kopf'). Wenn der Stammvokal kurz ist, wird er im Illativ verlängert: kaivō 'in den Brunnen' (kaivo 'der Brunnen'), čulā oder čüllā 'in das Dorf' (čulā 'das Dorf'). Die Funktion des Illativs kann emphatisch ausgedrückt werden. Das emphatische Suffix ist -sē, -sē, sē, sē, das sich an den kürzeren Illativ anschließt: kaivōsē, kaivōsē 'in den Brunnen', čulāsē, čulāsē usw. 'in das Dorf'. Im Plural kann dasselbe emphatische Suffix auftreten oder es wird durch -si ersetzt: lintūsē 'in den Vogel', lintuisī 'in die Vögel'. A. Ahlqvist hat in seiner wotischen Grammatik (Wotisk Grammatik, 1856) die emphatische Illativendung verallgemeinert. Nach ihm haben auch andere Verfasser es getan, unter anderen der Unterzeichnete in seiner wotischen Grammatik (*Vadja keele grammatika*, 1948).

Im vorliegenden Aufsatz werden Angaben über den Illativ aus allen wotischen Dörfern angeführt und ausführlich analysiert. Alle Mundarten sind vertreten. Der emphatische Illativ war an der ersten Stelle in Pummala, Lempola, Mati, Kõrvõttula, Itšäpäivä und teilweise auch in Jõgõperä und Rajo. In anderen Dörfern kamen beide Endungen häufig vor. Im Luuditsa und Liivtsülä war an der ersten Stelle der Illativ ohne emphatische Endung. In Kukkuzi war diese Endung vollkommen unbekannt. Das emphatische Suffix wurde im Gespräch meistens dann gebraucht, wenn man akzentuiert oder betont sprach. Das emphatische Suffix wurde hin und wieder mit dem Allativ gebraucht: meilē ~ meilēsē 'uns', kujawē ~ kujawēsē 'auf die Straße, auf den Hof'.

Люция Безносикова
(Сыктывкар)

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ ГЛАГОЛАХ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В современном коми языке весьма активным явлением в области выражения глагольного действия выступают так называемые парные глаголы (далее ПГ). Речь идет о словосочетаниях двух грамматически эквивалентных глагольных (финитных или инфинитивных) форм для выражения особого действия. В них объединены в коммуникативное единство глаголы, относящиеся к общему, одному и тому же субъекту и не имеющие формального показателя связи. Эти словосочетания весьма широко распространены как в устно-разговорной, так и в письменной речи и представляют собою довольно большое количество живых, богатых значениями и активно функционирующих конструкций.

Подобные конструкции характерны для венгерского, марийского, мордовского и других финно-угорских языков (ОФУЯ : 392-396). В пермских языках парные (копулятивные) сочетания относятся к числу чрезвычайно устойчивых и продуктивных категорий (КПЯ : 163-167; ГУ : 249-251); они особенно употребительны в плане выражения экспрессивности, эмоциональности. Широкое бытование ПГ в пермских языках мотивируется развитой системой копулятивных слов вообще. В коми (коми-зырянском, коми-пермяцком), удмуртском языках лексика, образованная с помощью сочинительного типа словосложения, представлена не только глаголами, но и другими частями речи (КРС, КПЯ : 163-167; УРС). Между тем в коми языкознании они изучены пока недостаточно. Следует отметить большое исследование И. Батори (Bátori 1967), в котором подобные образования отнесены в разряд сдвигов и рассмотрены наряду с сложными словами. Роль ПГ в развитии литературного языка подчеркивается в статье В.И. Лыткина (Лыткин 1974). Можно назвать несколько работ, посвященных повторам. В них проанализированы различные типы повторения изобразительного характера (Сидоров 1924; Алатырев 1948; Майтинская 1961 : 10-12; Игушев 1981 : 36-42). Анализ копулятивного глагола овны-вывны 'жить-поживать' содер- жится в книге О.Б. Ткаченко (Ткаченко 1979 : 97-117). На-

стоящая статья является попыткой описания парных (копулятивных) глаголов. В ней рассматриваются прежде всего конструкции, состоящие из лексически однозначных глагольных форм. Цель работы – установить природу ПГ: выявить лексикограмматический характер компонентов ПГ, взаимосвязь этих компонентов, принцип их упорядочения, а также определить семантику ПГ.

Статья строится главным образом на материале, извлеченном из произведений одного из основоположников коми советской литературы В.Т. Чисталева (Чисталев 1980). Общее число ПГ, зафиксированных нами в его произведениях, составляет более 500 (в это число не входят парные слова, представляющие собой особые глагольные формы – отглагольные существительные, причастия, деепричастия, т.к. они выступают как отраженные и могут быть выведены от рассматриваемых ниже видов).

Собранный материал свидетельствует, что ПГ могут включать в свой состав любые, лексически не ограниченные слова. Они разнообразны по семантике и охватывают широкий круг глаголов. В плане грамматической абстракции ПГ существуют как схема, в абсолютном большинстве случаев допускающая свободное наполнение. ПГ имеют следующие модели: форма настоящего времени + форма настоящего времени, форма прошедшего времени + форма прошедшего времени, форма инфинитива + форма инфинитива, форма будущего времени + форма будущего времени и т.д.

Поскольку ПГ относится к одному и тому же субъекту, то встает вопрос, каким образом их компоненты связываются с ним. Анализ показывает, что ПГ относятся к субъекту не одинаково. Можно отметить два вида связи:

1) Каждый компонент ПГ самостоятельно, непосредственно связываются с субъектом. Такие ПГ близки к равноправным глаголам в функции однородных сказуемых. Напр.: Мыйтом тэ дум вайёдан-кыёдан нимтана нимнад! (236 – здесь и далее в скобках указываются страницы названной книги В.Т. Чисталева) 'Сколько мыслей ты подаешь-возбуждаешь так своим знаменитым именем!' Конструкция вайёдан-кыёдан подчинена одному слову тэ 'ты'; оба глагола являются его подчиненными словами: тэ вайёдан, тэ кыёдан 'ты подаешь, ты возбуждаешь'; Быдымсь пу .. туё-содё бид во, бид гождём (189) 'Растущее дерево ... растет-прибывает каждый год, каждое лето' (ср. пу туё, пу содё); Гёрд-дёла биён ёзъялё-шпорёдчё гёрд рёма флаг (80) 'Алым пламенем горит-колышется (на ветру) красный флаг'. Оба

компонента III бэъялэ-шпорёдчэ непосредственно относятся к слову флаг (ср. флаг бэъялэ, флаг шпорёдчэ).

2) Только один компонент III тесно связывается с субъектом; другой же по смыслу больше тяготеет к этому глаголу, чем к субъекту, т.е. один из компонентов III относится к субъекту не прямо, а имеет опосредствованную связь: Оравли-тэг зяткис-гитис кэрт пома пелнс изья в пидосэ (I13) 'Железный конец весла беспрестанно лязгал-чертил каменистое речное дно'. К главному слову пелнс 'весло' непосредственно относится лишь глагол гитис 'чертил'; компонент зяткис 'лязгал' связывается с подлежащим через глагол гитис - он характеризует действие, выраженное последним (ср. гитис зяткигтырйи (зяткэмён, зяткигмос) 'чертил лязгая'); Дзурсмунинь-пыриснь пармаэ войтыр (I23) 'Нырнули-зашли в тайгу люди'; к подлежащему войтыр 'люди' непосредственно относится слово париснь 'зашли'; глагол дзурсмунинь подчеркивает действие этого слова, усиливает, уточняет его (ср. пыриснь бытэбэ дзурсмунинь 'зашли словно нырнули').

III имеют, как правило, идентичные глагольные формы, т.е. оба члена III стоят в одном лице, показывают одинаковое наклонение, время, иногда вид, залог, что говорит об их слитности, единстве. Сходство форм глаголов вырабатывается, очевидно, в силу особой соотносительности действий. Это соотносительность иногда допускает частичное различие форм - соединение глагольных форм разных времен, видов, флексий, но при обязательном условии общих временных значений. Например: Чуралёмаось кынмонь пасьтэмось кыз пуяс (I79) 'Оконченелимерзнут голые березы'; Эновталонь-петонь горт сиктысь медбөрья пышыннь лэсьдчсь мортьяс (I22) 'Покидают-уходят из родной деревни последние убегающие'; Пидэ пармаэ ыджид төв нырбэн разалэ пырас (йёлбга) (I44-I45) 'Глубоко в тайгу сильным порывом ветра расходится-проникает (эхо)'.

В структуре III немаловажную роль, по-видимому, играет и фактор аналогии - уподобления форм одного глагола формам другого, а в письменной речи их распространение может быть объяснено также стремлением писателей к выразительности, образности. Подтверждением этого является, на наш взгляд, то, что в коми языке III используются даже в тех случаях, когда то же содержание могло быть выражено союзной конструкцией: Тадзикон кылэмён-думьясон Трипан Вась кытылалис-видлалис идьяс да сюяс (II2) 'С такими мыслями-думами Трипан Вась обходил-осматривал посевы ячменя и жи:' (ср. кытылалис да вид-

лаліс); Чуксасьонн инь кӧкъяс ай кӧкъяскӧд, йӧлӧга бӧрсяныс ю сӧртас кузя вӧтлысьо-лӧвтӧ (I16) 'Перекликаются самки-кушки с самцами, эхо по речной долине бегаёт-вторит им' (ср. вӧтлысьӧ да лӧвтӧ).

Иногда этим фразам могут соответствовать также конструкции с деепричастиями (атрибутивно-глагольным словосочетанием): Чеччыталісны-сӧлісны пур вылӧ (I60) 'Пригали-сели на плот' (ср. чеччыталӧмӧн сӧлісны 'сели прыгая'); Сьылӧ-корӧ ас дінас (205) 'Поет-приглашает к себе' (ср. сьылӧмӧн корӧ 'приглашает пением'); Шувгис-муніс иджид тӧвныр (25) 'С шумом пронеслась большая буря' (ср. шувгӧмӧн, шувгитыри муніс).

В некоторых случаях ПГ можно заменить сравнительным оборотом (особенно тогда, когда один компонент конструкции - глагол в переносном значении): Медым лымійскӧд тшӧтш жӧ бӧр ас туйӧдыс пыійыны-сывны лымійс сьлігмоз (I22) 'Чтобы вместе с таянием снега по своей дороге обратно убежать-исчезнуть' (ср. пыійыны, быттьӧ сывны 'убежать как стоять'); Дыр на гнясыс лайкъяласны-лолаласны (I4I) 'Долго еще волны качаются-дышат' (ср. лайкъяласны, быттьӧ лолаласны 'качаются' словно дышат').

Однако следует заметить, что как и другим языкам, коми языку - особенно устно-разговорной разновидности -, свойственны краткие формы выражения, он по своей природе стремится к сжатости, к экономии средств выражения. И это отражается в письменных текстах, в стремлении писателей приблизить письменный язык к живой, непринужденной разговорной речи.

По взаимосвязям компонентов ПГ отличаются как от одиночной лексики (в частности, от однородных сказуемых), так и от сложных слов. ПГ образуются на основе определенных закономерностей, определенных семантических принципов, присущих коми языку. Они объединяют глаголы, вступающие в своеобразные отношения, которые можно назвать, на наш взгляд, паратактическим соположением двух грамматически эквивалентных слов. Со стороны данных взаимосвязей компоненты анализируемых ПГ упорядочиваются на основе семантического принципа сочинения и составляют семантическое, морфологическое и синтаксическое единство, неделимое целое. Это единство определяется тем, что именно вся конструкция, а не какая-то, отдельно взятая ее часть несет нерасчленимый комплекс значений действия, процесса. Лексика, конструирующая эти специфические единицы, семантически довольно далека от отдельно взя-

тых компонентов. Каждое из этих слов не может совпадать в значении той или иной пары глаголов. Сильную интеграцию составляющих частей ПГ, наряду с их формальной самостоятельностью, отмечает И. Батори (Bátori 1967 : 51). В подобных конструкциях, по выражению Л.В. Щербы, происходит "сложение смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы" (Щерба 1974 : 24).

Неделимость данных конструкций с несомненностью проявляется в тех случаях, когда в предложении имеются второстепенные члены, относящиеся ко всему словосочетанию в целом, или нет второстепенных членов, относящихся к ПГ: Волис сы бёрся войвёлё кыквевся төв - ... кынтылис-шебрёллис му эжсё гортывв еджд дораён (118) 'За нею приходила на север двойная зима - ... замораживала-укрывала земной покров гробовым белым покрывалом'; Воис коз улё би, нюлыштис-видлис вялом кос сирсё вуж бердсынс (203) 'Пришел под ель огонь, слизнул-попробовал просочившуюся высохшую смолу с основания'; Шердйё-пыркёдё вагонн таг кольёс моз муннсьёс (139) 'Веет-трясет пассажира в вагоне как хмелевую шишку'; Лозгёны-пёрёны пуяс (157) 'С шумом валятся деревья'; Онялё-лолалё сынёдис пым (111) 'Пышет-дышит жаром горячий воздух'; Сулалё-вугралё вёр (156) 'Стоит-дремлет лес'.

В редких случаях второстепенный член относится к одному компоненту ПГ; тогда установление слитности или раздельности глагольных форм со стороны их функционирования определяется смыслом и произнесением - слитное произнесение требуется при единстве конструкции и раздельное при наличии однородности. Ср. возможность двоякого произнесения в следующих предложениях: Ниа вёрсё Печора вёлёкнсь лэдзёдлёма-кыскёдлёма си доддьён ... морт вылын! (213) 'Лиственный лес с Печорского волока заставлял рубить-таскать волоком ... на людях!' (ср. лэдзёдлёма да кыскёдлёма си доддьён); Кык курс менё видзисны-велёдисны офицерё (99) 'Два курса меня держали-учили на офицера' (ср. кык курс менё видзисны и велёдисны офицерё).

Возможность двоякого произнесения чаще появляется тогда, когда на письме ПГ изображаются как однородные члены, т.е. между их компонентами ставится запятая, или нет вообще никакого знака: Урал из вомён вуджигён уна вёв згинитис уси (109) 'При переходе через Уральские горы сгнуло-погибло много лошадей'; Кырнышьяс карзисны вётчисны бёрсяньс (109) 'Вороня каркали-летали за ним'; Кёмасян, пасьтасян, нурйыштчан-сеян (156) 'Оденешься, обуешься, закусишь-поешь'; Жуённ,

гудрасьёны вежён-вежён: мортъяс, вёвьяс, понъяс, пу додьяс, пицальяс, черьяс, вилаяс (I20) 'Все спует, перемешивается: люди, лошади, собаки, сани, ружья, топоры, вилы'.

Семантическое (в какой-то степени также синтаксическое и морфологическое) единство ПГ приближает их к сложным словам. Они могут характеризоваться всеми признаками, присущими сложным словам: 1) единством значения, 2) единой синтаксической функцией, 3) отсутствием синтаксических связей между компонентами. Вероятно, эти признаки и явились главными при определении подобных конструкций в удмуртском языке как сложных глаголов (IV : 249). Проблема сложных слов в коми языке остается до настоящего времени не до конца решенной (Зимин 1979 : 75-76). В разряд сложных слов в коми языке отнесены некоторые виды ПГ, в частности, устойчивые конструкции, состоящие из глаголов вместе имеющих собирательное значение, а также из глаголов с близким или одинаковым значением - гёрны-кёдэны 'заниматься сельскохозяйственными работами', кóмасьны-пасьтасьны 'одеваться-обуваться', пунь-пóжавны 'стряпать', сёйны-юны 'питаться', содны-быдмыны 'расти', óвнывьвны 'жить-поживать' (КОС : I3). Четко отграничиваются парные слова от сложных слов в коми-пермяцком языке. Так, в учебнике для вузов перечисляются признаки, которыми сложные слова отличаются от парных образований (КПЯ : I63-I67).

С нашей точки зрения, ПГ не могут быть отнесены к сложным (аналитическим) словам. Не останавливаясь подробно на данном вопросе (поскольку это не входит в задачу настоящей статьи), отметим лишь следующее. Известно, что статус сложного слова определяется наличием в его смысловой структуре двух семантических противоположных тенденций - одна способствует семантическому оформлению сложного единства, другая - сохранению семантической самостоятельности компонентов сложных слов, стремящихся к семантическому единству как к пределу. В идеале этот процесс заканчивается тогда, когда сложное слово теряет мотивированность и прозрачность смысловой структуры, иначе - когда оно становится простой лексической единицей словаря. Компоненты же ПГ полностью сохраняют свою самостоятельность как в формальном, так и в смысловом отношении. Они являются сложными лексическими единицами языка, а не грамматическими формами; при этом один из компонентов ПГ конкретизирует различные способы или особенности протекания действия, выраженного другим. Они могут быть в полной мере

Отнесены к копулятивным сочетаниям усилительного и объединяющего типа, которые фигурировали еще в древнем языке и бытуют в современных финно-угорских языках (ОФУЯ : 393-394). ПГ данных типов неоднородны по семантике составляющих частей и характеру выражаемых значений, что позволяет выделить в них несколько групп.

Компоненты ПГ усилительного типа обозначают, как показывает материал, сложное действие как единство двух различных действий, сопровождающих друг друга и образующих одно, сложносоставное действие; вместе с тем эти интегрирующие компоненты отличаются друг от друга – один глагол сообщает действие, другой подчеркивает, уточняет его.

I) Выделяется группа ПГ, в которых один компонент употребляется, по выражению А.С. Гантман-Кривошековой, в образно-подражательном значении (КПЯ : 166); эти конструкции, как правило, экспрессивны. Коннотативность им придают слова, употребленные в текстах в переносном метафорическом значении, или глаголы с устойчивой экспрессивно-эмоциональной окраской.

Наиболее характерный порядок расположения компонентов – с образным глаголом на первом месте: Бура и тшуплөдди-шуали (97) 'Хорошо же рубил-говорил'; Вий тупыль моз войтыштис-сн-ли вөр пу сайб кын сьомоса товся шонди (118) 'Словно ком масла капнуло-скрылось за лесом холодное зимнее солнце'; Ньылыштис-дзевис войтырөс рөдимой вөр (123) 'Проглотил-спрятал людей родимый лес'; Пндзрасьб-нюклясьб помоль (161) 'Сжимается-сгибается хвойная поросль'; Лунсянь шонди төв пушко, лымсө някалө-сөйө (151) 'С юга теплый ветер дует, сосет-ест снег'; Быттьбө тай рака плавгысьбмануксьбма (203) 'Словно ворона распласталась-села'; Довьялө-шензьбө ньлаин коз (169) 'Качается-удивляется ель на улице'.

Конструкции с постпозицией образных глаголов также обычны, хотя в анализируемых произведениях встречаются реже: Гы-лалө-шупкысьбө ув выльсь тукта (153) 'Тяжело падает-валится с ветки ком снега'; Ёрчбө-курччасьбө колхозса завхоз (188) 'Обзывается-ругается колхозный завхоз (букв. ругается-кусается)'; Өти вөр динсянь мөдө лөбалө-суналө кыр (152) 'С одной опушки на другую летает-ныряет желна'; Бьдмис-товгысис пу (111) 'Росло-стремительно поднималось дерево'.

Глаголы, имеющие экспрессивный оттенок, выступают в данных сочетаниях в роли определителей, уточнителей действия, выраженного другим глаголом. Особенно заметна такая функция

в ПГ, в которых один компонент - глагол движения (Безносикова 1982 : IIO-III): Муралігтырйи тінбылтё-пшыё ош гуркёс сён пьдёсё (203) 'С ревом переваливается-бежит медведь на дно глубокого оврага'; Ляшкис-муніс сьёкыд нопйён жугьль Апрель-дядь (55) 'Побрел-прошел с тяжелой котомкой грустный дядя Апрель'; Шпынялё-ветлёлё - Прокёлы долыд (36) 'Улыбаясь ходит - Прошка доволен'; Катищесянь делянкабдз пыр люзьгисны-кайсны вёлаяс (170) 'От катища до делянки непрерывно тянулись-поднимались подводы'; Кызь час чёж шердйис-муніс сувлтётг пемьд коз вёраинті поезд (144) 'В течение двадцати часов без остановки быстро шел поезд по еловому лесу'; Вуджёр кодьёс довьялёны-ветлёны удж выльн йёз (IIO) 'Как тени, едва шевелятся-ходят люди на работе'.

2) Значительную группу среди ПГ со значением усиления действия составляют такие, в которых один компонент - изобразительный глагол. Такие конструкции, в которых изобразительный глагол сочетается с самими разными словами, имеющими различные значения, очень характерны для коми языка в его письменной и устной разновидностях. Они широко распространены в каждом диалекте. Порядок компонентов таких ПГ свободный, хотя изобразительный глагол занимает преимущественно препозитивное место; но он возможен и в постпозиции: Сэссия клёноётан-вартан чер тышнад (157) 'Затем стукнешь-ударнешь обухом'; Шковкылё-чегё ороётём сьёмёслён сёныс (157) 'Грохнет-сломается жилка недопиленной сердцевины (дерева)'; Бьд лолыштём тёврусь шпаргысё-вёрё (43) 'От каждого дуновения ветерка шелестит-колышется'; Дзожгысё-войталё кёрт вылё пёсь (28) 'Капли пота шипят-капают на железо'; Шобрьяліс-лабаліс пётка (171) 'Порхала-летала птица'; Пёригмозис гырьс пуюслысь увьясёб подулёдзис сяркёдас-увьяс, посниджык пуюсёс ас улас кажйёдлас-чегьялас (157) 'Падая очистит-срубит ветки больших деревьев до основания, с хрустом подомнет под себя деревья поменьше'; А ми, велёдчысьяс, гижёднымёс тетрадьсь косьтам-шляпёдам ки пьдёснаным (184) 'А мы, школьники, написанное в тетради сушим-шлепаем ладонями'.

3) Ряд ПГ называет действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии. Одним компонентом таких ПГ являются глаголы сулавны, пукавны и др. Такие сочетания произносятся слитно, причем слитность придается вследствие некоторой смысловой ослабленности глаголов состояния, по своей функции приближающихся к вспомогательным глаголам; место компонентов в подобных ПГ свободное: Сулалё-узёё, вич-

чысьб тулс на бара (I57) 'Стоит-спит, снова ждет весну'; Гранит из моз сулалё-шойччө йи поткөдльс - ледокол "Ленин" (I49) 'Словно гранитный монолит, стоит-отдыхает ледокол "Ленин"'; Шензъштис-сулалис калыс (65) 'Удивленный стоял спрашивающий'; Дзескодчны-сулалёны парадной өдзөс дорын (237) 'Теснятся-стоят у парходного подъезда'; Сярвидзёны-сулалёны пуяс (I56) 'Врассыпную стоят деревья'; Пукалө, кывзө би доры Вась нвла выльс рытя оломсө. Пукалө-шойччө (II6) 'Сидит-слушает Вася у костра вечернюю жизнь природы. Сидит-отдыхает'.

4) Особо выделяются III, в которых глаголы находятся в отношениях взаимной обусловленности: оттенок временной последовательности, причины и следствия, цели и т.д. насаивается на общее значение одновременности, присущее конструкции в целом. Компоненты в таких III занимают определенное место, и их перестановка невозможна: Суода-бергөда ассьым том гажөс! (20) 'Догоню-верну свою молодость!' (ср. суода и бергөда 'догоню и верну'); Пу чужө-быдмө көйдссянь (I89) 'Дерево всходит-вырастает из семени' (ср. чужө и быдмө 'всходит и вырастает'); Велодисны ратникясөс абутөм врагөс кыйодны-лыльны (I27) 'Учили ратников выслеживать-стрелять несуществующего врага' (ср. кыйодны да лыльны 'выслеживать и стрелять'); Пристаняс дорын сөвтчөны-мөдөдчөны нли экспедицияө советской парходяс (I49) 'На пристанях принимают груз - отправляются в дальние экспедиции советские парходы' (ср. сөвтчөны, медым мөдөдчыны 'грузятся, чтобы отправиться'); Өд ар кежлас воөм коллыс мөд во тулснас косьмө-жеркалө (I90) 'Ведь к осени поспевшая шишка весной сохнет-раскрывается' (ср. косьмө, та вөсна жеркалө 'сохнет, поэтому раскрывается'); Кыммыльс ниң кыммыльс-унмовсьлис төв кежлө вөр, садьмывльс-шувгыльс тулсын! (I57) 'Сколько раз уже замирал-засыпал лес на зиму, просыпался-шумел весной!' (ср. кыммыльс да унмовсьлис 'замирал и засыпал'; садьмывльс да шувгыльс 'просыпался и шумел').

К III второго разряда относятся лексические единицы, компоненты которых образуют комплекс, обозначающих не сумму двух понятий этих компонентов, а нечто более широкое, общее понятие. Такие III объединяют в своем составе синонимические понятия, воспринимающиеся как длительные или постоянные действия. В III данного типа возможна свободная перестановка их компонентов: Уна сюрс морт велодчөны-сысьмөдчөны тан край пасьтавсь (I49) 'Много тысяч человек учатся здесь из всего

края (букв. учатся-просвещаются)'; Сэссия пу гоггöрыс лымсö таяллан-юждан (157) 'Затем снег вокруг дерева утопчешь (букв. утопчень-утрамбуешь)'; Уна жö ва тэ кылöдан-нуан (147) 'Много же воды ты несешь'; Сэки миян котыр паськалис-быдмис (99) 'Тогда наша родня увеличилась (букв. разрослась-размножилась)'; Мый думайтлис-мовпавлис (216) 'О чем размышлял (букв. думал-мечтал)' и др.

Во многих случаях в предложениях имеется лексическое указание на продолжительность действия – относящиеся к ПП наречия типа вочасöн 'постепенно', нбöжйöник 'медленно', временные послелогии типа чöж 'в течение' и т.д. подчеркивают протекание действия. Например: Корьяс пуяслöн вижöдöны, нбöжйöник гыладöны-киссьöны (152) 'Листья деревьев желтеют, медленно падают'; Ассьыс öдья вынсö сйö койис-лэдзис Войвын муö сё да вит лун чöж! (180) 'Свой жар оно излучало-испускало на северную землю в течение ста и пяти дней!'; Шупöдны-тöлбöды вочасöн, а не косьтыны-жаритны (184) 'Подсушить-протереть постепенно, а не сушить-жарить'.

Анализируемые конструкции составляют довольно большую группу, что объясняется возможностью свободного сочетания глаголов, имеющих синонимические соответствия. Некоторые из таких сочетаний приобрели (или приобретают) устойчивый характер: Дугдисны ветлысьны-волысьны öтарсянь и мöдарсянь (109) 'Перестали посещать друг друга (букв. приходит-навещать)'; Уна вир-яй сёйис-юис буржуй шайка (69) 'Много душ погубила шайка буржуев (букв. выпила-съела)'; Ог тöд, кодй менö чужтлис, код быдтис, вердис-удис (44) 'Не знаю, кто родил меня, кто вырастил, воспитал (букв. кормил-поил)'; Лёк кö вöлй вöчöны – бара жö вöтлö найöс, кыйö-виö, мед матигö-гöрын эз вöвны (133) 'Если плохое делали – снова гонит их, охотится, чтобы поблизости не были (букв. ловит-убивает)'.

Сюда же относятся немногочисленные конструкции, состоящие из трех (иногда четырех) глагольных форм в семантическом едином сочетании: Челядыс шойтöны-ветлöны, öбрдöны (133) 'Дети шатаются, плачут (букв. бродят-ходят-плачут)'; Шлынгöны-кывтöны-звöйкйöны ю кузя пурьяс тыдалан выйны öта-мöдсяныс (160) 'Плавно плывут по реке плоты на видимом расстоянии друг от друга'; Кытчö и воштысьны: пессёб öнгзё-пöсялö косьт вывтй гонитйг (159) 'Куда и деваться: бьется-пенится-кипит, мчась через пережат'; Тильсис-пöрдчис, ректысис, лэдзис уна пöсь (210) 'Бился-валил, расчищал лес, много сил

приложил'; Гордодӧ, виждӧ, быгалӧ-кельдӧ (180) 'Краснеет, желтеет, бледнеет-блекнет'; Гудрасям, быглысям, суналам сук небыд пемыдас (143) 'Смешиваемся, теряемся, ниряем в густую мягкую темноту'.

Целый ряд ПГ, отмеченных у В.Т. Чисталева, встречается в произведениях других коми писателей; многие из них бытуют в народном языке и зафиксированы в диалектных словарях. ПГ, являясь в системе коми языка вполне органичными, широко используются Г. Федоровым, И. Тороповым, Г. Шиковым, В. Безносиковым, Ю. Васютовым и другими современными писателями, близкими в своем творчестве к народноразговорному языку.

Краткие выводы:

1. В коми языке ПГ образуются свободно и охватывают широкий круг глаголов. Наиболее богато представлены ПГ, в которых одним из компонентов выступает образный глагол, образительное слово, и ПГ с синонимическими компонентами. Оба глагола, вступающие в сочетание, обладают одинаковыми формами - имеют одинаковое число, лицо, наклонение, время, вид. Их сходство выработалось в силу связи глаголов с подлежащим, с одной стороны, и в силу определенного соотношения действий в предложении, с другой.

2. ПГ характеризуется слитным произнесением в тексте, составляют семантическое, морфологическое и синтаксическое целое. Они упорядочиваются на основе семантического принципа сочинения с конкретизацией того или иного действия.

3. Образующие конструкции глаголы неодинаково связываются с подлежащим: компоненты одних ПГ непосредственно относятся к подлежащему и по функции близки к однородным сказуемым; между компонентами других ПГ установилась форма связи, при которой один компонент связывается с подлежащим через другой; при этом один глагол характеризует действие, выраженное другим.

4. ПГ, широко употребительные в письменных текстах, являются одним из выразительных средств языка художественной литературы.

С о к р а щ е н и я

ГУ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; КРС = Коми-русский словарь, Москва 1961; КОС = Коми орфографический словарь, Сыктывкар 1976; КПЯ = Коми-пермяцкий язык. Учебник для вузов, Кудымкар 1962;

ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; УРС = Удмуртско-русский словарь, Москва 1983.

Л и т е р а т у р а

А л а т ы р е в В.И. 1948, Повторы в пермских языках. - Ученые записки Карелофинского университета I; Б е з н о - с и к о в а Л.М. 1982, Синонимические отношения глаголов движения в коми языке. - СФУ ХУШ : IIО-III; З и м и н В.С. 1979, Цельнооформленность как один из критериев разграничения сложного слова и словосочетания в коми языке. - Вопросы финно-угроведения. Языкознание. (Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов), Сыктывкар; И г у - ш е в Е.А. 1981, О повторах в устойчивых выражениях коми языка. - Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка), Ижевск; Л ы т к и н В.И. 1975, Коми кыв со́вмб. - Югд туй, 20 февраля; М а й т и н с к а я К.Е. Повторение как изобразительное средство усиления дистрибутивности и видовых значений в финно-угорских языках. - Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии. (Тезисы докладов), Петрозаводск; С и д о р о в А.С. 1924, О звуковой мимике. - Коми му I-2, Сыктывкар; Т к а ч е н к о О.Б. 1979, Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков, Киев; Ч и с т а л е в В. 1980, Менам гора тулыс, Сыктывкар; Щ е р б а Л.В. 1974, Языковая система и речевая деятельность, Ленинград;

В а т о r i, I., 1967, Wortzusammensetzung und Stammformverbindung im Syrjanischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen, Göttingen.

Lucia B e z n o s i k o v a
(Syktyvkar)

ON THE PROBLEM OF COPULATIVE VERBS IN THE KOMI LANGUAGE

S u m m a r y

Copulative verbs, which are widely used in the Komi language, play an essential role in expressing the verbal action. They are easily produced on the basis of identical grammatical forms of their components: number, person, mood, tense and aspect. In the article they are treated as semantic, morphological and syntactic units. Copulative verbs including a synonymic or an onomatopoeic component constitute the bulk of this word group.

Евгений Игушев
(Сиктивкар)

К СТИЛИСТИКЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ КОМИ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Категория падежа в коми языке представляет собой развитую систему, функции падежей имеют четкую дифференциацию (СНЯ 1958 : II7), в то же время для стилистического подчеркивания мысли имеется возможность использования одной падежной формы вместо другой.

Так, для обозначения части от целого или принадлежности одного предмета другому используется применной номинатив, напр. *mes viĵ* 'сливочное масло', досл. 'корова, масло', *ĉer nud* иж. - 'топориче', досл. 'топор, рукоятка'. Для подчеркивания какого-нибудь слова или выделения его из числа одинаковых предметов, применное слово может принять форму адессива: *mealen jeliš vomas* 'молоко коровы в пасти', т. е. как будешь кормить корову, так будет и давать она молока, *vošem čerlen nudis* - иж. 'топориче потеряннного топора' - так говорят о долге, возвращенном неполностью. Суффиксом адессива *-len-* в первом случае подчеркивается причинно-следственная связь между кормлением коровы и получением от нее молока, в другом - противопоставляется металлической части топора деревянная, чтоб показать явную неэквивалентность компонентов топора и таким образом подчеркнуть мизерность части возвращенного долга. В приведенных случаях применной адессив по сравнению с номинативом дает более яркую характеристику предмету речи.

Синонимичные отношения наблюдаются между аккумулятивом и элятивом, имеющем, кроме местно-исходных значений и отдельные, партитивные (Гуляев 1961 : 20). Сравните: Эг Ыд мебй лун кежлб деньгамсь орлы (Доронин 1938 : 100) и Некор деньгабс эг видзлы дзикбдз 'Ни на один день я не оставалась без денег'. Мбй тайб неньсьмс малтІ сэ кызэ (Гуляев 1961 : 21) и Мылэ тайб няньсб мавтІ см кызэ. 'Почему так толсто я намастил кусок хлеба'. Здесь примеры с существительными в элятиве, выступающем в партитивном значении, более выразительные как наиболее архаичные, сохранившиеся лишь в сочетании с отдельными глаголами. В ряде финно-угорских языков

частичный прямой объект оформляется при помощи отделительного падежа. Сравните: фин. *vesi*, но *vettä* 'воды', эст. *keel*, но *keelt* 'языка' (Валмет 1981 : 82). Мордовский отложительный падеж также может выступать в роли оформителя частичного прямого дополнения: ярсамс умарьде 'поесть ягод, яблок' (Аристе 1953 : 299). И в венгерском языке в партитивном значении употребителен элатив: *evett a vyzóloból* 'он ел виноград' (Майтинская 1955 : 138).

Когда-то партитивный прямой объект мыслился конкретно как отделение части от общего, т. к. отношение части к целому в коми языке выражается при помощи исходного падежа, то имелась возможность употребления падежа также в конструкциях, содержащих прямой объект (Гуляев 1961 : 93). Эта возможность не превратилась в действительность в большинстве коми диалектов. Но наличие партитивной семантики элатива у ряда существительных, сочетающихся с некоторыми глаголами, дает возможность стилистического их использования.

Существительным в инструментале обычно обозначаются орудия труда, с помощью которых совершается действие. В форме этого падежа употребляются названия домашних животных, напр. *velen gerpi* 'пахать на лошади', досл. 'пахать лошадь', *sheken ovni* 'содержать корову', досл. 'жить, имея корову'. Существительные, обозначающие людей, выступающих в роли соучастников действия, совершаемого субъектом, обычно принимают форму комитатива: Бур батькбд-мамкбд олбм Оз некор менам вун (Лебедев 1977 : 18) 'Жизнь с хорошими родителями никогда я не забуду'. Одним из признаков выделения категории одушевленности-неодушевленности существительных коми языка является преимущественное употребление их в комитативе (одушевленных) и в инструментале (неодушевленных) (Карманова 1981 : 38).

Для стилистического подчеркивания близости к человеку домашних животных, которые являются верными друзьями человека в суровых условиях северной природы, в просторечии и в стиле художественной литературы названия домашних животных принимают форму комитатива, вместо инструментала: Кыкбд понкбд, муса другкбд, сёрнитан да ноксян (Тима Вень 1979 : 31) 'Вдвоем с собакой, верным другом, говоришь и хлопочешь'.

При подчеркивании тесной связи между человеком и природой названия природных объектов также могут стоять в форме комитатива: Локтас Кельчипи Тарас, кодI олб юкбд, тыкбд, Куль моз (Куратов 1979 : 116) 'Придет Тарас, Сын Плотвы,

Который живет, подобно водяному, у реки, у озера', досл. с рекой, с озером. В этом случае стилистически нейтральной формой были бы существительные с послелогом в инессиве: ю дорын, ты дорын 'у реки, у озера' или с послелогом помись 'с помощью, благодаря' (кормится благодаря реке, озеру). Но формы неодушевленных существительных в комитативе здесь играют стилистическую роль: с их помощью автор кратко и предельно экспрессивно раскрывает смысл существования рыбака. При олицетворениях использование неодушевленных существительных в комитативе является стилистическим приемом поэтизации речи: И кыакбд вензб Печоралбн мич, Кор веркбсмс чу-кбртас берегмсь би (Юшков 1983 : 20) 'И с зарей спорит красота Печоры, когда ее поверхность соберет прибрежные огни'. Стилистически нейтральной была бы фраза: Печоралбн мичмс кналбн кодь жб 'Красота Печоры под стать заре'. Выразительной мысль получается от использования неодушевленного существительного в непривычной падежной форме: вечерняя зоря, соперница реки, в комитативе выступает как существо живое, активно действующее на наше воображение.

Для обозначения предела действия или состояния предмета существительное обычно ставится в форме терминатива: tas-tiis dorežis tir 'тарелка до краев полна'. Для выражения субъективного отношения к происходящему могут быть использованы и другие падежи: сочетание элатива и иллатива: doris dore kistinī 'налить до предела, досл. 'из одного края в другой' или сочетанием комитатива с наречием šeš 'вместе': dorisked šeš kistinī - иж. 'налить вровень с краями', досл. вместе с краем. Эти формы выразительны: в них явно чувствуется оценка действия.

В синонимических отношениях находятся послеложные и беспослеложные формы инессива, элатива, иллатива. По сравнению с беспослеложными, имеющими стилистически нейтральное значение, конструкции с послелогом имеют более экспрессивный характер. Сравните: limjin vorsni 'играть в снегу' и rije lim pičkin piris kerka - иж. 'мой сын вошел в дом весь в снегу', досл. внутри снега вошел в дом. В первом случае для бесстрастного сообщения о том, где происходила игра, употреблена форма инессива слова lim 'снег', а во втором - для выражения чувства возмущения используется послеложная конструкция lim pičkin 'внутри снега', чтоб подчеркнуть, что мальчик на себе в дом занес много снега.

При обозначении внутриместных отношений существитель-

ные могут сочетаться с синонимичными послелогоми *vilin* и *jilın* 'на, наверху'. Послелог *jilın* досл. 'на конце' с существительным *kok* 'нога' употребляется для обозначения способности ходить: *kok jile suvtni* 'стать на ноги', *kok jiv* 'на ногах', т. е. полноценен, здоров, *kok jilis uşni* 'свалиться от усталости', досл. упасть с ног, *kok jilas oz eşji* 'на ногах не держится'. Послелог *vilın* 'на' с этим существительным сочетается только при обозначении другого предмета на ноге: *kok vilas iz* 'камень на ноге (лечит)'

Во фразеологизмах послелог *jilın* обычно указывает на состояние подвижности человека: *ki jii kok jii sojışni* - иж. 'поесть торопливо, на ходу', досл. поесть на кончиках рук и ног. Форма существительного *ki* 'рука' в инессиве без послелога является в стилистическом отношении нейтральной: *kiin* 'в руке', а с послелогом *jilın* имеет стилистическую окраску: проявлять к кому-нибудь симпатию, расположение: *ki jilın ved'itni* 'носить на руках', досл. на кончиках рук. В устойчивом сочетании *ki jiisen verni* иж. 'работать лениво', досл. работать кончиками рук, послелог в форме инструментала *jiisen* 'кончиком' придает выражению пренебрежительный оттенок. А для подчеркивания тяжести физического труда, выполняемого вручную, существительное сочетается с послелогом *romis* 'из конца': *ki romis izni* 'молоть хлеб вручную', досл. из конца руки, *zir romis kinemte verdni* 'зарабатывать на хлеб, работая лопатой', досл. из конца лопаты кормить живот. В приведенных случаях синонимы *jiv* 'конец' и *rom* 'конец', выступая в роли послелогов, имеют четкие стилистические различия. При обозначении внутриместных отношений послелог *vilın* 'на' в сочетании с существительным *ki* 'рука' дает сочетанию оттенок чувства ответственности за что-либо: *me ki vilam komin celad* 'я отвечаю за судьбу 30 детей'.

Существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса *-em-* при сочетании с временными послелогоми *misti*, *mist* 'через, спустя, после' могут выступать без суффикса, принимая только форму корня слова: *kilem misti*, но *kivmist* 'услышав', досл. после услышания, *loktem misti*, но *lokmist* 'придя, после прихода', *i bernas nedir ov misti korke silen getirlen ruşku kutis bidmini* - вим. 'И затем, спустя некоторое время (досл. после недолгой жизни) у его жены начал расти живот'.

Стилистически нейтральной формой является сочетание отглагольного существительного с суффиксом -еш- и послелога: *olem misti* 'пожив (после того, как пожили)'. Форма *ov misti* является более экономной, она подчеркивает быстрое протекание действия. Эта особенность характерна для просторечья и стиля художественной литературы. Стяженные отглагольные существительные с послелогом активно использовал в своих произведениях И. Куратов для создания выразительных образов: *Кыдзи петмысть вичко шрѣ ВывтІ равзѣ дяк-апостол* (Куратов 1979 : 83) 'Как выйдя (досл. после выхода) посередь церкви рвет глотку дяк-апостол'.

Архаические формы имен существительных, бытующие лишь в произведениях устной народной поэзии (плачах, причитаниях, величальных песнях) как обычно употребляются в одном каком-то падеже и придают речи особую торжественность: *tii jii bord jii kirešcitemes na seladid* иж. 'дети твои еще не стали на ноги', досл. не поднялись на перья, на крылья. Существительное *tii* < *til* в значении 'перо' в повседневной коми речи неупотребительно, сохранилось лишь в фольклоре, в застывшей падежной форме. В родственных языках ему имеются параллели: удм. *тыл* 'перо', *тылобурдо* 'птица', венг. *toll* 'перо' (КЭСКИ), *jeze aje in petkedli nikodes* - иж. 'не говорила о семейных неприятностях соседям', досл. не выставляла никого из семьи перед людьми. В нейтральном стиле здесь бы соответствовало *jez šortii vile* 'на людские пересуды' с использованием послеложной конструкции в иллативе. В поэтически приподнятой речи использован архаизм *aje* 'перед', в форме вступительного падежа. Он встречается лишь в этом сочетании, ему соответствует удмуртское *аз* 'перед, передняя часть' (УРС 1983 : II).

Тавтологическое использование иллативных форм стоящих рядом существительных, из которых одно является архаизмом, усиливает экспрессию.

Падежные формы коми имен существительных могут передавать тонкие стилистические различия в зависимости от того, образуются ли они от одушевленных или неодушевленных имен, сочетаются ли с послелогом или нет. Использование в произведениях устного народного творчества архаизмов в косвенных падежах придает речи особую торжественность.

С о к р а щ е н и я д и а л е к т о в к о м и я з ы к а

вм. - вмский, иж. - ижемский

Л и т е р а т у р а

А р и с т э, П. 1953, Примечания к книге Л. Хакулине-на "Развитие и структура финского языка", Москва. Валмет - А. В а л м е т, Э. У у с п ы л д, Э. Т у р у, 1981, Учебник эстонского языка, Таллин. Гуляев Е. С., С-овые падежные суффиксы в коми языке/в сравнительно-историческом освещении), канд. дис., Сыктывкар. КЭСК - Лыткин В. И., Гуляев Е. С., 1970, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва. Карманова А. Н., 1981, Морфология современного коми языка, учебное пособие для студентов, Пермский университет. Куратов И. А., Менам муза, Сыктывкар, 1979. Лебедев - Лебедев М. Н. Ббрийм гижбъяс, Сыктывкар, 1971. Майтинская К. Е., Венгерский язык, ч. I, Москва. СКН - Современный коми язык, учебник для вузов, под редакцией проф. В. И. Лыткина, 1957. УРС - Удмуртско-русский словарь, под редакцией В.М. Вахрушева, Москва, 1983. Ишков - Юшков Г. А. Кывбуръяс, Сыктывкар, 1983. Доронин - Доронин П. Г. Фольклор народа коми, Архангельск, 1938.

Jevgeni I g u š e v
(Syktyvkar)

DIE STILISTIK DER KASUSFORMEN IN DER KOMI SPRACHE Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Kasusformen der Komi Sprache werden in stilistischer Hinsicht scharf differenziert z. B. das Wort kiin 'in der Hand' in der Inessivform ist stilistisch neutral. Dasselbe Wort mit der Postposition vlijn "auf" bekommt schon eine besondere stilistische Schattierung: verantwortlich sein für ... Das erwähnte Wort mit der Postposition pojıs "vom Ende" in der Elativform zeugt von der schweren physischen Arbeit: z. B. ki pojıs izni "mit der Hand mahlen", buchstäblich: aus der Spitze der Hand mahlen.

Ли́лия Ки́рпу
(Петрозаводск)

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ МАРКОВСКОГО
ГОВОРА ФИНСКОГО ЯЗЫКА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

На протяжении нескольких столетий на территории Ленинградской области в Ингерманландии проживают родственные прибалтийско-финские народности: воль, ижора и финны (ингерманландцы).

Выделение среди ингерманландских финнов двух основных групп эвремейсов (*äugämöiset*) и савакотов (*savakot*), пришедших из восточной Финляндии, было обнаружено А. М. Шегреном (*Sjögren 1861 : 544*). Эвремейсы пришли из прихода Эвряпяя (*Äugärpää*), откуда и пошло их название. Рассеялись они вдоль южного берега Финского залива от устья Невы до устья реки Коваши (*Nevaha*). А предки савакотов переселились на территорию современной Ленинградской области из прихода Саво и обосновались к югу и юго-востоку от эвремейсов. Савакоты жили на обширной территории, которая в настоящее время входит в состав Гатчинского, Волосовского и Всеволожского районов.

В свою очередь, обе эти большие группировки финнов, как известно, первоначально входили в состав карельского племени, т. е. их предки, по всей вероятности, были присаименскими и привыборгскими карелами, которые в XI-XII вв. переселились из Приладожья на территорию Финляндии и участвовали в формировании финской народности (*Лаанест 1966 : II, Н. Шлыгина 1964 : 312*). Отсюда некоторые яркие особенности, выделяющие их говор на фоне других финских говоров. А носителей марковского говора, например, жители деревни Старая мельница (*vanha müllü*) до сих пор называют карелами.

Марковский же говор входит в группу савакотских говоров, относящихся к восточным ингерманландским говорам, в общей сложности на территории Ленинградской области насчитывается более двадцати финских (савакотских и эвремейских) говоров.

Марковский говор до сих пор не был предметом специальных научных исследований. Целью данной статьи является выявление некоторых специфических черт, отличающих его от ос-

тальных финских говоров Ленинградской области.

Данные марковского говора мы попытались сопоставить с другими финскими савакотскими говорами Ленинградской области, в частности, с колтушским и павловским, материал по которым был собран в процессе работы над Лингвистическим Атласом Европы.

При сравнении лексического материала по указанным говорам обращает на себя внимание то, что в ряде двусложных лексем в конце первого слога перед взрывантом *g* и латеральным *l* в марковском говоре во всех подобных случаях встречается взрывной звук *k* (*kakra* 'овес', *шүккrä* 'крот', *паккуа* 'смеяться', *kakla* 'шея', *kaklus* 'воротник', *niekla* 'решето', *пиакла* 'гвоздь', *niekla* 'иголка', *niekli-jäine* 'оса', *eklep* 'вчера'), в то время как в литературном финском языке вместо него употребляется гласный звук (*kauga*, *шуугä*, *пакгаа*, *kaula*, *kaulus*, *seula* и т. д. см. табл. I). В колтушском же говоре зафиксировано всего две лексемы (*пәмшүккrä* и *ekle*), а в павловском — только одна (*шүккrä*), в остальных словах на месте взрывного *k* в этих двух говорах стоит гласный звук, как и в финском литературном языке.

Здесь следует отметить, что лексемы с сочетаниями *kl* и *kr* широко представлены и в других прибалтийско-финских языках, например, в ижорском, во всех диалектах карельского и вепского языков.

Помимо *k*, в этой же позиции во всех трех рассматриваемых говорах встречаются взрывные *p* и *t*: *säplä* 'сковородник', *höplä* 'слабый', *корпа* 'горсть', *атра* 'соха', *отра* 'ячмень', *путро* 'каша', *katras* 'стадо (овец)', *tetri* 'тетерев', *кетрääjä* 'пряжа', *кетрätti* 'пряли', *кетрос* 'щиколотка (кость)', а также слова *туррутtä* 'метет (о снеге)' и *ротра* 'красивый'. В литературном финском языке в большинстве случаев этим согласным соответствует гласный *u* (*kouga*, *aura*, *пууго*), или же употребляется сочетание *hr* (*ohra*, *кеһрääjä*, *кеһрättii*), кроме трех слов — *туррутtaa*, *katras* и *ротра* (см. табл. 2).

Наличие *kl*, *kr*, *pl*, *pr* и *tr* сочетаний в марковском говоре свидетельствует о том, что он наиболее полно вобрал в себя и сохранил эту характерную для савакотских говоров Финляндии черту.

Привлекает внимание еще одно фонетическое явление савакотского диалекта, а именно: переход долгих гласных \bar{a} , $\bar{ä}$

в дифтонги: $\bar{a} > oa$, ua ; $\bar{a} > ea$, ia (Kettunen 1930 : II2, Itkonen 1983 : I95). Дифтонгизация долгих гласных наблюдается как в марковском, так и в колтушском и павловском говорах, но представлена она в них по-разному, в следующих случаях:

1. в односложных словах: *maa* 'земля', *piä* 'голова' (колт. и павл. - *maa*, *piä*, лит. - *maa*, *paā* см. табл. 3).

2. в непервых слогах многосложных слов:

а) в партитиве единственного числа: *käuti ottamas katabua* 'ходили за жемчужником', *kūlvetti kakrua* 'сеяли овес', *keträtti lankea* 'пряли шерсть', *kolme kertua kruasittii* 'красили три раза' (колт., павл. и лит. - *katajä*, *kaurā*, *lankā*, *kertā*, см. табл. 3).

б) в 3. лице единственного и множественного числа: *hiä laulua* 'он (она) поет', *ottua* 'он (она) берет', *ruatua* 'он (она) работает', *antua* 'он (она) дает'; *hüö laulvat* 'они поют', *hüö ottuat* 'они берут', *hüö ruatvat* 'они работают', *hüö antvat* 'они дают'. На месте дифтонгов в колтушском и павловском говорах представлены долгие гласные: *hiä laulā*, *ottā*, *ruatā*, *antā*; *hüö laulāt*, *ottāt*, *ruatāt*, *antāt* (лит. *hän laulaa*, *ottaa*, *antaa*; *he laulavat*, *ottavat*, *antavat*, см. табл. 4).

Как свидетельствуют примеры, дифтонгизация долгого гласного произошла во всех говорах только в односложных словах. В непервых же слогах многосложных слов в колтушском и павловском говорах, как и в литературном финском языке, сохранились долгие гласные, в отличие от марковского, где они дифтонгизировались.

Характерной чертой всех савакотских говоров, в том числе колтушского, павловского и марковского, является выпадение конечного гласного в двухсложных словах, т. е. явление апокопы, сопровождающейся палатализацией предшествующего согласного, например: *ves* 'вода', *mes* 'мед', *käs* 'рука', *un* 'сон', *tul* 'огонь', *män* 'он ушел'. Ср. фин. лит. *vesi*, *mesi*, *käsi*, *tuli*.

Таким образом, во всех трех рассматриваемых говорах финского языка сохранились некоторые черты савакотского диалекта, но наиболее полно они представлены именно в марковском говоре. Возможно, консервации этих древних черт в марковском говоре способствовало его особое географическое положение, т. е. то, что он является самым восточным и самым обособленным финским говором Ленинградской области, в то время как колтушский и павловский говоры, находясь в окружении других финских говоров, могли испытать с их стороны определенное влияние.

Т а б л и ц а I

kl- и kr - сочетания

лит. финск. язык	марк.	колт.	павл.
кауга 'овес'	какра	кауга	кауга
мууга 'крот'	мүкра	мамүкра	мүкра
паугаа 'смеяться'	пакруа	паурā	паурā
каула 'шея'	какла	каула	каула
каулус 'воротник'	каklus	каулус	каулус
паула 'гвоздь'	пуакла	паула	паула
сеула 'решето'	сиекла	сеула	сеула
неула 'иголка'	ниекла	неула	неула
ейлен 'вчера'	еклен	екле	ейлен
- 'оса'	диеклијäinen	неулијaine	неулијaine

pl, pr- и tr - сочетания

лит. финск. язык	марк.	колт.	павл.
-	säplä	säplä	säplä
'ручка для снятия скво- роды с огня'			
-	höplä	höplä	höpliä
'слабый'			
kouga	kopra	kopra	kopra
'горсть'			
tupruttaa	tupruttä	tupruttä	tupruttä
'метет (о снеге)'			
auga	atra	atra	atra
'соха'			
ohra	otra	otra	otra
'ячмень'			
katras	katras	-	-
'стадо (овец)'			
teeri	tetri	tetri	tetri
'тетерев'			
potra	potra	-	-
'бодрый'			
kehrääjä	kehräjä	kehräjä	kehräjä
'пряжа'			
kehrättii	keträtti	keträtti	keträtti
'пряли'			
ketros	ketros	ketros	ketros
'шкелотка (кость)'			

Т а б л и ц а 3

Дифтонгизация долгих гласных

лит.	maa	raa	katajaa	kauraa	lankaa	kertaa
финск. язык	'земля'	'голова'	'можевель- ника'	'овса'	'ниток шерсти'	'паза'
марк.	mua	riä	katajua	kakrua	lan̄kua	kertua
колт.	mua	riā	katajā	kaurā	lan̄kā	kertā
павл.	mua	riā	katajā	kaurā	lan̄kā	kertā

Т а б л и ц а 4

Дифтонгизация долгих гласных в 3. лице ед. и мн. числа

лит.	3 л. ед. ч.	laulaa	ottaa	-	antaa
финск. язык	3 л. мн. ч.	laulavat	ottavat	-	antavat
марк.	3 л. ед. ч.	laulua	ottua	ruatua	antua
	3 л. мн. ч.	lauluat	ottuat	ruatuat	antuat
колт.	3 л. ед. ч.	laulā	ottā	ruatā	antā
	3 л. мн. ч.	laulāt	ottāt	ruatāt	antāt
павл.	3 л. ед. ч.	laulā	ottā	ruatā	antā
	3 л. мн. ч.	laulāt	ottāt	ruatāt	antāt

Выпадение конечного гласного в двусложных словах

лит.	vesi	mesi	kāsi	uni	tuli
финск. язык	'вода'	'мед'	'рука'	'сон'	'огонь'
марк.	ves	mes	kās	un	tul
колт.	ves	mes	kās	un	tul
павл.	ves	mes	kās	un	tul

С о к р а щ е н и я

лит. финск. язык - литературный финский язык; марк. - марковский говор; колт. - колтушский говор; павл. - павловский говор.

Л и т е р а т у р а

Лаанест А. 1966, Ижорские диалекты.
Шлыгина Н. 1964, Водь, ижора и ленинградские финны.
- Народы европейской части СССР. II.
I t k o n e n Т. 1983, Välikatsaus suomen juuriin. -
Virittäjä, vihko 2, 3. K e t t u n e n L. 1930, Suomen murteet. II. Murrealueet, Helsinki. S j ö g r e n А. J. 1861,
Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland.
Gesammelte Schriften 1.

Lilia K i r p u
(Petrozavodsk)

ÜBER EINIGE PHONETISCHE BESONDERHEITEN DER FINNISCHEN MARKOVO-MUNDART DES LENINGRADER GEBIETS

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Markovo-Mundart gehört zu den östlichen finnischen Mundarten des Leningrader Gebiets.

Bis jetzt war sie überhaupt außer acht gelassen, aber diese Mundart hat einige Besonderheiten, durch die sie sich von anderen finnischen Mundarten des Leningrader Gebiets unterscheidet:

- 1) eine vollere Erhaltung kl, kr, pl, pr, tr in zweisilbigen Wörtern (kakla 'Halz', kakra 'Hafer');
- 2) Diphthongisierung \bar{a} , $\bar{ä}$ nicht nur in der ersten, sondern auch in der nicht ersten Silbe (mua 'Erde', piä 'Kopf', (hiä) laulua 'sie singt', (hiä) ruatua 'sie arbeitet').

Тийт К у к к
(Тарту)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НАРЕЧИЙ ПО АНАЛОГИИ
В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

Под словообразованием по аналогии здесь понимаются два вида явлений: 1) образование наречий на базе связанных наречных основ и свободных наречий при помощи формообразующих суффиксов имен; 2) образование наречий на базе глагольных и именных основ при помощи формообразующих суффиксов (= падежных окончаний). В обоих случаях производные формально соответствуют падежным формам, но они не являются членами регулярной парадигмы. Образование наречий осуществляется лишь по аналогии с парадигматическими формами. В настоящей статье рассматривается первый способ словообразования по аналогии, т. е. словообразование наречий на базе связанных наречных основ и свободных наречий.

В последующем анализе мы исходим из чисто синхронной точки зрения. Предполагается, что в языке функционируют связанные наречные основы, которые участвуют как в словообразовании наречий, так и в словосложении имен в качестве определительной части сложного слова, напр., В Т *alagoga* 'склон', *ülägora* 'вершина', где *ala-* и *ülä-* являются связанными наречными основами, *gora* = S 'гора'. Наличие таких наречий, соответствующих падежным формам (в эту же группу включают и наречия, возникшие путем семантического отрыва имен от формообразовательной парадигмы), дало повод утверждать, что в финно-угорских языках наречия склоняются (напр., Villur 1969 : 9). В традиционной диахронной трактовке все такие наречия считаются окаменевшими падежными формами (напр., Veski 1982 : 6-).

Многие исследователи указывали, что классифицировать основы на свободные и связанные проблематично (см. напр., Koski 1982 : 26). Правда, в соседних говорах/диалектах одна и та же основа может быть как свободной, так и связанной (ср. *eri-* в южнокарельских периферийных говорах и *eri* в говоре Суоярви). В последующем изложении будем исходить из

этого, как выступает основа в **южнокарельских периферийных** говорах.

У связанной наречной основы отсутствует свободный кор-
релят как среди наречий, так и среди членов других классов
слов. Это основа, которая участвует только в словообразова-
нии наречий. Притом участие таких основ в словообразовании
наречий активно: они принимают участие - в нескольких своих
алломорфах - как в морфемном словообразовании, так и в сло-
вообразовании по аналогии. Ниже будет дан перечень связан-
ных основ, на каждую из которых приводится соответствующий
пример. Первым приводится алломорф, наиболее активно участ-
вующий в словообразовании наречий. Алломорфы, отличающиеся
только супрасегментными признаками (палатальная гармония
или гармония гласных), не приводятся.

ala- ~ alaha- ~ ale- ~ ali- ~ aloi- ~ ala-
hua- ~ alohua- ~ al- ~ jal- : В alahakši 'вниз'.

aivi- ~ aiva- ~ aive- ~ aivo- : В aiviš 'всё'.

ammu- : В ammuin 'давно'.

edä- ~ edähä- ~ ede- ~ ie- ~ eten- ~ ezi-
esi- : В ieññeh 'вперед'.

egle- : В eglein 'вчера'.

anne- : В eññein 'раньше'.

jušti- : juštih 'только что'.

järe- ~ järie- ~ järi- ~ däri- ~ därgi- : В
järeññäh 'назад'.

kalle- : С kallel 'наклонно'.

figi- : С figiññah 'бок о бок, рядом'.

loito- ~ loitto- : С loitoz 'далеко'.

lähe- ~ lä- ~ lähi- ~ lähie- : Вл lästä 'с близ-
кого расстояния'.

muine- : По muinen 'раньше; в старину'.

mullo- : В mulloin 'в прошлом году'.

ñügü- : Т ñügün 'теперь'.

piššü- pištü- ~ pištüö- ~ püštüö- : Т piššüññi
'стоя, стоймя'.

poi- : В poiš 'прочь'.

širi- : В širiññi 'мимо'. Данную основу связывали со
словом *sürjä 'край' (см. Stoebeke 1968 : 131-132, 268).

taga- ~ tagja- ~ tagoa- ~ tavu-ää- : В tagjana
'позади'.

ulo- В ullo- : В uloš 'вон; на двор'.

va- : В vain 'только'.

väg- : Т *vägäijä* 'очень много'.

äkkie- : Т *äkkieh* 'быстро; круто'.

ässe- : Т *ässen* 'даже'.

По всей вероятности, основанием для возникновения связанных наречных основ в большинстве случаев является абстрагирование (абстракция значения имен с конкретным значением). В любом случае мы имеем дело с весьма древними основами, большинство которых восходит к финно-угорскому (уральскому) праязыку. В той форме, в которой они выступают в современных языках, об отрыве от соответствующей парадигмы имен **ala* или **ete* не может быть и речи (кар. *alah*, *alahakši* 'вниз', *iesää* 'вперед'; фин. *alla* 'внизу', *alle* 'вниз', *edessä* 'вперед'; эст. *alla* 'вниз', *all* 'внизу', *ees* 'вперед' и т. д.). Скорее всего развитие таких основ происходило параллельно с развитием падежной системы соответствующего (пра)языка, при этом система подобных наречных основ сама служила основой развития падежной системы или, наоборот, система наречных основ непрерывно приспосабливалась к развитию падежной системы. Предпочсть ту или иную возможность трудно, так как убедительные доказательства едва ли могут быть приведены.

2. Словообразовательные типы

Ниже приводятся соответствующие наречия, сгруппированные по падежам; (1) — первичные, т. е. образовавшиеся на базе связанных наречных основ, (2) — вторичные, т. е. образовавшиеся на базе свободных наречий. Транскрипционные системы разных источников унифицированы (о принципах см. Куку 1987 : 4—5). Примеры приводятся в следующей последовательности: 1) южнокарельские периферийные говоры, 2) собственно южнокарельские говоры, 3) северокарельские говоры, 4) ливвиковские говоры.

2.1. Партитивные

Напр., Т *alahada* ~ Тх *alahuada* (KKS I 33) 'снизу'; ед^н*ähädä* (OKP I08, KKN I 116) ~ Вл *edähöädä* (KVM 129) ~ Кл *etähöä* (KKS I 136) 'издали'; Т *üfähdä* (OKP I35) 'сверху'; Вл *tagöada* (KVM 121) 'сзади'; Вн *loittuota* (KKS III I46) 'издали'.

Все производные данного типа относятся к наречиям ориентации. В весьегонском говоре наречия данного типа отсутствуют, в таком же значении выступают наречия типа D- + {*nda*}, напр., *alahanda* (Дю) ~ *alahianda* (КМ) 'сни-

зу', edāhāndā (Дю) 'издали, издалека', tagianda (Ча) 'сзади'.

2.2. Иллативные

Напр., (1) В Т Тх alah (Дю; ОКР 48; ККН I 124 ~ Т alahah (СКГ) 'вниз'; В Т Тх edāh (Фе; ОКР 53; ОКРТ 26) ~ Т edāāh (ТГ 246) 'далеко (куда?)'; В tagiah (Дю) ~ В тТ taguah (Тн; ОКР I48) 'назад; обратно'; В Т Тх ūlāh (Фе; ОКР 48; ККН I 124) 'вверх'; ūnāh (Фе; ОКР 46; ТГ 24I) 'полностью; совсем; Т äkkieh (СКГ) 'быстро; круто'; Т piśfūh (СКГ) ~ Тх piśtūōh (ККН I) ~ К piśtūh (ККСК) 'стоя, стоимя(куда?)'; С ezih (ККС I 130) 'вперед'; ВН juštih (ККС I 539) 'как раз'. (2) В Т vaštah (Дю; СКГ) 'против; напротив' ← vašta 'только что'; Тх äijiāh (ККН I 123) 'много' ← äijä (+ ä > iā) id; С erih (ККС I 126) 'отдельно' ← eri id; eāreh (ККС I 139) 'прочь' ← eāre id.

Иллативные наречия, образовавшиеся по аналогии, относятся в основном к наречиям ориентации, но есть и отдельные наречия образа действия (ūnāh), положения (piśfūh) и времени (juštih).

2.3. Инессивные

Напр., (1) В Т ieśśā (Дю; ОКР 62) 'впереди'; В Т Тн iāśśā (Фе; ОКР 6I; ККС III 232) 'вблизи'; Т piśfūśśā (СКГ) ~ Тх piśtūōśśā (ОКРТ 98) 'стоя, стоимя; торчком'. (2) В Вн iīmīssā (Фе; ККС I 439) 'наяву': fāmā ofi iīmīssā (Фе) 'это было наяву' ← ilmi 'вперед, на первый план'; В Т vaššāššā (Ул; ОКР 65) 'напротив' ← vašta 'только что'.

Производные инессивной формы относятся к наречиям ориентации и положения. Вторичные производные в этом типе, как и в предыдущем, в основном сохраняют свою первоначальную семантику. Лишь в редких случаях она меняется (vaštah и vaššāššā).

2.4. Элативные

Напр., (1) В ieštā (Ча) 'спереди'; В iāštā (Ча) ~ Вл lāštā (КВМ 132) 'поблизости (откуда?)'.

(2) На базе инессивного iāśśā образовалось В iāśśāštā = iāštā : ottaw iāśśāštā (Ул) 'берег близости'.

Все производные данного типа - наречия ориентации.

2.5. Аллативные/адессивные

Напр., (1) В ialla (Ча) ~ Т Тх alla (ККС I 43; ОКРТ I37) 'вниз; внизу'; В Т Тх iellā (Ча; ОКР I2; ОКРТ 20) 'раньше; в старину'; Т iāhiffā (ОКР I25) ~ Тн iāheiffā (ККС III 2I2) 'вблизи'; С kallel (ККС II 33) 'наклонно'.

(2) В Т Тх кералла (Фе; ОКР I60; ОКРТ 8I) 'вместе; с собой' ← кера 'собой' (кера употребляется обычно в функции послелога, но на базе его образовались наречные дериваты; о происхождении данной лексемы см. Kettunen 1922).

Первичные наречия являются наречиями ориентации, вторичные относятся к числу наречий состояния и положения.

2.6. Аблативные

Напр., В *jalda* (Ул) 'снизу', Т *alahualda* (KKS I 33) id. Оба производных - наречия ориентации. Диахронически форму *jalda* можно интерпретировать как форму партитива (*jal-da*). Синхронно функционируют в качестве производящих основ *ja-* и *alahua-*.

2.7. Транслативные

Напр., В *edāhākši* (Дю) 'далеко (куда?)'; Т *alahakši* (KKS I 33) 'вниз'; *ūfāhākši* (ОКР 48) 'вверх'; Д *tavukš* (ОКР I86) 'назад'; Кс *loitokše* (KKS III I44) 'далеко (куда?)'. Все производные относятся к наречиям ориентации.

2.8. Эссивные

Напр., (I) В *alahjana* (Ул) 'внизу' ~ В Т *alahana* (Дю; KKS I 33) id; В *edāhiänä* (КМ) 'далеко (где?)' ~ В Т Тх *edāhāna* (Дю; ОКР I20; ОКРТ I7) id; Вл *edāhōänä* (КМ 90) id; В *tagjana* (Ча) 'сзади'; В Тх *ūfāhānä* (Дю; ОКРТ 89) ~ В *ūfāhiänä* (КМ) 'наверху'; По *loittuona* (KKS III I46) 'далеко (где?)'.

(2) Вл Тх *nūttenä* (КМ 86; ОКРТ I38) 'теперь' (ср. В *nūften* id) ← *nūt* id; Вл *toašena* (КМ 89) 'опять, вновь' (ср. В *tjašen* id) ← *tjaš* id.

Все производные, образовавшиеся на базе связанных наречных основ, относятся к наречиям ориентации, вторичные производные - к темпоральным наречиям. В формах *nūften* и *tjašen* по всей вероятности, конечный гласный выпал.

2.9. Пролативные

Напр., (I) В *laščī* (Дю) 'низом'; *alaháčī* (КМ) id; В Т Вл Тх *šīriščī* (Ча; ОКР I50; КМ 91; ОКРТ 29) 'мимо'; В Т Тх *ūfīčī* (Ча; СКГ; ОКРТ I58) 'верхом, через верх' / Лив *fāhāčī* (СЛД) 'в близости'.

(2) Т *āijiščī* (СКГ) 'множественно' / Лив *loitōčī* (СЛД) 'далеко, в отдалении'; *piāfīčī* (СЛД) 'сверху'.

Первичные производные по аналогии относятся к наречиям ориентации, также и вторичные, в виде исключения наречие *āijiščī* имеет семантику образа действия.

2.10. Инструктивные

В наречной системе карельского языка функционирует большое количество наречий на -n, часть которых является бывшими эссивными формами с выпадением конечного гласного (-na > -n). Все случаи указанных вариантов ниже отмечаются особо. Имеются и инструктивные формы с выпадением конечного -n (aivoin → aivoi).

Напр., (I) В Т Тх aivoin (Ча; СКГ; ОКРТ 109) ~ В aivoi (Ул) 'рано'; В С aivin (Ча; KKS I 2I) ~ Т aivīn (СКГ) ~ С aivan (KKS I 2I) 'только и'; В Т Вл äššēn (КМ; ОКР 131; КVM 200) 'даже'; В üfäähän (Дю) 'наверху' (ср. В Т üfäähänä id); В Вл Тх ammuin (Ча; КVM 10; ОКРТ 66) ~ В ammui (Дю) 'давно'; В Т eglein (Ча; СКГ) ~ В egfēn (Дю) ~ Тх eglei (ОКРТ 298) 'вчера'; В eññēin (Ул) 'раньше'; В Т mulloin (Ча; СКГ) 'в прошлом году'; Т nügūn (ОКР 183) 'теперь'; По muñēn (KKS III 353) 'раньше; в старину'.

(2) В Т Тх nüffēn (Дю; ОКР 48; ОКРТ 82) 'сейчас, теперь' (ср. В Т nüttenä id) ← nüt id; В Тх poišēn (Ул; ОКРТ 44) 'прочь, вон' ← poiš id; В Тх tiašēn (Дю) ~ Т tuašēn (ОКР 163) 'опять' ← tiaš ~ tuaš id; В тiännoin (Ча) ~ tuännoin (Тн) 'тогда, в тот раз' ← тianne ~ tuanne (+ e > ö) 'туда'; В Вл vīkoin (Ча; КVM 70) 'долго' ← vīkko (+ сл. ст.) id; Т vīkkoloin (СКГ) id; Т vāhīn (СКГ) 'мало-помалу' ← vāhā 'немного, чуть-чуть, мало'.

Инструктивные наречия относятся к наречиям ориентации, а также к темпоральным и модальным наречиям. Среди вторичных наречий имеются темпоральные и модальные наречия. Значение производящей основы после присоединения суффикса не изменилось, кроме случая тianne → тiännoin (наречие ориентации → темпоральное наречие). Ср. пару vīkoin ~ vīkkoloin; во втором случае наречие имеет форму множественного числа более позднего возникновения (-loi).

3. Выводы

Все наречия, мотивированные связанными наречными основами или свободными наречиями, лексикализованы, так как они являются единственными по своей форме. Активнее других падежей образуют наречия иллатив, эсвив и инструктив. Их активность подтверждается также т. н. вторичным словообразованием по аналогии, т. е. присоединением соответствующих падежных суффиксов к свободным наречиям. Число наречий, образованных на базе наречных основ по аналогии, невелико, но их удельный вес в наречной системе заметен, так как в эту

группу относятся часто употребляемые наречия ориентации (jalla, ieššä, lähiffä и т. д.), наречия положения (pišfuh, pištüssä и т. д.) и темпоральные наречия (nüttenä, toašena, äkkieh и т. д.).

Для вторичного словообразования по аналогии характерна то, что производящая основа в процессе словообразования не приобретает нового значения, а присоединяющийся падежный суффикс лишь усиливает уже имеющееся значение. Изменение значения возможно лишь в редких случаях.

Большая часть связанных наречных основ связывается лишь одним падежным окончанием (напр., üññäh, äkkieh, juštih, kallel, äiričči, aivoin, aivin ~ aivîn). Производные на базе некоторых связанных наречных основ образуют словообразовательные парадигмы. Самыми продуктивными являются основы ala(ha)- и älä(hä)-. Приводим эти парадигмы.

ala- + (ha) +	-da	→ T alahada ~ alahuada
	-h	→ B T Tx alah ~ alahah
	-lla	→ B jalla ~ Tx alla
	-lda	→ T alahualda
	-kši	→ T alahakši
	-na	→ B alahjana ~ B T alahana
	-čči	→ B alačči ~ alahačči
ül(ä)- + (hä) +	-dä	→ T ülahädä
	-h	→ B T Tx ülah
	-kši	→ T ülahäkši
	-nä	→ B Tx ülahänä ~ B ülahiänä
	-či	→ B T Tx ülči

Менее продуктивны связанные наречные основы taga-, lähe-, edä- и pištü-. Свободные наречия связываются в основном с одним падежным окончанием, исключение составляет наречие äijä, которое является производящей основой двух наречий, образовавшихся по принципу аналогии - äijiäh и äijičči.

С о к р а щ е н и я и с и м в о л ы

Языки: кар. = карельский, фин. = финский, эст. = эстонский

Говоры и диалекты карельского языка (наименования расположены в порядке представления материала в статье): В = Везьегонск, Т = Толмачи, Вл = Валдай, Д = Дёржа, Тх = Тихвин, С = Суоярви, К = Корписельга, По = Поросозеро, Ро = Ругозеро, Тн = Тунгуда, Вн = Вокнаволок, Кл = Калевала, Кс = Кесьтенга / Лив = ливвиковский диалект

Наименования деревень, от жителей которых автором статьи записан материал по весьегонскому говору: Дю = Дюдиково, Ти = Тимошкино, Ул = Ульяника, Фе = Федово, Ча = Чамерово

Грамматические понятия: сл. ст. = слабая ступень

Символы: D- = связанная наречная основа, *S = имя существительное, Suf = специальный наречный суффикс

Источники языкового материала: КМ = Рукописные материалы К. В. Манжина (весьегонский говор) / Институт языка и литературы АН ЭССР, Таллин; ОКР = Макаров Г. Н., Образцы карельской речи. Калининские говоры, М.-Л., 1963; ОКРТ = Рягов В. Д., Образцы карельской речи (тихвинский говор собственно карельского диалекта), Л., 1980; СКГ = Картотека словаря калининских говоров карельского языка / Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Петрозаводск; СЛД = Макаров Г. Н., Карельский диалектологический словарь (рукопись) / Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Петрозаводск; ТГ = Рягов В. Д., Тихвинский говор карельского языка, Л., 1977; ККН I = Leskinen, E., Karjalan kielen näytteitä I (SKST 193), Helsinki, 1932; ККС I-III = Karjalan kielen sanakirja I-III (LSFU XVI 1-3), Helsinki, 1968-1983; ККСК = Karjalan kielen sanakirjan kokoelmat / Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki; КVM = Palmeos, P., Karjala Valdai murrak, Tallinn, 1962.

Л и т е р а т у р а

К у к к Т. Э. 1987, Словообразование наречий в карельском языке. Дис. канд. фил. наук. Тарту; K e t t u n e n, L. 1922, Suomen postpositionista *kerä, keralla* 'kanssa'. - Virittäjä : 104-105; K o s k i, M. 1982, Suomen johtopäätöksen morfologia (Fennistica 4), Turku; S t o e b k e, R. 1968, Die Verhältniswörter in den ostseefinnischen Sprachen (UAS 93), Bloomington; V e s k i, A. 1982, Eesti keele grammatika II. Kolmas vihik, Märtsina, Tartu; V i l l u p, A. 1969, Adverb eesti keeles, Tallinn.

Tiit K u k k
(Tartu)

ADVERBIDE ANALOOGIAMOODUSTUS KARJALA KEELES
R e s ü m e e

Artiklis analüüsitakse adverbide analoogiamoodustust. Sünkroonia tasandilt lähtudes funktsioneerib karjala keeles rida seotud adverbitüvesid (siin loendina esitatud 24), mis osalevad adverbimoodustuses (lisaks analoogiamoodustusele ka X + Suf-tüüpi morfeem moodustuses). Seotud adverbitüved (aga ka mõned vabad adverbid) liidavad enesega käändelõppe, mille tulemusel moodustuvad adverbid, mis oma formaaltunnuste poolest vastavad noomeni käändevormidele. Enim on illatiivi-, essiivi- ja instruktiivvormilisi analoogiaadverbe. Analoogiaadverbide hulk on suhteliselt väike, kuid nende osakaal kogu adverbisüsteemis on suur, sest siia kuuluvad sagedasti kasutatavad orientatsiooniadverbid (nt. jalla 'all', iešsää 'ees'), asendiadverbid (nt. pištün 'püsti', pištüssä 'püsti') ja temporaaladverbid (nt. nüttenä 'nüüd'). Osa seotud adverbitüvede baasil tekkinud tuletisi moodustavad sõnamoodustuslikke paradigmasid, eriti rohkearvulised on ala(ha)- ja ülä(hä)-tüve baasil tekkinud paradigmad.

Нина Лыскова
(Ленинград)

ПОДЛЕЖАЩЕЕ, ВЫРАЖЕННОЕ МЕСТОИМЕНИЕМ, В ОБСКО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ
(на материале северных диалектов хантыйского
и мансийского языков)

По характеру склонения местоимения обско-угорских языков распадаются на две неравные группы: личные и неличные. Личные местоимения имеют в своей парадигме склонения специальный падеж для выражения подлежащего — именительный (Nominativ). Неличные местоимения (лично-определятельные, определятельные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные, отрицательные) в качестве подлежащего используют основной падеж (Absolutiv) так же, как имя существительное.

Подлежащее, выраженное личным местоимением.

В функции подлежащего употребляются личные местоимения всех трех лиц и трех чисел в форме именительного падежа: хант. šalta luw χ̄ɔn ēwi nēŋa wusli (St. II, 162) 'Dann nahm er die Zarentochter zur Frau'; min iskijŋ pōtsajmən (Там же, 90) 'Wir sind erfroren!'; muj muj širŋ naŋ tāklen ūlti pit-luw? (Там же, 168) 'Wie sollen wir ohne dich leben!'; muj nin šək jotlōtŋ (Там же, 92) 'Warum spielt ihr [so] viel?'; манс. Am at vermilum! Naŋ tuleln (Ч., 22) 'Я не смогу! Ты занеси (его)'; taw an' wōrtōln-ut waltaŋke, wōr-ūj ališlaŋke at jali (К., 77) 'Er geht jetzt nicht mehr den Bären erlegen, Waldtieren nachjagen'; Men juwle at lawsumen (Р., 20) 'Мы (дв.) не ответили (дв.)'; Манрыг та порат тан сови потыртэгыт? (Ш. II, 44) 'Почему тогда они говорят неправду?'

В обско-угорских языках имеют применение определенно-личные предложения, в которых опущенное личное местоимение легко восстанавливается по форме сказуемого, выраженного финитной формой глагола изъявительного наклонения в I-м и 2-м лицах ед., дв. и мн. числа: хант. wek keša šitŋ an wertem (St. I, III) 'Больше так не сделаю (ero)'; pum tettəsəw, jōx jōxətsəw, teta jašta pitsəw (Там же, 82-83) 'Погрузили (мы) сено, приехали (мы) домой, сели (мы) есть'; manem

muj jam wērilisn? (St. II, 73) 'Was hast du mir Gutes gemacht?'; Сора, Музгарка, тэтотны тутыймын (Ал. II, 22) 'Скоро, Музгарка, продуктами будем снабжены (дв.)'; манс. ta nē akw piĵe nomil'um (К., 77) 'Ich kenne einen Sohn jener Frau'; mana wōtn mana ōwn ti, ' totwesən?'! (Там же, 77) 'Was für ein Wind, was für eine Flut hat dich hergetrieben?'; Колкан тармыл хуонгкве патэв (Кимл., 54) 'На полу будем спать'. Легко восстанавливаются личные местоимения 2-го лица ед., дв. и мн. числа, если сказуемое выражено глаголом повелительного наклонения: хант. роўтам рәнпа ра хон реўка тинеста мәнатм! (St. I, 90) 'Пожайте торговать с синовьями (моими) в другое царство'; мант ат севга! (Там же, 91) 'Не руби меня!'; Энматы сорашик, унтлтыйтаты ямашик! (Алекс., 24) 'Растите быстрее, учитесь лучше!'; манс. Мен палтумен олмыгтангкве иен (Кимл., 54) 'Иди жить к нам (дв.)'; Тан ётаныл кона ёнгунгкве минзи (Там же, 27) 'Иди играть с ними на улицу'. При обычном строе простого предложения исключается необходимость не только в местоимениях 1-го, 2-го лица, но также и в местоимениях 3-го лица: хант. лэсэт јиссэт, катна манти pitsэт (St. II, 125) 'Sie assen, tranken, schickten sich an auseinanderzugehen'; Сусын товен унт вой кашман янгхис (Ал. II, 22) 'Осенью, весной ходил (он), ища зверя'; манс. sāt xum pat jalas (К., 77) 'Sie wurde von sieben Männern (so zur Frau) genommen'; Охсарыл-нёхсыл лап-тагатахтамыг (Ш. II, 43) 'Лисицей-соболем обвешались (они дв.)'; Манрыг оли ойтунгкве пойтсыт? (Кимл., 49) 'Почему перестали (они) платить деньги?' Опускание подлежащего, выраженного личным местоимением, в целом ряде бессубъектных предложений требует наличия широкого контекста, чтобы стало известным действующее лицо: хант. Мунг ситы хухытта хоштув - тов этты ёжыттув. Юкыт ухтыя хунгхийтув, йингка марыттув. Тавырт анктыт нох перыттув, воянг хомылха канштув (Алекс., 20) 'Мы так бегать умеем - лошадь догоним. На деревья лазим, в воду ныряем. Тяжелые пни выворачиваем, жирных жуков ищем'; манс. Ати! Туйтыг ам ат снт-сум! Ат рамвесум полям манн! Ати, ати! Ат тайвесум Сови нёлпа асирман! (Ш. I, 24) 'Нет! Снегом я не стал! Не зарыт (я) в холодную землю! Нет, нет! Не съеден (я) Кривоносым морозом!' Опускание подлежащего характерно также для прибалтийско-финских (личное местоимение 1-го и 2-го лица) и самодийских языков (личное местоимение 1-го, 2-го и 3-го лица). Так Н. М. Терещенко отмечает: "Одна из особенностей

самодийских языков заключается при этом в том, что выражение субъекта, как правило, заключается в личной форме сказуемого (и глагольного, и именного). В результате при определенной структуре предложения обозначение подлежащего с помощью отдельного слова не является обязательным. Напротив, опущение подлежащего в предложениях этого типа воспринимается в качестве нормы. Наиболее часто данное положение наблюдается в тех случаях, когда подлежащее передается личным или лично-определятельным местоимением." (Терещенко 1973 : 135).

Подлежащее может быть по своей структуре составным (двусловным). В составном подлежащем личное местоимение сочетается с определятельными местоимениями: в хантыйском языке с определятельным местоимением сам, заимствованным из русского языка, и иса 'всё, все', исат 'всё, все'; в мансийском языке с лично-определятельными местоимениями амки 'я сам', нангки 'ты сам', такви (тавки) 'он сам', менки 'мы (дв.) сами', нэнки 'вы (дв.) сами', тэнки 'они (дв.) сами' манки 'мы сами', нанки 'вы сами', танки 'они сами' и определятельными местоимениями сох 'всё, все', пуссын 'всё, все'; хант. isat moŋ jizəw xut xija (St. I, 87) 'Всего нас стало шестеро' (Досл. 'Все мы стали шестью человеками'); Ма сам ий лыс вантсэм (Д., 37) 'Я сам один лист посмотрел (его)'; Но лув сам сорым олынгны ант нумысмыс (Ал. IV, 43) 'Но он сам о смерти не подумал'; Лыв isa ий хораспыт (Там же, 26) 'Они все одинаковые'; манс. Ам амки мань тагыл Томск уст олнэ Хум (Кимл., 85) 'Я сам с малых лет томич'; Ти сирыл тав такви нянь сэлунгкве патыс (С., 47) 'Таким образом он сам стал добывать хлеб'; Ман пуссын тананылтыл ёнгунгкве ханьсювласув (Там же, 22) 'Мы все научились играть через них (букв. от них)'. Такие сочетания являются единым членом предложения (подлежащим) и синтаксически не членятся. (Грамматика русского языка 1954 : 373). Личное местоимение обско-угорских языков в сочетании с местоимением единичности атэлт (атэт) 'один' в хант. языке; амккем 'я один', нангккен 'ты один', тавкетэ (таккетэ) 'он один', менккемең 'мы (дв.) одни', нэнккен 'вы (дв.) одни', тэнкетэң 'они (дв.) одни', манккев 'мы одни', нанккен 'вы одни', танккеныл 'они одни': хант. Тув атэт ханшенг пай иты катыс (М., 79) 'Он один смотрелся как пёстрая куча'; Там вер лавырт, мн, нанг атэлт верта ант мошитлын (Ал. IV, 78) 'Это дело трудное, большое, ты один сделать не сможешь'; манс. Нанг нангккент варунгкве

ат вермилин (Пример автора) 'Ты один сделать не сможешь'.

Подлежащее, выраженное неличным местоимением.

Т. Подлежащее может быть выражено определительными и лично-определительными местоимениями в форме осн. п.: хант. манн 'я сам', нанги 'ты сам', лувы (тувы) 'он сам', минн 'мы (дв.) сами', ннны 'вы (дв.) сами', лнны 'они (дв.) сами', мунги 'мы сами', ннны 'вы сами', лнны 'они сами', сам 'сам', хулмева (холме) 'все', иса 'весь', исат 'все, всё', кашинг 'каждый', па 'иной, другой'; манс. амки 'я сам', нангки 'ты сам', такви (тавки) 'он сам', менки 'мы (дв.) сами', нэнки 'вы (дв.) сами', тэнки 'они (дв.) сами', манки 'мы сами', нанки 'вы сами', танки 'они сами', сох 'весь', пуссын 'весь, всё', касынг 'каждый', мотан (мот) 'иной, другой'. Например: хант. xullijewa mojlupsi luwela tosat (Основы 1974 : 479) 'Все принесли ей подарки', käsŋ luw jūšŋ pēla manŋ (St. II, 77) 'Jeder fährt seinen Weg'; tanŋ wetta sam untlšom (St. I., 84) 'Промыслять белку сам научился (я)'; Сятта хасим пелкыт тувы тэстэ (Ал. У., 44) 'Затем оставшюся часть съел (он) сам'; Иса си пулянг ошинга йис (Ал, I, 6) 'В тот момент всё стало известным'; Ий ат мар лакка иса па хораса йис (Ал. II, 16) 'За одну ночь всё кругом стало другим'; манс. Нар novel tanŋ harŋ amki tovehum (Ч., 18) 'В лодке, полной оленьего мяса, я сам гребу'; Takvi kon ta kvalaras (Там же, 25) 'Он сам вышел на улицу'; Puzŋ ak-vjot elal ta mineŋt (Там же, 29) 'Все вместе дальше идут'; Нангки нвле магумтаслын, а ам нупадум ронгхегын (Кимл., 87) 'Ты сам домой захихнул, а на меня кричишь'; Танки янгкынг витныл пилсыт (Куг., 20) 'Они сами боялись ледяной воды'; Мотаннт ос эргалтахтасыт (Там же, 40) 'Другие тоже запели'; Ма мир пуссын вос атхати, Касынг катпатта вос рати! (Ш. I, 54) 'Люди всей планеты пусть все соберутся, Каждый пусть аплодирует!'

Определительные местоимения кашинг 'каждый' в хантыйском языке, касынг 'каждый' в мансийском языке редко выступают самостоятельно в функции подлежащего. Чаще всего в связи со стремлением к максимальному уточнению действующего лица всеми имеющимися средствами названные определительные местоимения обско-угорских языков примыкают к имени существительному в основном падеже, образуя сложное раздельно-оформленное слово: кашинг ху 'каждый человек', кашинг хоят 'каждый человек' в хантыйском языке, касынг хотпа 'каждый

человек' в мансийском языке. Данные сложные раздельноформенные слова на русский язык переводятся определительным местоимением каждый, основное значение сложного слова заключено в знаменательном компоненте кашинг, касынг 'каждый', а вспомогательный компонент (ху, хоят, хотпа) выступает в роли полуаффикса, выражающего грамматические категории падежа, числа, притяжательности. Например: хант. kāšw̄ xū wēr̄lwēr̄l (St. II, 55). 'Jeder Mann macht seine Sache'; kāšw̄ xū solkowa pēlakn woškōs (Там же, 66) 'Jeder Mann warf je einen halben Rubel [als Opfer] hin'; Мужикем нохырны кашинг хоят питса? (Ал. III, 100) 'Но сколько шипек каждый (человек) получил?'; манс. Касынг хотпа такви магсылэ ёмаснув унтэ ма кинсунгкве патыс (Куг., 21) 'Каждый (человек) стал искать для себя лучшую посевную площадь'; Тии касынг хотпа такви сирет торгамталыстэ (Р., 14) 'Это каждый (человек) понимал по-своему'; Касынг элмхолас такви пормасанэ онсьюнгкве вус хаси (Сайн., 8) 'Каждый (человек) пусть умеет содержать (хранить) свои вещи'.

2. Подлежащее обско-угорских языков может быть выражено указательным местоимением: в форме осн. п.: хант. тами (там) 'этот', томи (том) 'тот', сит (си) 'тот, этот'; манс. тии (ти) 'это', таи (та) 'то'. Например: хант. Там тув тови арет (М., 69) 'Это его весенняя песня (его)'; Тюрмая тух-рым хоята и тами амытта улл (Ал. IV, 27) 'Заключённому (букв. в тюрьму запертому человеку) и это в радость (букв. является радостью)'; Сит шоп, - рабочий ястыс (Там же, 18) 'Это - правда, - сказал рабочий'; манс. Яныг махумн тии сака мустыс (Куг., 86) 'Взрослым (букв. большим людям) это очень понравилось'.

Указательные местоимения в роли подлежащего часто имеют значение обобщенного указания на предшествующее или последующее сообщение: хант. Тами там ванын ус (Ал. I, 20) 'Это совсем недавно было'; Сит и Павликны усн (Там же, 8) 'Это и Павлику известно'; Сит тынэтн мустыт (Ал. V, 20) 'Это им понравится'; манс. Я, тии хултыглаттал ваве (Р., 7) 'Да, это без разъяснений известно'; Ти акв мань усквет олыс (Куг., 112) 'Это было в одном маленьком городке'.

Так же, как и личные местоимения, указательные местоимения в синтаксической функции подлежащего употребляются в сочетании в определительном местоимением, образуя неделимый член предложения: хант. Муя тами иса верман? (Ал. II, 66) 'Зачем всё это сделано'; Хотн иса там осьхось! (Ал. IV, 68)

'Так всё это смешно!'; манс. Ти пуссын сянив катэт олыс (С, 38) 'Это всё было в руках (букв. в руке (её) бабушки (нашей))',

3. Подлежащее может быть выражено вопросительным местоимением в форме осн. п.: хант. муйсыр? 'какой?', муйхорпи? 'какой?', муйхорасуп? 'какой?', мата? (матот?) 'который', хой? 'кто?', хой? 'чей?', муй? 'что?'; манс. манахурип? 'какой?', мансыр? 'какой?', хотъют? 'кто?', хотъют? (хоты?) 'который', хонгха? 'кто?', манар? 'что?'. Например: хант. Хой тын кутны тунг? (Какс. I, 13) 'Кто из них прав?'; Хой торн тут такты хутым пенгкны тэт? (Ал. III, 9) 'Кто траву без огня тремя зубами ест?'; Но хой сит? (Д., 48) 'Но кто это?'; А курт харетны муй ус! (Там же, 53) 'А на деревенской поляне что было!'; Музгарка, муен хоты йис (Ал. II, 27) 'Музгарка, что случилось с тобой? (Букв. Что (твоё) как стало)'; манс. Хотъют тамле кас вас?! (Ш. I, 41) 'Кто видел такое счастье?!'; Манарн мовиньтынг (Кимл., 76) 'Что (твоё) смешное?'; Уст манар вархати! (Там же, 76) 'Что делается в городе!'

В значении относительных местоимений вопросительные местоимения выступают тогда, когда они являются подлежащим придаточной части сложноподчиненного предложения. Относительные местоимения являются союзными словами, служат для связи придаточной части с главной: хант. Хой Холта посол питәс, си лөләс (St. II, 62) 'Wohin jeder wollte, dorthin setzte er sich'; Хой муй тајәс, ситј мас (Там же, 70) 'Was jeder besass, das gab er'; Тэваса янгхты мойпырыт сит симиь мойпырыт, матаит сус вуш звыт унгха ант оттыт па тэваса унт хуват янгхтыт (Ал. II, 28) 'Медведи-шатуны (досл. бесцельно бродящие медведи) — это такие медведи, которые с осени в берлогу не ложатся и бесцельно бродят по лесу'; Си хотны, мата от ий пелькны унтны омсыс, пирьсь вой ветты хо Емея ай Киркурие хитэт питны ус (Там же, 6) 'В том доме, который сидел одной стороной в лесу, жил старый охотник Емея со внуком Гришенькой'; хой тарматл, си хо ат йира йирятл (Какс. II, 16) 'Кто спешит, тот пусть свернёт'; манс. Хотъют вот хольт варыглайти — Молях кон вос квали (Ш. II, 24) 'Кто дразнится, как ветер, пусть выйдет быстро на улицу'.

Вопросительно-относительное местоимение мата 'который' хантыйского языка употребляется в разных вариантах: мата 'который', мата от 'который (досл. которое нечто, вещь)',

матот 'который', мата ёх 'которые (досл. которые люди)'. Такое разнообразное выражение единого понятия, который в хантыйском языке вызвано неустойчивостью орфографии. Местоименные мата 'который' является знаменательным компонентом сложного слова: мата от 'который (досл. которое нечто, вещь)', мата ёх 'которые (которые люди)'. Вторые компоненты сложного слова от 'нечто, вещь' и ёх 'люди, народ' являются лексически ослабленными элементами, близкими к полуаффиксу. В слове матот 'который' оба компонента слились.

Вопросительные местоимения хой? 'кто?' в хантыйском языке, хонгха? 'кто?' и хотъют? 'кто?' в мансийском языке применяются только по отношению к людям. По отношению к животным, так же как по отношению к предметам, используются вопросительные местоимения муй? 'что?' в хантыйском языке, манар? 'что?' в мансийском языке. Противопоставление 'человек-нечеловек' - характерная черта уральских языков. Остальные вопросительно-относительные местоимения по признаку 'человек-нечеловек' не разделяются. Это характерно и для венгерского языка. (Майтинская 1955 : 195).

Вопросительно-относительные местоимения хой? 'кто?', муй? 'что?' в хантыйском языке, хонгха 'кто?', хотъют 'кто?', манар 'что' в мансийском языке изменяются по числам: ед. ч. хой 'кто', муй 'что' в хантыйском языке, хонгха 'кто', хотъют 'кто', манар 'что' в мансийском языке; дв. ч. хой-тэнгын 'кто (дв.)', муингын 'что (дв.)' в хантыйском языке, хонгхат 'кто (дв.)', хотъютыг 'кто (дв.)', манарыг 'что (дв.)' в мансийском языке; мн. ч. хойтэт 'кто (мн.)', муит 'что (мн.)' в хантыйском языке, хонгхат 'кто (мн.)', хотъютыт 'кто (мн.)', манарыт 'что (мн.)' в мансийском языке. При образовании форм дв. и мн. чисел вопросительно-относительного местоимения хой 'кто' в хантыйском языке добавляется суффикс -тэ. (Русская 1961 : 19). Изменение по числам вопросительно-относительных местоимений кто, что характерно и для других финно-угорских языков. В финском языке различаются формы ед. и мн. числа местоимений kuka, mikä: ср. ku-ka 'кто (ед. ч.)' и ketkä 'кто (мн. ч.)'; mikä 'что (ед. ч.)', mitkä 'что (мн. ч.)'. В венгерском языке также имеют-ся формы ед. и мн. числа вопросительных местоимений: "В отличие от местоимений кто? и что? в русском языке, местоимения ki? ['кто?' - Н.Л.], mi? ['что?' - Н.Л.], kicsoda? ['кто?' - Н.Л.], micsoda? ['что?' - Н.Л.] могут принимать и показатель множественного числа: Kicsodak lesznek itt hol-

napután? (Aczél. Vihar és papsütés, 31) "Кто такие будут здесь послезавтра?" (Майтинская 1955 : 195).

4. Подлежащее может быть выражено неопределенными местоимениями в форме осн. п.: хант. хойт 'кто-то, некто', молты (мотты, мулты) 'что-то, нечто'; манс. хотпа 'кто-то, некто', матар 'что-то, нечто', това 'кто-то, некоторый': хант. Моттэт кашенг иси па (Ал. II, 27) 'Что-то (его) болит, должно быть'; Па си мотты унтны симытыс (М., 120) 'Опять что-то в лесу прозвучало'; Мет Хоят их нялны сэнгкыт (Там же, 69) 'Как будто кто-то стучит деревянными ложками'; Кимит ат па си хойт янгхит (Ал. V, 83) 'Вторую ночь опять кто-то ходит'; манс. Илттыг хотют серанка пеламтас - лампа хораяс (Ш. III, 31) 'Вдруг кто-то зажёл спички - лампа зажглась'; Манос савынгканыт сярмат хотпа сисги (Там же, 32) 'Или на кладбище словно кто-то вздыхает'; Тованыл мот олнэ ма киснэ магыс хотталы тай хотал унтнэ ер нуыл минамыт (Там же, 5) 'Некоторые из них в поисках другой родины куда-то в сторону, куда садится солнце, оказывается, ушли'.

5. Подлежащее может быть выражено отрицательными местоимениями в форме осн. п.: хант. нэмхойт 'никто', нэмолты (нэмолты, нэмулты) 'ничто'; манс. нэмхотпа 'никто', нэматыр 'ничто', Например: хант. Нэмхойт ёврая ант лопыс (М., 128) 'Никто не возразил'; Лыв эвылтэл нэмхойт апыр ант таис пилхоел хоси нётта манта (Ал. I, 18) 'Из них никто не имел мужества пойти к другу (своему) помочь'; манс. Тамле лёхъяс нэмхотпа ат вас (Ш. I, 51) 'Такой дороги никто не знал'; Закон лавтал нэмхотпа олнэ колн сялтунгкве ат верми (С., 20) 'Незаконно никто не смеет войти в квартиру'. Отрицательные местоимения в роли подлежащего обязательно предполагают сказуемое, обозначающее отрицательное действие, выраженное глаголом с отрицательной частицей (см. выше).

Л и т е р а т у р а

Баландин А. Н. и Вахрушева М. П., Мансийский язык. Учпедгиз, Л., 1957. Грамматика русского языка. II том. Синтаксис. Изд-во АН СССР, М., 1954. Майтинская К. Е., Венгерский язык. Изд-во АН СССР, М., 1955. Основы финно-угорского языкознания. 1974, "Наука", М. Ромбандеева Е. И., Мансийский (вогульский) язык. "Наука", М., 1973. Ромбандеева Е. И., Синтаксис мансийского (вогульского) языка. "Наука", М., 1979. Русская Ю. Н., Самоучитель хантыйского языка. Учпедгиз, Л., 1961. Терешкин Н. И., Система склонения в диалектах обско-угорских языков. В сб. Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., "Наука", 1974. Терещенко

Н. М., Синтаксис самодийских языков. "Наука", Л., 1973.
W. S t e i n i t z, Ostjakologische Arbeiten, Band IV. Aka-
démiai kiadó, Budapest, 1980.

С о к р а щ е н и я

Ал. I = Бочин Л., Пионерит олынгны потрыт. Учпедгиз, Л., 1940. На хант. яз. перевел Алачев В.С.; Ал. II = Мамин-Сибиряк Д.Н., Потрыт. Л., Учпедгиз, 1948. На хант. яз. перевел Алачев В.С.; Ал. III = Никитин Н.Н., Поляк Г.Б., Володина Л.Н., Арифметической задачит па упражненииит сборник. Ханты начальной школа пата. Учпедгиз, М.-Л., 1953. На хант. яз. перевел Алачев В.С.; Ал. IV = Садовский А., Феликс Эдмундович Дзержинский. Л., 1940, Учпедгиз. На хант. яз. перевел Алачев В.С.; Ал. V = Чарушин Е., Потрыт, Учпедгиз, Л., 1949. На хант. яз. перевел Алачев В.С.; Алекс. = Чарушин Е., Астат па пошхтат. Учпедгиз, Л.-М., 1951. На хант. яз. перевела Алексеева Т.С.; В. = Пчёлко А.С. и Поляк Г.Б., Арифметика. Манси начальный школа китит класс манс. Учпедгиз, Л., 1956. На манс. яз. перевела Вынгилева Н.К.; Д. = Гайдар А., Р.В.С. Учпедгиз, Л.-М., 1950. На хант. яз. перевел Дабин К.Н.; Какс. I = Мамин-Сибиряк Д.Н., Алёнушка монхсит. Л.-М., Учпедгиз, 1951. На хант. яз. перевела Каксина Т.И.; Какс. II = Толстой Л.Н., Потрыт "Азбука" зыит. Л., Учпедгиз, 1949. На хант. яз. перевела Каксина А.С.; Кимл. = Голубева А., Сережа Костриков урыл потрыт. Учпедгиз, Л.-М., 1951. На манс. яз. перевел Кимлобов П.П.; Куг. = Кононов А.П., Ленин урыл потрыт. Учпедгиз, Л., 1959. На манс. яз. перевели Е. Кугина и Е. Яркина.М. = Скребичкий Г., Воег отынгни потрыт. Учпедгиз, Л.-М., 1951. На хант. яз. перевела Мамарова Н.Д.; Р. = Космодемьянская Л.Т., Зоя. Учпедгиз, М.-Л., 1954. На манс. яз. перевела Ромбандеева Е.И.; С. = Ульянова А.И., Ильич Мань порат ос ханисбахтам олум таланэ. М.-Л., 1953, Учпедгиз, На манс. яз. перевел Садомин Н.; Сайн. = Российский Советский Федеративный Социалистический Республика Конституцият (сяр яныг закон). Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1978. Перевод на манс. яз. Сайнаховой А.И.; Ч. = Hurum mojt. Sernetsova I., Sernetsov V., hass, Moskva-Leningrad, Komsomolzentri komitet navram kniga varmal, 1937; Ш. I = Шесталов Юван, Миснэ. Тюменское книжное изд-во, 1961; Ш. II = Шесталов Юван, Этпос. Средне-Уральское книжное изд-во, Свердловск, 1968; Ш. III = Шесталов Юван, Нюлы зрыг, Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1984; К. = Kalman Béla, Chrestomathia vogulica. Fankonyv-kiadó, Budapest, 1976; St. I = Steinitz W.K., Ostjakische Grammatik und Chrestomathie, Leipzig, 1950 St. II = Steinitz W.K., Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen (aus zwei Dialekten). I Teil, Tartu, 1939.

Nina L y s k o v a
(Leningrad)

DAS SUBJEKT IN DEN OB-UGRISCHEN SPRACHEN,
DAS DURCH EIN PRONOMEN AUSGEDRÜCKT IST
Z u s a m m e n f a s s u n g

Dem Charakter der Deklination des Pronomens nach unterscheidet man in den ob-ugrischen Sprachen zwei ungleiche Gruppen der Pronomen: Personalpronomen und weitere Pronomen.

Die Personalpronomen haben in ihrem Deklinationssystem einen besonderen Kasus zum Ausdruck des Subjekts - den Nominativ.

Alle weiteren Pronomen - darunter persönlich-attributive und attributive Pronomen, Demonstrativ-, Interrogativ-, Relativpronomen sowie unbestimmte und negative Pronomen - benutzen als Subjekt den Grundkasus (den Absolutiv) genauso wie das Substantiv.

Das Auslassen des Personalpronomens in Funktion des Subjekts gilt als Norm für den ob-ugrischen Satz.

Seiner Struktur nach kann das durch ein Pronomen ausgedrückte Subjekt einfach oder zusammengesetzt sein.

Галина Некрасова
(Сыктывкар)

ОПЫТ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ
АБЛАТИВА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

I. При описании семантики к.-зыр. аблатива исследователи отмечают его реализацию при определенной группе глаголов типа юавны 'спросить', корны 'просить' (Савваитов 1849 : 103; Gabelentz 1841 : 56), а также в качестве принадлежностного определения при прямом объекте (Попов 1842-1844 : 70; СКЯ : 141; Карманова 1980 : 50; Wiedemann 1884 : 119-120). Рассматривая функциональный диапазон удм. аблатива, Ф. Видеманн (Wiedemann 1884 : 119-120) указывает также на значения отделения, разделения, материала, в партитивном смысле (имеется ввиду отделение части от целого), при сравнении, а также в качестве субъекта, побуждающего страдания или состояние. Пять значений удм. аблатива выделяется в работе А. И. Емельянова (1927 : 142-143), где впервые отмечается наличие значения причины, а значение отделения от предмета рассматривается как значение места, от которого начинается движение. В рукописи Е. С. Гуляева, где аблатив впервые был предметом специального исследования, устанавливается его общепермское значение - значение принадлежности, отчуждения, восприятия, узнавания, указываются также самостоятельные употребления удм. аблатива: отделительное значение, аблатив в усилительных, сравнительных, транслативных конструкциях, аблатив материала, отношения, при глагольной форме дугдытэк 'не прекращая' (Гуляев 1961 : 212-221). Указанные функции удм. аблатива, кроме двух последних, отмечаются и в работах более позднего периода (ГСУЯ : 95-98; Перовщиков 1980 : 42-44). Особенностью приведенных описаний семантики аблатива является указание более на его позиционную реализацию, а не на семантико-синтаксические функции.

Целью настоящей статьи является дескрипция семантики аблатива в пермских языках с установлением связи между его отдельными функциями. Поэтому принимается генетический принцип описания материала, исходя из чего выделяются первичные и вторичные функции. При этом мы придерживаемся мнения, согласно которому исторически первичными функциями были функ-

ции установления локальных отношений, сформировавшие у падежей те постоянные признаки, которые далее определили их функционально-семантическую зону (Шелякин 1983 : 43).

2.1. Пространственное значение. На синхронном уровне в пермских языках исходное локальное значение аблатива уже не прослеживается, но единичные случаи его проявления отмечаются в древнепермских письменных памятниках. Напр., сэс' мунадныд ту туйб, кодудлыс' кэжидныд ас вэр ордб 'и посеминете на путь свой, с него же свратитесь семо к рабу своему' (надпись на иконе "Троицы", 14–15 вв.), сэс' кэжтбмас' вэллыс' буакылы кучбмкб ноллбм с'ыл полтбс 'и бысть внезапно с небесе шум яко носиму дыханию бурну' (надпись на иконе "Сожествия св. духа", 15 в.), ач'ис мэзбс йэнлбн чбктбмбн и с'ур гумбн, борда идблбн горабн лэтч'ас вэллыс' 'сам господь по велению бога и рожка, по голосу крылатого ангела спустится с небес' (Лепехинский текст, 17 в.) (Лыткин 1952 : 39, 40, 42, 43, 65).

Во всех конструкциях аблативов содержит указание на предмет, КОТОРЫЙ является исходным пунктом движения. В современном к.-зыр. языке им соответствуют послеложная конструкция с вылысь 'с, от', ср. туй вылысь 'свернуть с дороги', или згрессив, ср. лэччыны енэжэянь 'спуститься с неба'. Следует отметить, что семантика слова влз, енеж 'небо' ограничивает его сочетаемостные возможности преимущественно с грамматическими единицами общего характера. Напр., енэжын 'в (на) небе', но нельзя с послелогоми бердын 'около', до-рын 'тж' и т. п.

Представляется, что в локальном значении перм. аблативов был идентичен с таковым прибалт. языков в конструкциях типа фин. Lapsset kutsuttiin pihalta sisään 'детей позвали со двора домой' (ГЭЯ : 86).

2.2. Вторичные значения.

2.2.1. Отделение от объекта. Содержит указание на предмет (лицо), от которого отделяется, отчуждается другой предмет (лицо). Значение возникло непосредственно из исходного на основе семы отложительности. Последовательно реализуется в удм. языке при глаголах отделения типа висъяны 'отделить', висъяськыны 'отделиться', куштиськыны 'отказаться, отступить, отмежеваться', люкиськыны 'отделиться', мозмытськыны 'избавиться, освободиться' и т. п. Напр., Котькудиш ар Танялы выльзэ вае, асэныз Чош сое азылань нуэ, будэтэ. Висъя тон сое та послэсь, бусмослэсь, ялан быдэсяно ужтэсьмэлэсь,

тон сое быдэс улонлэсь висъялод 'Каждый день несет Тане что-то новое. Отдели (разлучи) ее от этих хлебов, полей, от повседневных трудов - ты отделишь ее от всей жизни' (ГСУЯ : 96), Янгыш малпамъёслэсь куштйськыны 'отмежеваться от ошибочных теней' (РУС : 631).

Редкие случаи проявления данного типа аблатива отмечаются в древнепермских текстах, напр., чбчкб вузас куламлысь олбм пычкб 'но перейдет от смерти в жизнь (к жизни)' (Лепехинский текст, 17 в.), чбчкб мынты мийанды варкбслысь 'каки-нибудь избавь нас от лукавого' (Лепехинский текст, 17 в.) (Лыткин 1952 : 66, 69), а также в нв., вым. диалектах к.-звр. языка, напр., *ni-nemən mi silis* (V: *sijis*) *og-miŋe VU V 'wir werden ihn auf keine Weise (eig. mit nichts)*' (Р.-Ф. : 653). В других диалектах и в литературном к.-звр. языке значение отчуждения выражается элативом. Напр., ме торйбча тэмысь 'я отделяюсь от тебя' (СКЯ : 144).

В к.-перм. языке в рассматриваемой позиции выступают послеложные конструкции, элатив встречается редко (Гуляев 1961 : 50-55). Напр., Сиз' мэздис л'эшак дныис 'Миз'а 'Так освободил Мизя народ от лешего' (Лыткин 1955 : 44), ср. к.-звр. меэдны лешакысь 'избавить от лешего'. Следует отметить, что используемые послелогии имеют внешнеместное значение.

2.2.2. Основание действия. Содержит указание на предмет (лицо), который является основанием возникновения какого-то состояния. Реализуется в удм. языке при глаголах чувства, психических состояний (страха и стыда) типа мбзымыны, мбзымыса улыны 'скучать, грустить' кышканы 'бояться', возьдасыкыны 'стыдиться'. Напр., бэглбйос сычэ провор муртлэсь кышкал'-л'ам, пэгбйил'л'ам 'Бродяги испугались такого сильного человека, убежали' (ОУР : 283), дорлэсь мбзмон 'тоска по дому', пилэсь мбзымыны 'скучать по сыну' (РУС : 709).

В к.-перм. наблюдается дифференциальная реализация аблатива и элатива в зависимости от характера референта: представлен он одушевленным (аблатив) или неодушевленным (элатив) существительным. Напр., Кодя велалбм, так муртыслысь из пол 'Который привык, так человека не боялся' (Баталова 1975 : 237), Морозысь народным оз пов 'Наш народ мороза не боится' (КПИ : 190).

В к.-звр. языке в рассматриваемой позиции последовательно выступает элатив. Напр., повны ошкысь 'бояться медведя', гажтбмчыны вокысь 'скучать по брату'. Лишь в иж. диалекте отмечены случаи аблативного употребления: Сія никод-

лмсь из поо 'он никого не боялся' (Гуляев 1961 : 244). В уд. говорах к.-зур. языка в данной позиции могут выступать послеложные конструкции: ме вбдэсим век пышъялб 'он всегда избегает меня (букв.: из пространства передо мной)'. В. А. Сорвачева (1950 : 145) это объясняет тем, что в древности объект мог восприниматься как предмет, находящийся в пространстве, и то, что ныне носит черты отвлеченности, раньше могло мыслиться конкретно: 'было оберегать не себя, а свое окружение, бояться не его, а передней его части, радоваться не ему, а его поверхности'. Присоединяясь к данному объяснению, Е. С. Гуляев (1961 : 54) дополняет, что здесь имеет место частный случай отделения предмета от другого предмета.

2.2.3. Причина действия. Содержит указание на предмет (лицо), явившийся причиной какого-то действия, состояния, признака. Обнаруживает связь с предыдущим значением. Реализуется в удм. языке. Напр., Трос пол ббсьмыс ббсьмы чк пужмеръс усыйлызы, со пужмерлэсь кызпуос Чужектызы, нош пипуос гордэктисы, нош 'По утрам неоднократно падал иней, от этого березы пожелтели, а осины покраснели', Шунытлэсь лымм шунн но вулы пбрме 'От тепла снег тает и превращается в воду' (ГСУЯ : 97). По имеющимся примерам можно констатировать, что аблатив специализируется для выражения внешней причины. Причина глагольного действия оказывается внешней по отношению к производителю этого действия.

Соответствием в к.-перм. языке выступает эгрессив, в к.-зур. элатив (КПИ : 192; Гуляев 1961 : 74).

2.2.4. Источник изготовления, материал. Содержит указание на предмет, являющийся материалом для изготовления другого предмета. Реализуется при глаголах конкретного действия с общей семой изготовления. Напр., со шортсылэс' дэра куылизы 'Из той пряжи ткали холст' (ОУР : 219), Колхозын али со кирпичёслэсь кык вал гидъс лэстэмн ни 'В колхозе теперь из тех кирпичей две конюшни построены' (Перевошиков 1980 : 43).

Соответствием в обоих коми языках выступает элатив (Гуляев 1961 : 70-71; СКЯ : 144; КПИ : 190): к.-зур. пызан вб-чбма пунсь 'стол сделан из дерева', к.-перм. Горрэсб тэчбны кирпичись 'Печи складывают из кирпичей'. Элатив наряду с аблативом встречается и в удм. языке. Напр., Пызъысь кенъыр уд потты ни 'Из муки крупы уже не сделаешь' (Перевошиков 1980 : 66).

Значение источника возникло на основе семи отложительной исходности, отделение получило интерпретацию источника.

2.2.5. Источник возникновения предмета. Содержит указание на предмет, являющийся источником, основой возникновения качественного другого предмета. Реализуется в удм. языке при глаголах с общей семой превращения типа пбрымыны 'превратиться, образоваться', пбрымытны 'превратить, образовать', кылдыны 'возникнуть'. Напр., посёлоклась город пбрмиз (кылдыс) 'из поселка возник город' (РУС : 313-314), Пичи шурдэсь зарезь кылдэ 'Из ручейков образуется море' (ГСУЯ : 200).

Соответствием в коми языках выступает элатив (Гуляев 1961 : 72-73). Напр., к.-зыр. посёлоккыс лоис кар 'поселок превратился в город'. Значение обнаруживает семантическую связь с предыдущим.

2.2.6. Предмет составляющей совокупности. Содержит указание на предмет (лицо), являющийся источником определенной совокупности. Реализуется в удм. языке в позиции при глаголах типа пбрымыны 'состоять, образоваться', а также при именах, обозначающих определенный коллектив, совокупность однородных предметов. Напр., куйнь адямилэсь комиссия 'комиссия из трех человек', организмёслэсь тканьёссы клеткаослэсь пбреммын 'ткани организма состоят из клеток' (РУС : 314, 1052).

В к.-зыр. языке в данной позиции выступает элатив. Напр., куйм морткыс комиссия 'комиссия из трех человек'. Функциональной доминантой считаются сочетания с относительными прилагательными типа квайт морта бригада 'бригада, состоящая из шести человек' (Гуляев 1961 : 70).

2.2.7. Объект возмещения, оценки. Содержит указание на предмет, за который или взамен которого что-нибудь получают, за который что-нибудь платят. Реализуется в удм. языке в позиции при глаголах с общей семой компенсации, возмещения. Напр., москвейз кэл'ам, солэс 'дун бас'тим, солэс 'дун бас'тим 'В Москву отправили, за них, за них плату взяли' (ОУР : 257).

Соответствием в к.-зыр. языке выступает элатив. Напр., босьтны сымысь дон 'взять за него плату'.

Рассмотренная функция обнаруживает связь со значением источника в широком смысле.

2.2.8. Объект отношения. Содержит указание на предмет, относительно которого констатируется что-либо. Реализуется

в удм. языке. Напр., pinal-josi nales jormsa medam u'le
'Пусть мои дети не терпят нужды из-за хлеба' (Емельянов
1927 : 142).

В к.-зыр. языке данное значение выражается злативом:
Ййись ни, Йблсь ни, Выйсь ни, Вурунсь ни, Колькийсь ни
Ниньмись некор нужда оз тбды Тист Иванлбн семьянс 'Семья
Тист Ивана никогда ни в чем не нуждалась: ни в мясе, ни в
молоке, ни в масле, ни в шерсти, ни в яйцах' (Гуляев 1961:84).

Данная функция возникла на основе значения источника,
ср. недостаток, нужда в чем-то и недостаток, нужда, состоя-
щие из чего-то.

2.2.9. Объект сопоставления. Содержит указание на пред-
мет (лицо), который выступает в качестве меры сравнения при
определении подобных ему свойств, качеств у другого пред-
мета. Реализуется в удм. языке в позиции при именах прила-
гательных и наречиях в сравнительных оборотах и в усили-
тельных конструкциях. Напр., Шулдыр, сэзь гужемлсь но туж-
гес яратй мон тонз, комсомол 'Сильнее веселого, ясного лета
полюбил я тебя комсомол' (ГСУЯ : 97), тбдылзсь но тбды
(кышет) 'белее белого (платок)', чырслсь но чырс (кубиста)
'кислее кислого (капуста)', чэскытлсь но чэскыт (виноград)
'слаще сладкого (виноград)' (там же : 140).

Аблатив данного типа отмечается в единичных случаях в
текстах древнепермской письменности. Напр., Йгудылс 'Йгуд
'светлее светлого' (Лепехинский текст, 17 в.), матид сылс
'недалеко от него' (надпись на иконе "Троицы") (Лыткин
1952 : 118).

Функциональным соответствием в к.-зыр. языке выступает
златив: алмаз чорыдджык стальсь 'алмаз тверже стали', в
к.-перм. языке - компаратив: Гбрд карандашыс небытжык дб-
зысья 'Красный карандаш мягче синего' (СКЯ : 144; КПИ : 189).

Значение возникло путем метафоризации значения отделе-
ния как отличия, исходный предмет получил интерпретацию ме-
ры сравнения.

2.2.10. Владелец отчуждаемого предмета. Содержит
указание на лицо, которое является источником получения оп-
ределенного предмета, информации, восприятия, которые вы-
ступают в качестве его обладаемого и переходят в собствен-
ность другого предмета, лица. Данная функция реализуется
преимущественно в конструкциях, компонентами которого вы-
ступают активный субъект отчуждения, объект отчуждения и
источник отчуждения. Позиция характеризуется переходными

глаголами со значением 1) отчуждения, изъятия типа босьтны 'взять', ньббны 'купить', мырддыбны 'отобрать', гусявны 'украсть'. Напр., к.-зыр. Дерт, зськб первой чай юны бурджык, да самбварис абу, а йбзлысь талун он босьт, аслынс колб (Юх. I : 63) 'Конечно, в начале лучше бы чай попить, но самовара нету, а у людей сегодня не возьмешь, самим надо', удм. Болёк ваем понназ инструкторлэсь дун басьтйз но кошкыз 'Болёк за то, что привез, получил от инструктора положенную сумму и уехал' (ГСУЯ : 96); 2) просьбы, вопроса типа корны 'просить', юасын 'расспрашивать'. Напр., ВВлбмкб, сйбб Онбб Васблысь, милиционерлысь, нарощнб корлбма лун кежлб (Юш. I : 14) 'Оказывается, он у Василия Андреевича, у милиционера, нарочно попросил на один день', удм. ... сэ со ад'ами йуа мынсы'тым ... '... потом тот человек спрашивает у меня ...' (ОУР : 164); 3) при глаголах восприятия и отношения типа кывзынны 'слушать', аддзынны 'увидеть', кывны 'слышать'. Напр., к.-зыр. Кывзы бур йбзыслысь (Юх. II : 64) 'Слушай у (от) хороших людей', к.-перм. ме аддзылі дядьлісь медыджид зонб 'я видел старшего сына у дяди' (Майшев 1940 : 39). В некоторых случаях возможна реализация и при непереходных глаголах типа кывзысьны 'слушаться', вбзйсьны 'проситься'. Напр., И тэнид, Сергей, кызди цехкомса председателылы, нинбмла кывзысьны бид пьянниклысь да восьса вома бызгунлысь. Удж дисциплина дзургысьлысь (ВК 1983 7 : 25) 'И тебе, Сергей, как председателю цехкома, нечего слушаться всякого пьяницы и болтуна. Разложителей трудовой дисциплины', удм. анай-атайбсызлысь пинал кылзйське 'ребенок слушается родителей' (РУС : 1026).

Значение возникло на основе семн отложительности исходной функции. Поэтому в пространственной интерпретации данный тип аблатива обозначает объект, от которого направлен другой предмет и который является источником, исходным пунктом этого направления.

2.2.II. Отношения собственной принадлежности. Содержит указание на лицо (реже предмет), которому принадлежит предмет, свойство, действие и т. п. В данном значении аблатив выступает в функции дополнительной дистрибуции к приименному генитиву, реализуясь при переходных глаголах. Как отмечает Б. А. Серебренников (1963 : 51), первоначальным ядром рассматриваемой семантико-синтаксической функции послужили конструкции типа к.-зыр. bošta mortliś purt 'возьму от человека нож', то есть значение отчуждаемой принадлежности.

Постановка аблатива в применную позицию привела к постепенной затухровке оттенка источника принадлежности, в результате чего произошла нейтрализация семи динамичности и проявление значения собственной принадлежности. Процесс возникновения нового значения обусловил позиционную реализацию. Выражая значение собственной принадлежности вначале только в позиции при переходных глаголах определенной семантической группы (отчуждения, взятия, восприятия), эта функция закрепляется и постепенно распространяется на другие семантические группы глаголов данного грамматического типа. Окончательная нормализация употребления аблатива в принадлежном значении происходит примерно к 19 в. В памятниках письменности 17-18 вв. нередко встречается смешение функций генитива и аблатива (Лыткин 1952 : 118; Кузнецова 1967 : 147). Причем в письменных текстах 17 в. наблюдается употребление генитива вместо аблатива, напр., класныс горасѡ йзн пилан (совр. пилсь) 'услышат глас сына божьего', ог корш' ас гажѡс, чѡчкѡ айлѡн гажѡс манѡ мстыс'лѡн (совр. ай-лнсь, мстысьлнсь) 'не ищу воли моя, но воли пославшего мя отца' (Лепехинский текст, 17 в.) (Лыткин 1952 : 118), а в текстах 18 в. аблатив иногда вторгается в сферу функционирования генитива, напр., бур вбляис Исус Христослнсь (совр. Исус Христослѡн) 'благодать Иисуса Христа', сударня миянлнсь императрица вѡсна (совр. миян) 'о государыне нашей императрице', в то же время имеют место случаи проявления генитива вместо аблатива: гѡтырсѡ слнѡнѡ медь казѡтас (совр. слнсь) 'супруга его да помянет' (Кузнецова 1967 : 147). По наблюдениям Э. И. Кузнецовой (там же), в основной своей массе эти два падежа в текстах 18 в. отмежевались друг от друга. Случаи смешения употребления она объясняет результатом дословного перевода церковнославянского текста, а также сохранением следов недифференцированного употребления двух принадлежностных падежей.

Употребляясь в функции собственной принадлежности, аблатив может реализовать все те семантические типы, которые присущи применному генитиву. Перечислим основные разновидности:

1. принадлежность предмета как владельца к обладаемому: ... тадзи позис шуны Василий Сирвойтовлнсь овмѡсѡ ... (Юх. I : 25) '... так можно было назвать хозяйство Василия Сирвойтова ...', гдм. Степанлнсь коркаѡс 'дом Степана' (Вахрушев 1980 : 143);

2. принадлежность по выражению общественных отношений:

2.1. родственные отношения: ... мыйла быд восё колб ббрыны Игорльс мамё родительскбй комитетас (Кур. : 79) '... почему каждый год надо выбирать мать Игоря в родительский комитет', удм. мельниклэсь пизэ 'сына мельника';

2.2. дружеские отношения: Илья эз тбд, кутшбм ногбн урядник допрашивайтис сылысь ёртъясьё (Юх. I : 87) 'Илья не знал, каким образом урядник допрашивал его друзей';

2.3. Отношения по подчинению: Салдат ошкис бура уджалбмысь Никодимлысь плбтникъясьё (Коми м. : 61) 'Солдат хвалил плотников Никодима за хорошую работу';

2.4. отношения лицо-коллектив: Миронлысь компаниясь, дерт, медся водз (корліс ударник) (Юх. I : 87) 'Компанию Мирона, конечно, раньше всех (вызвал урядник)';

3. принадлежность части к целому:

3.1. неотчуждаемая принадлежность: Ош гыжнас вирбдз парьштис понлысь нирё ... (Юх. I : 106) 'Медведь когтем до крови царапнул нос собаки', удм. Дашалэсь бамээ 'лицо Даши' (Вахрушев 1980 : 143);

3.2. отчуждаемая принадлежность: вс. Садыслыс' уйлэсьё пэрвой ва пытшкын ловз'бдбныс Крв. 'Ветки цветка сначала держат в воде, чтобы они пустили корни' (ВСД : 67), удм. коркалэсь липетсэ 'крышу дома' (Вахрушев 1980 : 143);

4. предмет составной совокупности: Синббъяяснас Илья кытшовтб печкысьяслысь радъясьё и аддзб асьыс киподтуйё (Юх. I : 16) 'Искоса Илья обводит глазами ряды прядильниц и находит свою работу';

5. субъект действия: Ланъяштлбй тбкбтьб! - Мишкалысь пырёмё казялбм ббрын кисё лэптыштис Ладимер (Юх. I : 72) 'Замолчите немного! - заметив приход Мишки приподнял руку Владимир', удм. учылась чирдэмээ 'трель соловья' (Вахрушев 1980 : 144);

6. носитель состояния: Лыско аддзис кбзяевалысь шембс-мбмсё ... (Юх. I : 83) 'Лыско увидел удивление хозяев ...';

7. принадлежность свойства, признака: Асныровлысь мурдерлунё Борис эз жб гбгбрво (Юх. II : 62) 'Хитрость Аснырова Борис тоже не понял', удм. адямилэсь чеберээ 'красоту человека' (Вахрушев 1980 : 144).

Следует отметить, что подобно генитиву ограничено употребление аблатива в сочетании с неодушевленными существительными, с которыми преимущественно выступает номинатив.

Рассмотрение семантико-синтаксических функций аблатива

в пермских языках позволяет констатировать, что I. в процессе языкового развития произошла смена общей функционально-семантической характеристики падежа и его переход в другую семантическую группу: в коми языке - в группу принадлежностных падежей, в удм. языке - в группу объектных падежей;

2. различные функции падежа обнаруживают генетическую связь, которая проявляется в возникновении одного значения на основе другого значения, каждая из них реализует общую сему отложительности;

3. при выражении значений собственной принадлежности возникает асимметрия формы и содержания, вследствие чего происходит нейтрализация общей семы отложительности.

Сокращения языков и диалектов

Диалекты коми-зырянского языка: вс. = верхнесыгдольский; вым. = вымский; иж. = ижемский; нв. = нижневычегодский уд. = удорский.

Языки: к.-зыр. = коми-зырянский; к.-перм. = коми-пермяцкий; перм. = пермские; приб.-фин. = прибалтийско-финские; фин. = финский; удм. = удмуртский.

Литература и ее сокращения

Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва; Вахрушев В. М. 1980, Субстантивные словосочетания в удмуртском языке. Ижевск: 124-168; ВК = Войвыв кодзув, Сыктывкар; ВСД = Жилина Т. И., Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; ГСУД = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск 1962; Гуляев Е. С. 1961, с'-овые падежные суффиксы в коми языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар; ГФЯ = Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. Москва-Ленинград 1958; Емельянов А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка. Ленинград; Карманова А. Н. 1980, Современный коми язык. Морфология. Сыктывкар; Коми н. = Коми мойдыс, сылланкывъяс да пословицаяс. Сыктывкар 1956; КПЯ = Коми пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар, 1962; Кузнецова З. И. 1968, Язык письменных коми памятников 18 в. Дисс. ... канд. фил. наук. Йошкар-Ола; Курпилов И. Е. 1962, Проблема классификации падежей. - Курпилов И. Е. Очерки по лингвистике. Москва : 175-205; Лыткин В. И. 1952, Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, словарь. Москва; Лыткин В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва; Майшев И. И. 1940, Грамматика коми-пермяцкого языка. Москва-Ленинград; ОУР = Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. Ижевск 1981; Перевощиков П. Н. 1980, Глагольные словосочетания. - Словосочетания в удмуртском языке. Ижевск : 38-129; Попов А. 1842-1844, Грам-

матика зырянского языка (Центральный государственный исторический архив, ф. 834, оп. 3, д. 3371). Ленинград; РЭС = Русско-удмуртский словарь. Москва 1956; Савваитов П. И. 1850, Грамматика зырянского языка. Санкт-Петербург; Серебрянников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков. Москва; СКЯ = Современный коми язык. Ч. I. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар 1955; Сорвачева В. А. 1950, Морфологические особенности верхневашского говора коми языка. Дисс. ... канд. фил. наук. Сыктывкар; Шелякин М. А. 1983, Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка. - Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка. Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки ТГУ. 65I. Тарту : 43-57; Юх. П. = Юхнин В., Диньёльса вёрпункт. Сыктывкар 1983; Юх. I = Юхнин В., Албй лента. Сыктывкар 1955; Юш. = Юшков Г., Ловья лов. Сыктывкар 1979;

F.-F. = Fokos - Fuchs, D. R. Syrjänisches Wörterbuch I, II. Budapest 1959; Gabelentz, H. 1841, Grundzüge der syrjänischen Grammatik. Altenburg; Wiedemann F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St Petersburg.

Galina Nekrasova
(Syktyvkar)

VERSUCH DER BESCHREIBUNG DER SEMANTISCH-SYNTAKTISCHEN
FUNKTIONEN DES ABLATIVS IN DEN PERMISCHEN SPRACHEN
Z u s a m m e n f a s s u n g

Die gemeinpermische Funktion des Ablativs ist die Darstellung der possessiven Beziehungen, und zwar des aufgehörenden Besitzens und einfach des Besitzens (in der Position des direkten Objektes). In der udmurtischen Sprache sind noch 9 Funktionen vorhanden, z. B. die Trennung vom Gegenstand, der Grund und die Ursache der Handlung, das Objekt der Gegenüberstellung usw.

Die Kasusfunktionen weisen den genetischen Zusammenhang nach.

Tiina R ü ü t m a a
(Tallinn)

PARTITIIVSUBJEKT JA -OBJEKT EESTI JA SOOME KEELES

Eesti ja soome süntaksi üks enam huvi äratanud probleem on, kasutades traditsioonilist terminoloogiat, totaalsuse/partsiaalsuse opositsioon, mis tuleb arvesse kolme lause liikme - subjekti, objekti ja predikatiivi puhul. Käesolevas artiklis vaadeldakse subjekti ja objekti vormivaheldusega seotud küsimusi.

Terminid totaalne ja partsiaalne ei ole küllalt täpsed haaramaks subjekti ja objekti vormivahelduse kõiki võimalikke funktsioone. Näiteks on partsiaalsust väljendava partitiivse objekti osatähtsus teiste partitiivobjekti liikide seas suhteliselt väike (Denison 1957 : 166). Subjekti puhul on nimetatud terminid tunduvalt põhjendatumad, ent siiski osaliselt inadekvaatsed. Ka nominatiivne subjekt võib mõnel juhul olla sisult partsiaalne (eriti eesti keeles) ja partitiivne subjekt väljendada tervikut (eitava või kahtleva sisuga lauses). Seega valitseb olukord, kus tervikut nimetatakse osa järgi. Vastuolule juhivad tähelepanu soome grammatikud, kes on eespool toodud opositsioonipaaride nimetamisel hakanud eelistama vormikriteeriumi. Subjekti puhul räägitakse nominatiivi/partitiivi, objekti puhul akusatiivi/partitiivi vaheldusest, kusjuures akusatiivobjekti all mõistetakse nii nominatiivi, genitiivi kui ka akusatiivi (viimane esineb ainult soome keeles) kujulist objekti (Karlsson 1979 : 45-46; Hakulinen, Karlsson 1979). Viimati mainitud terminite suurema täpsuse tõttu kasutatakse neid edaspidi ka käesolevas artiklis.

Eesti ja soome partitiivsubjekti ja -objekti võrdlemisel kasutatakse tõlkebaasilise kontrastiivse analüüsi meetodeid, kusjuures põhiliseks eesmärgiks on tuua esile sarnased ja erinevad mõjurid, mis põhjustavad subjekti ja objekti partitiivvormide kasutamise vaadeldavates keeltes. Analüüsitav materjal on kogutud ilukirjandusest, mõlemad keeled on esindatud nii originaaltekstide kui tõlgetega.

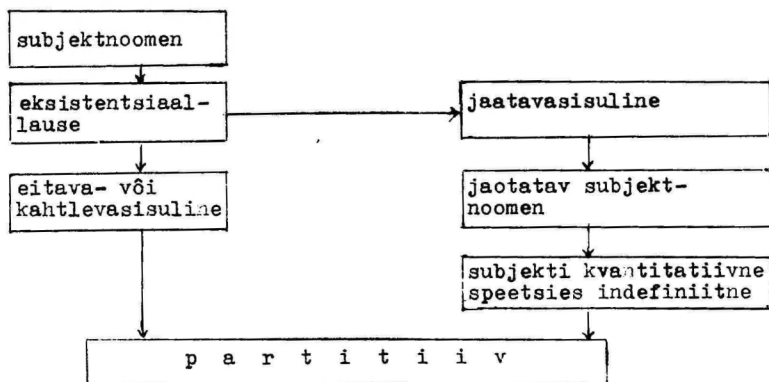
Selgus, et partitiivsubjekti ja -objekti esinemise tingimused on eesti ja soome keeles üldjoontes kattuvad, ent

tuleb siiski ette ka lahknevusi. Artikli esimeses osas tuuakse ära eesti ja soome partitiivsubjekti ja -objekti kasutamise peamised sarnasused ja erinevused, teine pool on pühendatud subjekti ja objekti partitiivvormide esinemise mõjurite võrdlusele.

Subjekt saab olla partitiivne ainult eksistentsiaallauses. Alati kasutatakse partitiivsubjekti eitava- või kahtlevasisulises eksistentsiaallauses.

Jaatavasisulise eksistentsiaallause subjekt saab olla partitiivne ainult subjektnoomeniga väljendatud mõiste jaotavuse korral. Partitiivsubjekti kasutatakse indefiniitse kvantitatiivse speetsiese väljendamiseks.

Partitiivsubjekti kasutamist mõjustavad tegurid võib üldjoontes kokku võtta järgmise skeemiga.

Joonis 1.

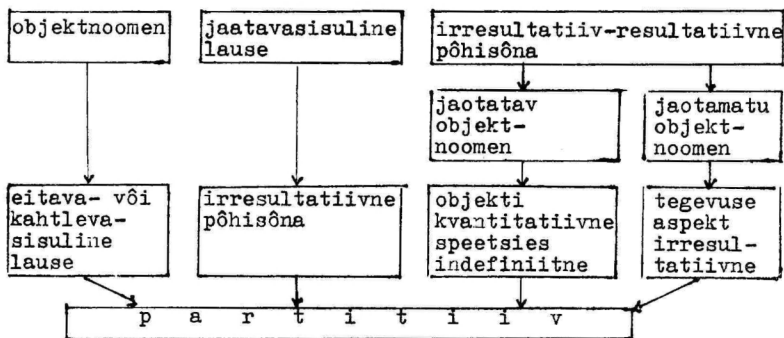
Peamiseks erinevuseks eesti ja soome subjekti vormi valikus on partitiivvormi fakultatiivsus eesti jaatavasisulises eksistentsiaallauses ja selle obligatoorsus soome keeles.

Partitiivobjekti kasutatakse alati eitava või kahtleva sisuga lauses. Objekt on partitiivne ka siis, kui ta ei laienda otseselt eitavaid verbivorme, vaid nende juurde kuuluvaid infinitiivivorme, samuti kui lause sisaldab muid eitavasisulisi elemente (nt mata-vormi).

Jaatavasisulise lause objekti vorm sõltub esmajoones verbi semantilisest iseloomust. Alati on partitiivis irresultatiivset verbi laiendav objekt. Kaheaspektilist verbi võib laiendada nii partitiiv- kui ka akusatiivobjekt. Jaotatava objektnoomeni korral viitab partitiiv objekti indefiniitsele kvantitatiivsele speetsiesele (Rajandi, Metslang 1979 : 8).

Kui objektnoomeniga tähistatud mõiste on jaotamatu, sõltub objekti vorm tegevuse aspektist. Partitiivobjektiga väljendatakse irresultatiivsust.

Skemaatilisel võtab partitiivobjekti kasutamist mõjustavad (nõudvad) tegurid kokku joonis 2.

Joonis 2.

Partitiivobjekti kasutamine on järjekindlam eesti keeles. Peamised erinevused eesti ja soome partitiivobjekti esinemisel kaasnevad soome kvaasireresultatiivverbiges. Nimetatud verbid on eesti keeles järjekindlalt irresultatiivsed, soome keeles võib nendega seostuda ka akusatiivobjekt, nt nähdä, kuulla, muistaa, tietää. Eriliselt soome ja eesti keele erinevuste (laiemalt: põhja- ja lõunameresoome) seisukohalt on kvaasireresultatiivseid verbe käsitletud K. Kont (Kont 1963 : 84-91). Samuti on erinevusi fraseoloogismide, pronominaalsete ja infinitiivsetest verbivormidest sõltuvate objektide osas. Eesti keeles on kõigil nimetatud juhtudel levinum partitiivobjekt, soome keeles vastab sellele tihti akusatiivobjekt.

Nagu eelnevast selgub, võib subjekti ja objekti vormi valikut mõjustavad tegurid jagada põhimõtteliselt kahte rühma: (1) subjekt- ja objektnoomeni endaga seostuvateks ja (2) verbiga seostuvateks.

Noomeniga seostuvatest teguritest tuleks esmalt vaadelda subjekt- või objektnoomeniga väljendatud mõiste konsistentsist (jaotatavusest/jaotamatusest) sõltuvat partitiivi. Noomeni jaotatavus/jaotamatus on tihedalt seotud arvuga: ainsuslikeana jaotamatud noomenid on mitmuslikeana jaotatavad (kui pole tegemist plurale tantum-sõnaga või komplekti tähistava mõistega).

Partitiivsubjekt saab esineda ainult subjektnoomeniga väljendatud mõiste jaotatavuse korral (kõne all on eksistentsiaallause subjekt). Subjekt on partitiivis, kui tegevusse on haaratud osa või ebamäärane hulk subjektnoomeniga väljendatud mõistest, st kui subjekti kvantitatiivne speetsies on indefiniitne. Partitiivsubjekt on kindlaks eelduseks lause eksistentsiaalsele tõlgendusele, kontekstivaba nominatiivsubjektiga lause on mõnel juhul tõlgendatav nii eksistentsiaalselt kui mitteeksistentsiaalselt, nt Peenral on lilled (vrd Ereht 1978 : 4; Sang 1983 : 91).

Objektnoomeni jaotatavuse korral (kui põhisoñnaks olev verb on irresultatiiv-resultatiivne) sõltub objekti vorm samadest teguritest kui subjektil: objekt on partitiivis ainult indefiniitse kvantitatiivse speetsiese puhul, st siis, kui põhisoñnaga väljendatud tegevus haarab osavõi ebamäärast hulka objektnoomeniga tähistatud mõistest. Väärub märkimist, et kui jaotavasisulise eksistentsiaallause partitiivsubjekti põhiliseks ülesandeks on väljendada partsiaalsust, siis osa märkiv partitiivobjekt on võrreldes teiste partitiivobjekti liikidega suhteliselt haruldasem. Partitiivobjekti olulisemaks ülesandeks on viidata tegevuse aspektile; sellisel juhul ei sõltu objekti vorm otseselt objektnoomeni konsistentsist (vrd Siro 1943 : 280; Hakulinen, Karlsson 1979 : 183).

Vaadeldes noomeniga väljendatud mõiste konsistentsist sõltuvat partitiivi, tuli paratamatult käsitleda ka teist subjekti ja objekti vormi mõjutavat tegurit, mis on seotud noomeniga, s.o. subjekt- või objektnoomeni kvantitatiivse speetsiese definiitsust/indefiniitsust. Nagu juba eespool nägime, on partitiiv võimalik ainult indefiniitse kvalitatiivse speetsiese korral. Seejuures on kaks nimetatud tegurit omavahel tihedalt seotud: kvantitatiivse speetsiese definiitsus/indefiniitsus tuleb arvesse ainult jaotatava noomeni puhul ja jaotatava noomeni vorm subjekti või objektina sõltub alati kvantitatiivse speetsiese definiitsusest/indefiniitsusest.*

Eesti keel käitub subjekti definiitsuse/indefiniitsuse suhtes mõneti erandlikult. Kui soome keeles märgitakse kvan-

* Objekti vorm sõltub noomeni jaotatavusest/jaotamatusest ja definiitsusest/indefiniitsusest ainult kaheaspektilise põhisoñna puhul

titatiivse speetsiese indefiniitsust järjekindlalt partitiivsubjektiga, siis eesti keeles on see fakultatiivne. Tekitab olukord, kus partitiivsubjekt ja nominatiivsubjekti sisaldavad laused on põhimõtteliselt ühesuguse tähendusega, nt Metsas kasvab p u i d / Metsas kasvavad p u u d. Võimalik on siiski ainult indefiniitsuse puhul nominatiivsubjekti kasutada, vastupidine asendus arvesse ei tule.

Brandlikult käituvad subjekti ja objekti vormivahelduse suhtes mõned pronoomenid. Näiteks eesti pronoomen mis on küsiva asesõnana eelistatavalt nominatiivis. Selline suund tuleb esile nii subjekti kui objekti puhul. Soome pronoomen mikä käitub samuti nagu teised noomenid. Olulised erinevused eesti ja soome keele vahel on seotud personaalpronoomenite ja pronoomeni kes/kuka kasutamisega subjekti või objektina. Eesti keeles eelistatakse kõigist nimetatud pronoomenitest tarvitada partitiivobjekti (partitiivobjekt esineb ainsa võimalusena meie ja teie puhul). Subjektina on nad jaatavasisulisel lauses nominatiivsed (vrd Tauli 1968: 223).

Soome keeles kasutatakse ainsuslike personaalpronoomenite ja pronoomeni kuka puhul spetsiaalset objektikäänet (t-lõpulist akusatiivi), mitmuslikes personaalpronoomenites on levinud t-lõpuline mitmuse nominatiiv (Hakulinen, Karlsson 1979 : 188). Üldiselt tuleb kõigi nimetatud pronoomenite puhul soome keeles arvesse normaalne akusatiivi/partitiivi vaheldus.

t-lõpuline akusatiiv võib soome nn omamiskonstruktsioonis (omistuskonstruktio) olla ka subjekti käändeks. See on viinud mitmed uurijad järeldusele, et omamiskonstruktsioonilise eksistenstiaallause subjekt on tegelikult objekt. Nimetatud tõlgendust toetab ka lause tähendus: Minulla on s i n u t 'mina oman sind' (Hakanen 1978 : 50-51; Hakulinen, Karlsson 1979 : 176-177).

Esmajärjekorras mõjutab nii subjekti kui ka objekti käände valikut põhiseksaks olev verb. Noomeniga seotud tegurid saavad subjekti või objekti vormi valikul kaasa rääkida alles siis, kui verbiga seotud tegurid on andnud võimaluse ühe või teise vormi kasutamiseks.

Subjekt saab olla partitiivis ainult eksistentsiaallausel, st partitiivsubjekti võimalikkus lauses sõltub verbi semantilisest iseloomust. Seejuures tuleb tähele panna asjaolu, et eksistentsiaallausel võib esineda partitiivsub-

jekt aga ei pea esinema, niisiis otseselt mõjustavad subjekti vormi siiski noomeniga seotud tegurid.

Eksistentsiaallause predikaadiks on verb, mille semantikas domineerib olemiselement, tegevussisu kas puudub või on eksistentsiaalsuselemendi poolt tagaplaanile surutud (Hakulinen, Karlsson 1979 : 166-168). Enamasti on selline verb intransitiivne, erandjuhul võib eksistentsiaallause öeldiseks olla ka transitiivne verb; seda juhul, kui lauses pole objekti (Hakulinen, Karlsson 1979 : 167; Hakanen 1972 : 42, 1978 : 10; Denison 1957 : 114; Nemvalts 1978 : 21).

Objekti vorm sõltub samuti verbi semantilisest iseloomust, ent sellel pole niisama olulist funktsiooni kui subjekti puhul. Kui partitiivsubjekt saab esineda ainult eksistentsiaallauses, siis partitiivobjekti võib põhimõtteliselt saada iga transitiivne (või antud kontekstis transitiivselt mõtestatud) verb. Eespool toodud skeemist (vt joonis 2) nähtub, et verbi semantiline iseloom mõjustab objekti vormi ainult jaatavasisulisel lauses. Eitava- või kahtlevasisulise lause objekt on alati partitiivis.

Objekt laiendab üldjuhul transitiivset verbi. Kui partitiivsubjekti predikaadiks saab olla ainult verb, millel konkreetne tegevussisu puudub või on eksistentsiaalsuselemendi poolt tagaplaanile surutud, siis (partitiiv)objekti põhisõnaks on just mingit konkreetset tegevust väljendav verb. Objekti vormi määrab nimetatud tegevuse aspekt, st objekti vorm sõltub sellest, kas tegevuse tagajärjel toimub mingi oluline muutus objektnoomeniga väljendatud mõistes ehk subjekti ja objekti suhetes või ei (Hakulinen, Karlsson 1979 : 183).

Irresultatiivse e partitiivse verbi aspekt on alati irresultatiivne, st temaga väljendatud tegevus ei põhjusta olulist muutust objektnoomeniga tähistatud mõistes või subjekti ja objekti suhetes. Irresultatiiv-resultatiivse e kaheaspektilise põhisõna puhul on võimalik väljendada nii irresultatiivset kui ka resultatiivset aspekti. Tegevuse resultatiivsust/irresultatiivsust saab siiski märkida ainult objektnoomeni jaotamatuse korral, vastasel juhul on objekti vormil teised ülesanded. Kui tegevuse aspekt on irresultatiivne, kasutatakse alati partitiivobjekti, resultatiivset aspekti väljendab akusatiivobjekt.

Kui subjekti puhul said partitiivsuse otseseks põhjustajaks olla ainult noomeniga seotud tegurid (lause eksis-

tentsiaalsus on ainult partitiivsubjekti kasutamise eelduseks), siis partitiivobjekti tarvitamine võib tuleneda ka vahetult verbiga seotud teguritest. Olenemata objektnoomeni- ga väljendatud mõiste jaotatavusest/jaotamatusest ja objekti defiiniitsusest/indefiiniitsusest laiendab irresultatiivset põhisõna alati partitiivobjekt.

Kaheaspektilist verbi laiendava objekti vormi otseseks mõjustajaks võivad olla nii noomeni kui ka verbiga seotud tegurid. Kui objektnoomeni- ga tähistatud mõiste on jaotatav, sõltub objekti vorm kvantitatiivse speetsiese defiiniitsusest/indefiiniitsusest (s.o verbiga seotud teguritest); jaotamatu objektnoomeni korral määrab objekti vormi tegevuse aspekt (s.o verbiga seotud tegur). Viimasel juhul ei tingi objekti vormi ainult verb, aspekti mõjustavad muuhulgas mitmed semantilised seigad, subjekti ja objekti suhted jms.

Kolmanda, ent mitte vähem olulise tegurina tuleks käsitleda lause sisu mõju subjekti ja objekti vormile. Siiani vaadeldi partitiivsubjekti ja -objekti jaatavasisulisel lauses. Eitava ja kahtleva sisuga lause subjekt ja objekt käituvad mõneti erinevalt.

Üldiselt valitseb seisukoht, et partitiivsubjekti saab kasutada ainult eksistentsiaallausel (vrd Mihkla jt 1974 : 63-65; Mihkla, Valmis 1979 : 44-47; Hakulinen, Karlsson 1979 : 167-168). Seega võib ka eitava või kahtleva lause subjekt olla partitiivis a i n u l t eksistentsiaallausel. Samas on partitiivsubjekti peetud kohustuslikuks eksistentsiaallause eitava või kahtleva sisu korral. Veidi erinevalt läheneb probleemile J. Sang, väites, et partitiivsubjekt eitavas lauses ei ole absoluutseks tunnuseks lause eksistentsiaalsuse kohta, sest teise tegurina määrab lause eksistentsiaalsuse tema temaatiline struktuur (J. Sang kasutab terminit partisaalsubjekt). Näiteks lausel R o t t e e i o l e l a e v a s on nii eksistentsiaal- kui ka mitteeksistentsiaallause tunnuseid, samal ajal kui lause L a e v a s e i o l e r o t t e on puhas eksistentsiaallause (Sang 1983 : 97). Käesolevas artiklis jäädakse traditsioonilisele seisukohale ning vaadeldakse mõlemaid eespool toodud variante kui puhtaid eksistentsiaallauseid.

Lause eitav või kahtlev sisu põhjustab niisiis tingimusetult objekti partitiivuse, subjekti puhul peetakse üldiselt olulisemaks verbi semantikast. Partitiivsubjekt on võimalik ainult eksistentsiaallausel.

Nagu eespool mainitud, on eksistentsiaallause predikaadiks üldjuhul intransitiivne verb; objekt laiendab tavaliselt transitiivset verbi. Sellest lähtudes ei peaks kunagi tekkima olukorda, kus partitiivsubjekt ja -objekt esinevad korraga ühes ja samas lauses. Vaadeldes konkreetseid tekste näeme, et verbide transitiivsus/intransitiivsus pole sugugi kindel tunnus. Pigem on tegemist verbi transitiivsuse või intransitiivsuse aktualiseerumisega tekstis (vt Karlsson 1963 : 40-43). Eksistentsiaallause predikaadiks võib olla üldiselt transitiivseks peetud verb, kui lauses pole objekti, nt e Ouel mängib lapsi (⁺palli); ja objekt võib laiendada lauses transitiivselt mõtestatud intransitiivset verbi, nt e Mari naeratas oma kõige veetlevamat n a e r a t u s t (vt ka Hakulinen, Karlsson 1979 : 167-168; Rätsep 1973 : 20).

Nimetatud tingimustes võib tekkida situatsioon, kus osutub võimatuks otsustada, kas tegemist on partitiivsubjekti või -objektiga. Subjekti ja objekti piirialadele jääb näiteks predikaatverbe vaja olema/minema, tarvis olema/minema, samuti meteoroloogilisi verbe ning mitmeid inimese füüsilisi ja vaimseid avaldusi väljendavaid verbe laiendav partitiivne noomen, nt e Sajab vihma, sm Sataa räntää sm Jalkoja särkee.

Soome partitiivsubjekti vaadeldes tekkis probleeme ka partitiivsubjekti ja -predikatiivi eraldamisel, nt Oli hiljaista, On jo valoissa (vt ka Denison 1957 : 111-114; Hakanen 1978 : 55; Karlsson 1963 : 47). Ilmselt kuuluvad sellised juhud subjekti ja predikatiivi piirialadele, ilma kontekstita on nende kuuluvuse kohta raske midagi kindlat öelda.

K a s u t a t u d k i r j a n d u s

Denison, N. 1957, The Partitive in Finnish. Suomalaisen Tiedeakademian toimituksia, sarja B, nide 108. Helsinki; Erelt, M. 1978, Märkmeid partsiaalsubjekti kohta eesti keeles. Keel ja struktuur 9. Tartu, lk. 3-9; Hakanen, A. 1972, Normaallause ja eksistentsiaallause. Sananjalka 14. Turku, lk. 36-76; Hakanen, A. 1978, Kontrastiivista lauseanalyyssia. Eksistentsiaallauseet. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. Turku; Hakulinen, A., Karlsson, G. 1979, Nykysuomen lauseoppia, Jyväskylä; Karlsson, G. 1963, Suomen kielen subjekti- ja predikaattikysymyksiä. Virittäjä I. Helsinki, lk. 40-57; Karlsson, G. 1979, Totaalisuus ja partiaalisuus suomen lauseopin käsitteinä ja termeinä. - Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kieli-

tieteen laitoksen julkaisuja 9. Turku, lk. 45-61; K o n t, K. 1963, Kaandsõnaline objekt läänemeresoome keeltes. Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused IX. Tallinn; M i h k l a j t 1974 = Mihkla, K., Ran-nut L., Riikoja, E., Admann, A. Eesti keele lauseõpetuse põhihooned I. Lihtlause. Toim: E. Nurm. Tallinn; M i h k - l a, K., V a l m i s, A. 1979, Eesti keele süntaks kõrgkoolidele. Tallinn; N e m v a l t s, P. 1978, Eksistent-siaallauseist. - Keel ja struktuur X. Tartu, lk. 10-41; R a j a n d i, H., M e t s l a n g, H. 1979, Määratata ja määratud objekt. Tallinn; R ä t s e p, H. 1973, Elemen-taarlauseid eesti keeles. - Keel ja struktuur 8. Tartu, lk. 3-10; S a n g, J. 1983, Eitus eesti keeles, Tallinn; S i r g, P. 1943, Jaolliset ja jaottomat substantiiviit. - Virittäjä, Helsinki, lk. 276-290; T a u l i, V. 1968, To-ttaalobjekt eesti kirjakeeles. - Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia 145. Helsinki, lk. 216-223.

Тийна Р ю й т м а а
 (Таллин)

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ В ФОРМЕ ПАРТИТИВА В ЭСТОНСКОМ
 И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Р е з ю м е

В статье рассматриваются проблемы дистрибуции морфологической формы субъекта и объекта в сравнительном плане в эстонском и финском языках. Во-первых, партитивный субъект является факультативным в утвердительном экзистенциальном предложении эстонского языка, но obligatory в предложениях такого же типа в финском языке. Во-вторых, различия имеются в употреблении партитивного объекта при квазирезультативных глаголах - в эстонском языке здесь по сравнению с финским более распространены объект в партитиве. В-третьих, в предложениях финского языка субъект с неопределенным количественным специесом всегда в форме партитива, в эстонском языке здесь возможна альтернатива форм номинатива и партитива. В-четвертых, некоторые различия имеются в употреблении номинативного или партитивного объекта/субъекта, если в данной синтаксической функции выступает местоимение эст. kes / фин. kuka.

КУКАРСКИЙ РУКОПИСНЫЙ МАРИЙСКИЙ СЛОВАРЬ XVIII ВЕКА

Известно, на развитие марийской письменности большое влияние оказали рукописные словари. Первые попытки создания письменности на марийском языке были сделаны вскоре после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Во второй половине XVI века архиепископ Гурий Казанский "учредил три школы (при Зилантовом, Спасском и Успенском монастырях), где учились дети новокрещенных инородцев, составил даже для них азбуку" (Спасский 1912 : 287). Однако это начинание не оставило никаких следов в истории культуры народа мари. Сейчас не имеется никаких письменных памятников той поры. Если они существовали, то погибли безвозвратно (Васин 1977 : 67).

Самые ранние письменные памятники по марийскому языку относятся к первой половине XVIII века. В этот период в политической и культурной жизни России отмечается заметное оживление. По указу Петра I в 1724 году открылась Российская Академия Наук. Именно с деятельностью Петра Великого связаны первые попытки собирания лингвистического, этнографического, археологического материала разных народов России, в частности, и народов Поволжья. По указу Академии ученые-путешественники выезжают по дальним уголкам России. Их цель - собирать материал у разных народов России. В поле зрения исследователей и путешественников попадает и марийский народ. В первой половине XVIII века в различных этнографических и географических описаниях появляются отдельные слова и даже небольшие тексты, записанные в основном путешественниками-иностранцами.

В истории возникновения письменных источников XVIII века можно назвать периодом несистематического собирания и накопления лексического материала. Эти записи являются свидетельством особенностей языка того времени.

Наиболее ранние данные о лексике марийского языка сохранились в трудах Н.К. Витзена (1641-1717), Д.Г. Мессермидта (1685-1735), Ф.И. Стралленберга (1676-1747), Г.Ф. Миллера (1705-1783), И.Э. Фалька (1725-1774), И.Р. Георги

(I729-I802), в Первой грамматике I775 г. Они впервые ознакомили общественность того времени с различными областями жизни мари́йцев. Явились первым источником письменности мари́йского языка. Правда, не все слова зафиксированы точно, записи далеки от совершенства. Но эти письменные памятники ценны тем, что являются истоком мари́йской письменности. Ими были зафиксированы первые слова на бумаге.

Древние памятники мари́йской письменности, особенно рукописные, остаются почти не исследованными. Встречающиеся в литературе скудные сведения в них, страдают большими неточностями. О письменности дореволюционного периода писали такие исследователи, как Эман (I940), Васильев (I953), Пенгитов (I955), Иванов (I966). Некоторые сведения можно найти в работах: "Современный мари́йский язык. Лексикология" (СМЯЛ) (I972), "200 лет мари́йской письменности" (I977). Вместе с тем, в них отсутствует глубокий анализ лексического материала. В основном они ограничиваются рассмотрением одного или двух записей.

Если опубликованные письменные памятники нашли отражение в научной литературе, то исследования рукописных памятников явно недостает. В работах Г.С. Патрушева (I958, I964), И.Г. Иванова (I975), в учебнике СМЯЛ (I972) можно найти некоторые сведения о рукописных словарях. Так, например, Г.С. Патрушев в своей работе только упоминает данные словари, но основательного разбора в них не имеется. Он отмечает: "Огромный лексический материал, относящийся к указанному периоду (XIX и начало XX века - О.С.), остался неизданным и хранится в фондах разных городов нашей страны. Так, в архиве АН СССР в Ленинграде хранится мари́йско-немецкий словарь Ф. Видемана (более 6000 слов), словарь А. Канцеровского; около 5 рукописных словарей мари́йского языка и другие материалы хранятся в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Они до сих пор еще основательно никем не изучены. "Подробный анализ получили истоки письменности в мордовских, удмуртском, коми языках (см. А.П. Феоктистов (I968, I97I, I976); Т.И. Телляшина (I966); З.И. Кузнецова (I967)).

Некоторые дореволюционные издания на мари́йском языке в настоящее время составляют исключительную библиографическую редкость, сохранившись буквально в единственном экземпляре. Поэтому даже специалистам-филологам известно далеко не обо всех письменных источниках этого периода.

Первые памятники марийской письменности, составленные на различных диалектах (луговое, горное, восточное, северо-западное) содержат в себе уникальные данные, которые являются единственным источником изучения сложных вопросов истории языка.

В первой половине XVIII в. написаны немало рукописных работ. Но они были собраны, в основном, не для лингвистических построений, а являлись результатом служебных поручений или связаны с личными интересами обеспеченных людей (Козлов 1985 : 36).

При исследовании этих лексикографических памятников возникает вопрос: почему именно в первой половине XVIII века составлены рукописные словари, и почему они остались в рукописи?

Стремясь усилить свою власть на местах, царское самодержавие проводило русификаторскую политику путем насаждения христианства, основанными в XVII в. на марийских землях монастырями. Христианизацией мари активно занимались казанские и свяжские монастыри. В конце XVII - начале XVIII вв. самодержавие активизировало русификацию нерусских народов Поволжья - марийцев, татар, чувашей, мордвы и других. В 40-60 годы XVIII в. произошли выступления против принудительной христианизации (История 1986 : II2). Поводом для составления словарей можно считать также незнание марийского языка в деле христианизации. Академия Наук стала интересоваться многоязычием России. По словам критика-демократа Н.А. Добролюбова это "совпало со временем особенно литературного и ученого настроения императрицы (Екатерина II - О.С.). Тут она основала Российскую академию, дозволила заведение вольных типографий, составила план сравнительного словаря всех языков и наречий ... (Добролюбов 1952 : 378). Но, главной причиной возникновения рукописных словарей XVIII века, является христианизация.

Все эти словари остались в рукописи, потому что "комиссия постоянно испытывала большую нужду в денежных средствах; почти две третьих ее переводов остается в рукописях, ожидая издателей" (Зман 1940 : 2). Также можно отметить, что к печатанию мешала и цензура.

Большинство авторов рукописей являются церковными работниками. Они не преследовали научные цели, и, естественно, не были специалистами, например: А. Смирнов был священником, В. Крекнин - протоиереем, И. Платунов - дьяконом.

В данной статье рассматривается "Краткой черемисской словарь съ російскимъ переводомъ собраннымъ Кукарской слободы Троицкого собора Протоіереемъ Василіемъ Крекнинымъ и Спаской церкви Діакономъ Іоаномъ Платуновымъ", который хранится в государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Словарь имеет шифр: Эрмитажный фонд № І97(І). Рукопись составлена в І785 году. Авторы в начале словаря дают "Предисловіе". В нем написано: "Краткой Черемисскаго Языка Словарь при семъ Почтенной Публѣкѣ предлагается; чтожъ до Грамматическихъ Правиль касается: то оныя оставлены потому, что существуютъ подъ названіемъ Сочиненія Принадлежація къ Грамматикѣ Черемисскаго языка, И во всемъ что до склоненій именъ и глаголовъ спряженій надлежитъ, сходственны; Въ разсужденіи жъ наименованія вещей хотя и есть некоторое разнорачіе; ибо въ семъ словарѣ многія найдутся реченія въ началахъ = своихъ съ положенными въ той грамматикѣ несходны: Но сіе потому, что Черемисы по разности масть разное имють нарччіе, а притомъ что и произношеніе ихъ такое, которому прямо изъ большаго съ ними обращенія приучаться надобно."

Какъ видно, словарь написанъ спустя І0 летъ после Первой грамматики. Авторами даются отличія словаря отъ Грамматики І775 года. В. Крекнинъ и И. Платуновъ уже в І785 году понимали, что марійскій языкъ подразделяется на наречія, но на какіе, об этомъ в словаре не указывается. Словарь содержитъ 3І5 листовъ, т.е. 630 страницъ. В немъ болѣе 5000 словъ. В листахъ 272 - 3І5 дается алфавитный указатель: "Реестру Россійскихъ реченій изъ черемисскаго словаря выбранный и по Алфавиту расположенный со означеніемъ страницъ". В этомъ реестре после каждаго русскаго слова приводится № страницъ, на которой данное слово встречается. Этотъ словарь составленъ скорописью на плотной белой бумагѣ, листки с краснымъ обрезомъ. Слова расположены в два столбца. Переплет картонный, корешокъ кожаный.

Словарь начинается с буквы "А", кончается на "Я", всего слова на 22 буквы: "А", "В", "Г", "Д", "И", "Ј", "К", "Л", "М", "Н", "О", "П", "Р", "С", "Т", "У", "Ц", "Ч", "Ш", "Э", "Ю", "Я".

В составе словаря можно выделить несколько лексико-семантическихъ категорій:

а) термины родства: аба или ава 'мать, родительница', вѣнге 'зять', гинда 'сноха', кѣгу 'теща', унука 'внукъ', ку-

Иногда имена прилагательные даются в форме родительного падежа, что вызывает особый интерес: вуднанъ 'оловянный', вургененъ 'медный'.

Авторы попытались переводить на мари́йский язык некоторые предлоги, что им удалось: дэне 'к, ко', дэнз 'со, съ, у', годомъ 'при'. Глаголы даны не в форме инфинитива, а в форме I лица настоящего-будущего времени: полмезештамъ 'свирепствую', пуйремъ 'узаконю', виёмъ 'извинение приношу', пушнем 'молчу, умолять' и др.

В настоящее время некоторые слова используются в другом значении: полмезе 'свирепо, жестокий' вм. 'храбрец', родо шамыц 'родители' вм. 'гости'. Кроме отдельных слов даны и словосочетания: яра жапъ 'праздное время', пылан мардеж 'пасмурная погода', солаште илЕмъ 'въ деревнѣ живу', йге кесе 'казленокъ', ятыръ жошкарге 'красноватый', вютъ туманъ 'волна водная' и др.

В словаре обнаруживаются некоторые неправильные переводы слов: оклегинъ 'оЖели вы!' вм. ок лий гын 'если нельзя', люшкемъ 'колеблюсь' вм. лушкаш 'шуметь'. Иные слова не точны в правописании: шудужарге 'зеленый' вм. шудо ужарге 'трава зеленая', лутымо 'безъ костей' вм. лудымо 'тж.'. В написании сложных слов нет твердых принципов. Нередко встречаются слитные написания: нЕмЕщъцыве 'индийская курица', пуравита 'конюшня'; но преобладают — отдельные: нЕмЕщъ агутанъ 'индийский петух', пи ломпо 'крушина дерево'. До настоящего времени подобные слова пишутся не одинаково (см. Андуганов 1985 : 131). В словаре много слов, выражающие масть лошади: имне жошкаръ 'лошадь рыжая', имнЕ шапъ 'лошадь вороная', имне ракъшъ 'лошадь гнедая', имне чикула 'лошадь коварая', имне ошо 'лошадь белая', имне торъ 'лошадь карая', имне коракъ 'лошадь голубая', имне БриЕранъ 'лошадь верховая'.

Такие слова, как шапъ, чикула, торъ, коракъ редко встречаются и в диалектах или вообще стали архаизмами.

Особый интерес вызывает слово унагудо. Еще в XVIII веке оно использовалось в значении 'постоялый двор'. Впоследствии это слово вышло из употребления. В течение определенного периода вместо него употреблялось заимствованное слово из русского языка гостиница. В настоящее время благодаря усилиям некоторых ученых, писателей и поэтов оно вновь нашло "вторую жизнь". Слово унагудо употребляется в значении 'гостиница'.

Записи марийского материала в словаре весьма несовершенны, поэтому трудно уловить систему передачи марийских звуков. Особенно это выявляется в обозначении гласных звуков переднего ряда, высокого подъема, огубленного ÿ, а также переднерядного, среднего подъема, огубленного ö и в фиксации согласного, заднеязычного н. Так как они отсутствуют в русской орфографии, а словарь составлен на базе русской орфографии.

Специфический марийский гласный ÿ передан: 1) через букву ю: мю кинде 'пряник' в м. мÿгинде; 2) через г : сгáнъ 'бракъ' в м. сгáн, шгáшкгъ пъ 'соловей' в м. шÿшник.

Своеобразный марийский ö передается: 1) буквой Е: Ер-неЕранъ 'верховая' в м. ёртнеёран; 2) через сочетание букв ю: пючюжъ 'брусника' в м. пёччж, пюрь юень 'мушина' в м. пёрёен; 3) через букву о: пюршо 'вихорь' в м. пёртшö.

Заметно число неточностей в передавании звука "ы", потому что фонема ы всегда краткая, а в некоторых положениях, как, например, в заударном (перед сонантами и шелевыми) она может выпасть вовсе (Грузов 1960 : 56). Например: кайкь 'птица' в м. кайк. В одних случаях передается через букву у: курнужъ или курнушъ 'коршун, воронь' в м. курных; в других случаях - через букву и: пистыль 'перо' в м. пистыл, визить 'пятя' в м. визыт.

Переднерядный, неогубленный е передается: 1) буквой Е: денЕ 'к, ко' в м. дене, игЕ коракъ 'ворона молодая' в м. иге корак; 2) буквой Э: дэнЭ 'сс, съ, у' в м. дене, онъ ватз 'королева' в м. он вате.

В передаче переднерядного, высокого подъема и также имеются расхождения: в одних случаях передается как и: тури 'жаворонок' в м. турий; в других - буквой і: віакш оголь 'неправда' в м. виаш огыл.

Заднеязычный носовой н передан: 1) сочетанием букв нг: венге 'зять' в м. вене, допшанге 'шершень' в м. допшанге; 2) через букву н : пюрь юень ватан 'муж женатый' в м. пёрёен ватан.

Сонорный й передается: 1) через й: пайранъ кече 'праздничный день' в м. пайрем кече; 2) через ј: јолёшке 'пехотный, пеший' в м. Йолешке, јолтарь 'скороход' в м. Йолешке; 3) посредством і: іошкаръ 'рыжая' в м. Йошкарге.

В словах проставлено ударение, но непоследовательно: тажá 'здорово', тазá 'цельный', цодра 'лесь', шарá 'льмсий', ото 'остров', лужа 'сотник, сотской'.

В абсолютном конце слова после твердых согласных пишется по правилам русской орфографии того времени, ь "ер", после мягких согласных - ь (Исанбаев 1973 : 64). Это же наблюдается и в этом словаре: ожакъ 'холостой', суасъ 'татаринь', атань, атанемъ 'эй!', сгъань 'брак'.

Помимо исконно марийских слов, в словаре имеются заимствования из других языков, в частности, из тюркских и русского. Среди тюркских заимствований можно выделить: гинга (лит. енгай) 'сноха, жена старшего брата', тат. жинги 'сноха', поран 'штурм', тат. буран, абшртне (лит. агуртньо) 'воробы', тат. зверне 'мотовило, крестовина' (Галкин 1986 : 59). Некоторые слова являются русскими заимствованиями: тумань 'бунтующий', унука 'внук' и др. Это говорит нам о том, что уже до XVIII века лексика марийского языка начинает заметно пополняться за счет русских и тюркских заимствований. Заимствованные слова из русского языка в устной речи мари могло быть и раньше, но, не имея письменности раннего периода, это сказать трудно, ведь первые русские поселения на правобережье Волги до устья реки Суры появляются уже в XII-XIII вв. (История 1986 : 288).

Для исторической диалектологии марийского языка важно выяснить диалектную основу памятника. В анализируемой рукописи написано, что "Краткий черемиской словарь съ російскимъ переводомъ собраннымъ Кукарской слободы Троицкого собора ..." Ныне это город Советск Кировской области. Можно было предположить, что основой составления словаря авторами взято северо-западное наречие марийского языка, так как представители этого наречия проживают на территории Кировской области. Это предположение было бы ошибочным. В словаре встречаются слова из каждого наречия современного марийского языка: абá или авá 'мать, родительница', изи кóль 'рыбка', комбо или комво 'гусь' (Моркинско-Сернурский говор лугового наречия); олянъ 'тихий, тихо', терза 'окно' (восточное наречие); йге кése 'казленокъ', каце 'женихъ' (Йошкар-Олинский говор лугового наречия); солаште илЕмъ 'въ деревнъ живу' (горное наречие); цара (с.-з. диал. цá.рá) 'голый'; цыбенеге (с.-з. диал. цýвни.гñ) 'цыпленокъ', цыбе или цыве (с.-з. диал. цý.вй) 'курица' (северо-западное наречие) (Иванов, Тужаров 1971 : 257, 264).

Несмотря на это, в словаре, в основном, преобладают слова лугового наречия современного марийского языка.

Ценность словаря в том, что он является марийско-рус-

ским, где переведены не готовые русские слова. До настоящего времени памятник сохраняет свою научную ценность. Он содержит значительный лексический материал, что дает нам приблизительное представление о марийском языке XVIII века.

С о к р а щ е н и я

лит. = литературный язык; с.-з. диал. = северо-западный диалект марийского языка; тат. = татарский язык.

Л и т е р а т у р а

А н д у г а н о в Ю. В. 1985, Мут але мут сочетаний? Йошкар-Ола; В а с и л ь е в В. М. 1953, Письменные памятники на марийском языке конца XVII и первой половины XIX века. - Ученые записки МарНИИ У, Йошкар-Ола : 255-271; В а с и н К. К. 1977, Дореволюционные литераторы - просветители и марийская письменность (XVII-XIX вв.) - 200 лет марийской письменности, Йошкар-Ола : 67-76; Г а л к и н И. С. 1986, Марий исторический лексикологий, Йошкар-Ола; Г р у з о в Л. П. 1960, Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола; Д о б р о л ю б о в Н. А. 1952, Собрание сочинения в 3 т., Москва; И в а н о в И. Г. 1966, Марла кнаган историйже гыч. 18-ше курым. - Ончыко : 101-104; И в а н о в И. Г., Т у ж а р о в Г. М. 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола; 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола; И с а н б а е в Н. И. 1973, Неопубликованные рукописи Г. Ф. Миллера по марийскому языку. - Вопросы марийского языкознания III, Йошкар-Ола : 61-72; 1986, История Марийской АССР I, Йошкар-Ола; К а з а н ц е в Д. Е., П а т р у ш е в Г. С. 1972, Современный марийский язык. Лексикология, Йошкар-Ола; К о з л о в В. П. 1985, Колумбы Российских древностей, Москва; 1785, Краткой черемиской словарь съ российскимъ переводомъ ...; К у з н е ц о в а З. И., 1967, Язык письменных коми памятников XVII века, Йошкар-Ола; П а т р у ш е в Г. С. 1958, Из истории изучения марийского языка. - Ученые записки МГПИ I6, Йошкар-Ола : 3-28; Марийские словари XIX и начала XX века. - Вопросы марийского языкознания I, Йошкар-Ола : 17-36; П е н г и т о в Н. Т. 1955, Первый марий грамматика. - Ончыко 6 : 93-94; С п а с с к и й Н. А. 1912, Очерки по родиноведению. Казанская губерния, Казань; Т е п л я ш и н а Т. И. 1966, Памятники удмуртской письменности XVIII века, Москва; Ф е о к т и с т о в А. П. 1968, Истоки мордовской письменности, Москва; 1971, Русско-мордовский словарь, Москва; 1976, Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Ранний период, Москва; Э м а н С. И. 1940, Дореволюционные письменные памятники на марийском языке. - Вопросы истории, языка, литературы и фольклора мари I, Козьмодемьянск : 42-62.

Oleg S e r g e j e v
(Tartu)

KUKARSK MANUSCRIPT OF THE MARI DICTIONARY
XVIII CENTURE
S u m m a r y

The article tells us about the Mari manuscript the dictionary "Краткой черемисской словарь съ російскимъ переводомъ" which was written in 1785. The dictionary maintains not more than 5000 words. The authors of the work are priests W. Kreknin and J. Platonow. The authors describes some lexical, morphological, phonetic peculiarities of the dictionary. Many words are not at met in the present Mari language or are use only in some dialects, e.g. шупш-мо 'pump', зсенлы 'excuse', селт 'cunning', сарженг 'warrior'. The dictionary is valuable source for the study of the history of the language.

A MAGYAR FRAZEOLÓGIAI KAPCSOLATOK KÜLÖNBÖZŐ SZEMPONTÚ
OSZTÁLYOZÁSA

1. A frazeológiai egységek vizsgálata természetesen a nyelvtudomány feladata, aminek több olyan diszciplínája is van, amelybe a frazeológiai egységek problematikája -jóllehet többé-kevésbé mint "határ kérdés" -beletartozik. Ez a problematikaelsősorban a lexikológiai kutatások körébe tartozik, ugyanakkor a frazeológiai egységek jelentéstani alkatát tekintve kapcsolódik a stilisztika kutatásai körébe is. A szótáríró számára a gyakorlat szintjén jelentkezik a probléma - így a lexikográfiának is köze van az állandósult szókapcsolatokhoz. Mivel a frazeológiai egység nemcsak jelentéstani jelenség, hanem szó szerkezet és mondatértékű egység is - így természetesen megvannak a grammatikai (szintaktikai) összefüggései is.

A frazeológiai kapcsolatok vizsgálata szoros kapcsolatban van a néprajzzal, benne a folklórral és általában a művelődéstörténettel, de beletartozik nemcsak a történeti nyelvtanba, hanem táji alakváltozatok és táji eredetük miatt a nyelvjárástörténetbe is (Szatmári, 55).

Mielőtt elkezdenék a magyar frazeológiai egységek különböző szempontú osztályozását, tisztáznunk kell azok fogalmát.

II. A nyelvnek a szavakon kívül vannak több szó kapcsolatából alakult elemei is, az ún. szókapcsolatok. A legtöbb szókapcsolat miután gondolatközlő funkcióját teljesítette, ismét szét hullik elemeire. A szókapcsolatoknak az ilyen típusát alkalmi szókapcsolatoknak (szó szerkezet, mondat) nevezzük, pl.: Megtanulja a leckét; A traktor szántstb. A szókapcsolatok másik csoportja az ún. állandósult szókapcsolatok, amelyek a közlési funkció teljesítése után nem bomlanak szét alkotó részekre, hanem mint igen közkeletű egységek továbbra is együtt élnek a kollektív tudatban, pl.: célhoz ér; kosarat kap; bakot lő; dűlőre jut stb. Ezek az állandósult szókapcsolatok olyanok, mint valami előre elkészített "panelek", amelyeket a maguk összetett formájában használunk fel a

gondolatok nyelvi kifejezésére. Ezek a gondolatok néha átvitt értelműek, pl.: úszik a boldogságban; vargabetűt csinál; olyan, mint egy falat kenyér stb. (Szabó, 115). Az állandósult szókapcsolatokat frazeológiai kapcsolatoknak illetve egységeknek nevezik, átvitt értelemben pedig "a nyelv virágainak". Ezekre a következő sajátosságok jellemzőek; A frazeológiai egységek a szavak kapcsolatai (szó-szerkezetmondát), mind szerkezetüket, mind jelentéstartalmukat tekintve állandó egységként élnek tudatunkban (gyakran egyetlen szóval helyettesíthetők, pl.: elhúzzák a nótáját - megbüntetik stb.); jellemző továbbá rájuk a közkeletűség, rendszerint mindenki ismeri ezeket; a történelem folyamán néha szerkezet- és jelentésváltozáson mentek keresztül, pl.: régi kereskedelemre utalnak: felszedte a sátorfáját elment; egy gyékényen árul vele - azonos véleménye van stb. Az úgynevezett vonzatokat nem tekintjük frazeológiai kapcsolatoknak, pl.: fél vkitől, gondol vmire stb.

III. A frazeológiai kapcsolatok a nyelvben betöltött szerepük, funkciójuk szerint lehetnek: 1. szokványos kifejezések; 2. azólások; 3. közmondások; 4. szállóigék.

A magyar nyelvtudományban a szólások és közmondások frazeológiához tartozásának kérdésében a nyelvészek véleménye megegyezik, továbbá az sem vitatott, hogy minden átvitt és eredeti értelmű állandósult szókapcsolat frazeológiai egység; a több szó kapcsolatából álló földrajzi, személy-, intézmény-, könyv-, újságnevek, megnevezések kivételével, pl.: Kárpáti Igaz Szó, Fekete tenger stb.

1. A szokványos kifejezések általában eredeti értelemben használt szókapcsolatok, de egykét szó lehet azért bennük átvitt értelmű is. Ide tartoznak: a) a társalgási fordulatok: Hogy vagy? Mit csinálsz? stb., b) körülírásként: az eredeti értelemben párosul - kézben tart vkit; rabja vminek (pénznek) stb., c) népmeséi fordulatok: egyszer volt, hol nem volt ..., itt a vége, fuss el véle stb., d) metaforás kifejezések: egy-két szó már átvitt értelmű: kenyeret keres, útra kel, szavába vág stb., e) szokás mondások: bizonyos természeti vagy társadalmi vonatkozású megfigyelés alapján jönnek létre, közelebb vannak a szólásokhoz, pl.: csont van a hasában; nyársat nyelt (egyenes tartású-néha gögös) stb. (Szabó, 119).

2. Szólások - átvitt értelemben használt szókapcsolatok és mondatok. Igen nagy a stilisztikai értékük.

Ide tartozik: a) szólásmód - a mondatba ragozás útján illeszkedik be, pl.: fogáshoz veri a garast; elveti a súlykot stb., b) a párhuzamos felépítésű szólások - le is út, fel is út; se pénz, se posztó stb., c) szóláshasonlatok - egy főmondatból és egy hasonlító mondatból áll - olyan, mint egy falat kenyér (jó), ravasz, mint a róka stb. (Tolnai, 27, O.Nagy, 12).

3. K ö z m o n d á s o k - eredeti vagy átvitt értelmű általános érvényű életigazságot tartalmazó mondatok. a) Az emberrel kapcsolatosak, tanácsok, megfigyelések, ítéletek; pl.: Jobb későn, mint soha; Aki mer, az nyer; Ki korán kel, aranyat lel stb. b) Az időjárással kapcsolatosak, pl.: Ha a hold vörös, szél lesz; Őszit porba, tavaszt sárba (vetést) stb.

4. S z á l l ó i g é k -irodalmi, történelmi, azaz többnyire ismert forrásból származó különféle frazeológiai alakzatok, pl.: Forradalmi elmélet nélkül nem lehet forradalmi mozgalom sem (Lenin); Ember küzdj, és bízva bizzal (Madách) stb.

IV. Az állandósult szókapcsolatokban néha különböző okok következtében megváltozik egyes szavak hangalakja, ragozása stb., de a frazeológiai kapcsolatok különböző változataiban a jelentéstartalom nem módosul. 1. Fonetikai változatok; amikor egyes szavakban egy hang felcserélődik, anélkül, hogy jelentése módosulna, csak tájnyelvi színezetet kap, pl.: Talló (tarló) jukából (Lyukából) fúj a szél - hideg lesz; Mi csuda (csoda) ez? stb.

2. Lexikai változatok - egy-két szó cserélődik anélkül, hogy a frazeológiai kapcsolat jelentése megváltozna, pl.: Keserűség a lelkét elárasztja (elborítja): Ne éhezék (koplalj) mint otthon. Ezeket többalakúaknak is nevezzük. Ezzel szemben vannak az ún. egyalakú változatok is, pl.: dűnbe gurul; észbe kap stb.).

3. Szóképzési változatok - a képzők megléte vagy hiánya miatt nem történik jelentésváltozás, pl.: Az ember (emberiség) javára; Homokra építeni (építés) stb.

4. Morfológiai változatok - a magyar frazeológiai egységek nagy része nyitott egység, nem mondat, ezért rendszerint megváltozott alakban épül be a mondatba, pl.: Harcba száll(-tok) ellene; magába fojt(-totta) érzelmeit stb.

5. Szintaktikai változatok - megtörténhet, hogy a frazeológiai kapcsolatokban az egyszerűsítés vagy komplikálás

érdekében egész sor szerkezeti változás megy végbe jelentésmódosulás nélkül, pl.: úgy néz rám, mint a kutyájára: kutyás (görbe) szemmel néz rám, kutyául néz rá stb. Az utóbbi mondatok az egyszerűsítés (redukció) példái is (Изракевич, 68).

V. Mint a szavakat, hasonlóképpen a frazeológiai egységeket is csoportosítani lehet társadalmi fontosságuk szerint: a) az alapszókészletbe tartozóak, pl.: Lassan járj, tovább érsz; Jobb későn, mint soha stb.; b) a kiegészítő szókészletbe pedig a következők tartoznak, pl.: Eben gubát cserél; Sok az eszkimó, kevés a fóka stb.

2. A nyelvhasználat vidékenként is eltéréseket, különbségeket mutat, ezek a nyelvjárásra jellemző tájnyelvi frazeológiai kapcsolatok, pl.: üllőüre ver "munkára készül"; elment medve-táncot nézni "nem munkával tölti az idejét" (Rivnye, Kárpátontúl). Ebbe a csoportba tartoznak jórészt a személy- és földrajzi neveket tartalmazó frazeológiai kapcsolatok (Zékány; 1978, 87).

3. A frazeológiai kapcsolatok társadalmi rétegek szerinti megoszlása: a) szaknyelvbe tartozik, pl.: pedagógiai felkészültség; mesterséges hold stb., b) az ifjúságnyelvére jellemző frazeológiai egységek, pl.: gyere zsongálni (kártyázni); klassz csaj (jó lány) stb., c) a zsargonba (a tolvajnyelvbe) tartozók, pl.: zribe vesz (megbosszant), drótot (értésítést) kap stb.

4. Az élőnyelvi használathoz viszonyítva a frazeológiai egységek így oszlanak meg: a) archaizmusok, pl.: Ha mádraral tárgyalasz, íjadat ne pengesd!; A búza nehéz veretű, könnyű nyeletű stb. Itt kell megemlíteni azokat a régi szavakat, amelyek csak egy-egy szólásban élnek, pl.: kordában tart, zokon vesz stb., b) neologizmusok, pl.: viselkedéskultúra; leesett a tantusz (megértette) stb.

5. A valóság és a tartalom viszonylatában a frazeológiai kapcsolatok bizonyos szituációkban lehetnek: alkalmi és állandó jelentésűek, pl.: nehéz keze van; ölbetett kézzel ül stb.

6. A frazeológiai kapcsolatok a jelentéstartalom változása szerint lehetnek csak a) eredeti értelemben használatosak, pl.: Jó napot!; írásba foglal stb., egyes szavak csak b) részlegesen átvitt értelmű, pl.: előnti a harag, jó útra tér stb., c) teljesen átvitt értelműek, pl.: fogához veri a garast; zöldágra verődik stb.

7. A hangalak és a jelentés szempontjából a frazeológiai kapcsolatok lehetnek: A. Egyjelentésűek, pl.: Heten vannak, mint a gonoszok (éppen heten vannak), megüt a guta (megöl a bosszúság) stb., és B. Többjelentésűek, pl.: Egy gyékényen árul vele (a) olyan szegény, mint amaz; b) jól megvan vkivel, mert ugyanaz, c) ő sem különb nála (rosszszállóan) stb., C. Azonos jelentésűek, pl.: Egy gyékényen árulnak; Egy hajón eveznek; Egy húron pendülnek; Egy követ fújnak stb., D. Rokon jelentésűek, pl.: Olyan, mint az árnyék; Vékony, mint a cinege; Olyan, mint egy gube; Csak csont és bőr (soványat, szikárat, véznát, gebét jelentenek) stb. E. Ellentétes jelentésűek, pl.: Diót lehetne verni vele (hosszú); Rövid, mint a nyúl farka stb. (Zékány; 1977, 67).

VI. A frazeológiai egységek szerkezeti-grammatikai vonatkozásban két nagy csoportra tagolódnak: A. a frazeológiai mondatokra (hiányos vagy teljes mondatokra) és B. a frazeológiai szerkezetekre (frazémákra), melyek tagjai között logikai vagy grammatikai szerkezetes kapcsolatok vannak és így épülnek be a mondat tartományában (Mindkét grammatikai alakulatot továbbra is frazeológiai egységnek, illetve kapcsolatnak nevezzük). A frazeológiai mondatok (közmondások, szóláshasonlatok) a frazeológia szempontjából is zárt kapcsolatok, mert grammatikailag mondatokká formáltak, a szövegnek megfelelő logikai rendben soroljuk őket a mondatok közé és összességükben kommunikatív jellegűek.

1. Jelentésük szerint: a) Kijelentő mondatok, pl.: Kéz kezet mos; Szegény, mint a templom egere stb., b) Felkiáltó mondatok, pl.: Többet ésszel, mint erővel! stb., c) Kérdő mondat: Hol jár az eszed, stb., d) Óhajtó mondat, pl.: Legyen béke!

2. Alakjuk szerint: a) Állító mondat: 1. fentebb, b) Tagadó mondat: Nem fél semmitől stb., c) Tiltó mondat: Ne bántsd a madarat! stb.

3. Szerkezetük szerint: a) Egyszerű mondatok: A tudás hatalom (tőmondat), Jó reggelt! (hiányos mondat): Nem teszi ki az ablakába (bővített mondat), b) Mellérendelő összetett mondatok, pl.: Nemcsak dicsérni kell a jót, hanem követni is (kapcsolatos); akár volnál, akár se (választó), kicsi a bors, de erős (ellentétes); Megmondtam, hát jól vigyázz! (következtető), kár a benzinért, úgysem sikerül (magyarázó) stb.; c) Alárendelő összetett mondatok: Aki nem dolgozik,

ne is egyék (alanyi), A munka az, ami értékessé teszi az ember életét (állítmányi), Amit ma megtehetsz, ne halaszd holnapra (tárgyi); Hol a szabadság, ott van a haza (határozói); Amely kutya ugat, az nem harap (jelzői) stb.

B. A frazeológiai szerkezetek (frazémák) - nyitott kapcsolatok, ezek nem mondatok, tehát nem a mondatok közé, hanem a mondatokba épülnek be, megváltoztatják néha grammatikai szerkezetüket, általában nominatív jelentésűek.

1. Névszói frazeológiai szerkezetek; egészséges gondolat, a) jó barát (melléknév és főnév) stb.; Az idő szelleme, A haza bölcse (főnévi alany és főnév birtokos esetben) stb.; b) Jó napot (melléknév és főnév tárgy esetben), cseberből vederbe; szemtől szembe; napról napra (főnév elativusi, delativusi és ablativusi esetekben és főnév illativusi, sublativusi esetekben) stb.; c) égen és földön; se pénz, se posztó; mint hal a vízben (főnevek különböző esetekben mellérendelő és alárendelő kötőszókkal) stb.

2. Igei frazeológiai szerkezetek, pl.: a) férjhez menni; munkába lép; magasba emel (főnevek allativusi, illativusi, superessivusi esetekben és ige) stb., b) jól áll, itt felejt, ott hagy (határozószók és ige) stb., c) célt téveszt; igazat ad, helyet foglal (főnév tárgyesetben és ige) stb.; d) nevetés nélkül megállja; föld alatt pihen (főnév névutóval és ige) stb.; e) nem veszi be; rá sem bagózik (tagadószó és ige) stb. Megjegyzendő, hogy anyitott frazeológiai szerkezeteksokszor mondatokként használatosak bizonyos szövegkörnyezetben, pl.: Jó napot!, Se pénz, se posztó stb.

3. Modális frazeológiai szerkezetek - csak módosíthatják a mondat értelmét, semmiféle nominatív jellegük nincs. Két típusuk ismeretes: a) igei, pl.: úgy mondják; úgy hallatszik (határozószó és ige) stb., b) névszói modális szerkezetek, pl.: annak ellenére, hogy...; anélkül, hogy... (névmás névutóval és alárendelő kötőszó), (Зикань: 1975, 307; Rozgonyiné, 338).

VII. A frazeológiai kapcsolatoknak igen nagy stilisztikai jelentőségük van. Értéküket főképpen képszerűségükből nyerik - bár képszerűségüket nem szabad minden állandó szókapcsolatban keresnünk. Legkifejezöbben a szólás törekszik szemléltetésre. Fő eszköze a hasonlat (szókép, metafora) és körülírás. A szólásokat a képszerű gondolkodásmód

kedveli (a dolgozó parasztság, költők, írók stb.), a fogalmi gondolkodásmód inkább a bizonyító erejű közmondásokkal, szállóigékkel él. Kétségtelenül az útóbbinak is vannak stilisztikai értékei.

1. Vannak stilisztikai szempontból közömbös frazeológiai egységek, ide tartozik a szokványos kifejezések nagy része, pl.: előadást tart; végzést hoz; mi újság? stb., (társalgási fordulatok) hátat fordít vminek; de az ún. metaforás kifejezéseknek már nagyobb a stilisztikai értékük, több a hangulatuk, pl.: szegyent vall; jó útra tér stb. Ezek a kifejezések felidéznek bizonyos szakmai környezetnek a hangulatát is, esetleg hivatalos színezetet juttatnak kifejezésre, pl.: eljárást indít, végzést hoz stb.

2. A stilisztika szempontjából a legkifejezőbbek a szólások és szóláshasonlatok. Vannak köztük választékos, finom hangulatúak, amelyek az irodalmi nyelvnek a szépprózai stílusában használatosak, pl.: egy szív egy lélek voltak; fehér, mint a liliom stb. A szólások egy része a tudományos, publicisztikai stílusban is előfordulnak, pl.: pálcát tör fölötte; fontolóra vesz stb. Gyakran használják ebben a stílusgyakorlatban a szállóigéket, pl.: Forradalmi elmélet nélkül nincs forradalmi mozgalom sem (Lenin) stb.

3. A frazeológiai egységeknek különösen gazdag felhasználási lehetőségük a köznyelv társalgási nyelvében. Akadnak köztük nagy számban tréfás hangulatúak, pl.: itatja az egerket; összerúgják a patkót; lógatja az orrát stb.

Kimeríthetetlenül gazdag a frazeológiai egységeknek, különösen a szólásoknak a stiláris értékei, pl.: lóvá tesz vkit; kifizetik aprópénzzel; ellátja a baját; falhoz állít vkit stb. Ezek a kifejezések rokon értelműek, köztük stiláris különbségek vannak.

A szóláshasonlatok tartalmuknál fogva fontos nyelvi eszközei a nagyításnak és a túlzásnak, pl.: reszket, mint a nyárfalevél; karcsú, mint a nádszál; gyors, mint a villám stb. A közmondások, szállóigék gyakran oktató célzatúak, ugyanakkor nélkülözhetetlen elemei a stílus élénkítésének, szemléletességének, pl.: Legjobb az egyenes út; Jobb későn, mint soha stb.

4. A bizalmas, lazább társalgási nyelvben gyakoriak a durva tartalmú, hangulatú frazeológiai egységek, mint például: vastag a bőr a pofáján; tudja, mitől döglök a légy; fene egye meg stb. Vannak ezeknél még különbek is, a vulgáris

kifejezések: a káromkodások, amelyek ellenkeznek a jó ízléssel. (Fábián, 59).

VIII. A frazeológiai egységeknek is megvan az eredetük és történetük. Etimologizációjuknál elemezni kell jelentésüket, grammatikai megszerkesztésüket és kultúrtörténetüket. A frazeológiai egységek elemzésekor tapasztalni lehet, hogy némelyiküknek a történelmi változások folyamán módosult a jelentése, szerkezete. Megtörtént ez különösen az idegen eredetűeknél. A frazeológiai egységekben megőrződött igen sok történelmi esemény és szokás, pl.: Több is veszett Mohácsnál; Lótték már Budán, már elmúlt dél (valamikor a budai várban lótték a delet) stb. Sok régi személy- és földrajzi név, valamint köznévként már csak a frazeológiai egységekben él archaizmusként a köztudatban.

1. Eredetük szempontjából a frazeológiai egységek két nagy csoportra oszthatók: eredeti magyarra és idegenre, jövevényre. Az eredeti magyar kifejezések között szép számmal találunk finnugor korból származó egységeket, amelyek megőrződtek mindmáig a magyar nyelvben, pl.: észben tartani (ész+ meeles pidama; mordvin: мельскярдемс 'ua'); úgy szalad, hogy a lába se éri a földet stb. Sok finnugor nyelvben megtalálhatók ennek és másoknak variánsai, amelyek bizonyítékai lehetnek annak, hogy a finnugor alapnyelvben voltak már alárendelő mondatok. Ezek között igen sok az ún. szomatikus (testrészekkel kapcsolatos) frazeológiai egység.

Az eredeti frazeológiai egységek nagy része mára magyar nyelv külön életében keletkezett, pl.: lóvá tenni, csak egyszer volt Budán kutyavásár stb. Nagy részük idióma, melyet nem lehet szó szerint lefordítani (Зикань : 1967, 165).

2. A jövevény frazeológiai egységek is bizonyítékai azoknak a kultúrhatásoknak, amelyek sok évszázados együttélés következtében érték a magyarságot; a következő népek kultúrái hatottak: török népek, pl.: Megette kenyere javát; elégett a gyertyája; szakállamra mondom stb.; szláv népek, pl.: sovány, mint a deszka (худой, как доска), ül, mint a tuskó (сидеть, как пень) stb. (Зикань : 1978, 87). Német népek, pl.: lelkére kötni (auf die Seele linden); szerencsés keze van (eine glückliche Hand haben); jól néz ki (er sieht gut aus) stb. (Зикань : 1970, 87). A latin nyelv több mint 800 éven keresztül, 1844-ig hivatalos nyelv volt Magyarországon, pl.: A köz javára (pro bono publico); Nevetve megmondani az igazat (ridendo dicere verum) stb.

3. A magyar nyelvben a frazeológiai egységek egy bizonyos rétege nemzetközi jellegű, ilyenek az ógörög kultúra kifejezői pl.: Ismerd meg önmagad; Demoklesz kardja stb. Francia és olasz eredetű frazeológiai egységeink is vannak, amelyek magyarra fordítva vagy eredeti nyelven használatosak, pl.: Utánunk az özönvíz (Après nous le deluge); Hagyjatok fel minden reménnyel; kik ide beléptek (Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!).

Nemzetköziek úgyszintén a magyar nyelvben a marxizmus-leninizmus klasszikusai által alkotott frazeológiai egységek, pl.: Forradalmak - a történelem mozdonyai (Marx); Inkább kevesebbet, de jobban (Lenin) stb.

R ö v i d í t é s e k é s i r o d a l o m

Fábián = F á b i á n P.-S z a t m á r i, I.-T e r e s t y é n i F., 1974, A magyar stilisztikai vázlata. Bp.; Ижакевич-1982. Русский язык. Киев. O. Nagy = O. N a g y G., 1954, Mi a szólas? Bp.; Rozgonyiné = R o z g o n y i n é M o l n a r E., 1981, Nyr. 105. évf. 3. sz. Bp.; 338-77; Szabó = S z a b ó D., 1958, A mai magyar nyelv. I. r. Bp.; Szatmari = S z a t m á r i I. 1966, Gondolatok a magyar frazeológiai kutatásról. Mny, LXII. 4. sz. Bp.; 54; Tolnai = T o l n a i V. 1910, A szólasokrol, Bp.; Zékány = Z é k á n y I. 1978, A karpátontúli magyar nyelvjárasok frazeológiai egységeinek típusai. Fennougristica, 4. Tartu, 85-94; 1977, A magyar nyelv frazeológiai egységei lexikai összetételük szempontjából. Magyar nyelv nemzetközi konferenciaja. Nyiregyháza, 57-59;

Зикань = З и к а н ь И. 1967. К вопросу о происхождении фразеологических оборотов в современном венгерском языке. Материали XXI науковoi конф. Київ, 163-168, 1978, Славянские фразеологические заимствование в венгерском языке. - Тезиси докладов Всесоюзного совещания финно-угроведов. Ужгород, 91-92; 1970, Немецкие фразеологические единицы в венгерском языке. Слов"янсько-угоські міжмовні та літературні св"язки, Ужгород, 113-120, 1975, Венгерские фразеологические единицы с грамматической точки зрения. Fennougristica. I. Tartu, 307-312.

Имре Зикань
(Ужгород)

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА

Резюме

В статье рассматривается классификация фразеологизмов венгерского языка с точки зрения таких признаков: семантики, функции лексико-грамматической характеристики, эмоционально-экспрессивных особенностей и происхождения устойчивых словосочетаний. Исходя из таких признаков, автор выделяет устойчивые словосочетания различных типов, пословицы, поговорки, крылатые выражения, а также дает их соответствующий анализ. Такая классификация сыграет определенную роль в дальнейшем исследовании фразеологии венгерского языка.

РОЛЬ ПРИЧАСТИЙ В ИСТОРИИ КОМИ ЯЗЫКА

О.1. В ряду насущных задач коми лингвистики особое место занимает дальнейшая разработка исторической грамматики. Разработка теории развития языка основывается во многом на данных современных языков и сама прямо влияет на дескрипцию современного языкового состояния в нормативных грамматиках. Данная статья является реакцией на довольно одностороннее представление в исторических грамматиках системы причастий коми языка как константного образования, продукта диахронных изменений прауральских отглагольных имен (Серебренников 1963: 293-301; Лыткин 1977: 73-76). На самом деле система партиципов сама подвергалась и подвергается изменениям от прапермского состояния до настоящего времени. С другой стороны, партиципы, являясь открытой языковой структурой, послужили основой для возникновения новых грамматических явлений. Это еще раз доказывает положение о том, что причастия в системном виде оформились уже в общепермском языке. Ниже дается краткая характеристика основных направлений переходных явлений. Сами же они требуют углубленного изучения ввиду их неисследованности.

О.2. В основе подобных процессов лежит явление транспозиции в широком смысле. Языковая транспозиция основывается на явлении переосмысления исходных словоформ (транспонанд) в конечные (транспозат). В большинстве случаев происходит функциональная переориентация словоформ, на основе которой возникают качественно иные грамматические явления. Подобные переходные процессы произошли и происходят в большинстве языков разных генетических групп.

Принимая систему языка как некую подсистему, состоящую из множества подсистем, выделяем глагол как некую иерархически организованную макросистему с ядерными структурами - финитными формами и периферийными - инфинитными. Исходя из этого, взаимоотношения причастий с другими подсистемами языка можно описывать в двух срезах: 1) внутри вербальной системы (причастие -> финитная форма; причастие -> деепричастие), 2) вне вербальной системы (причастие -> адъектив;

причастие → субстантив). В целом в истории коми языка партиципы сыграли важную роль в развитии морфологической системы.

1.1. Причастие → финитная форма. В этом аспекте в пермских языках возникла особая форма прошедшего времени на базе перфектных причастий на *-em, -em*, напр., устьъм пу 'упавшее дерево' → пу устьъма 'дерево упало'. Существенным замечанием по этому поводу является то, что образование форм времени ретроспективно возводимо к *m*-овым причастиям в активных значениях, но не пассивных. В имеющихся исследованиях это существенное положение вообще не отмечается.

Причастия как источник развития личных глагольных форм очень популярны в истории многих языков, например, санскрита, индо-европейских, среднеиндийских, тюркских и т.д. (Серебренников 1974 : 196-208). Во многих финно-угорских языках причастия прошедшего времени образовали формы прошедших времен, но по-разному. В прибалтийско-финских и волжских языках образовались аналитические формы прошедших времен путем сочетания вспомогательного глагола и причастия (т. н. "западный" тип). В пермских же и угорских языках произошло возникновение синтетических форм времени - причастие + личное окончание, напр., в венгерском на основе причастия на *-t/-tt - irt -ad* 'ты писал', в обско-угорских на базе *m*-овых причастий - манс. unt-um-əm 'я сел, оказывается', хант. map-m-em 'я шел' (Майтинская 1979 : 47-48). К.Е. Майтинская считает развитие отпричастных прошедших времен в пермских и обско-угорских языках поздним явлением (Майтинская 1979 : 48). Но несомненна типологическая общность рассматриваемого явления в данных языках.

Однако в имеющихся исследованиях выявлены и решены далеко не все проблемы *II* прошедшего времени коми языка. В вопросе о семантике и терминологии времени многое упорядочивает работа Р. Бейкера. Он выявил во всех случаях употребления одно константное условие - говорящий при порождении высказывания постоянно вкладывает идею невовлеченности, своего неучастия в действии, причем информативная задача включает сообщение результата, а не способа и путей действия (Zaker 1983 : 73). Пример: Зон омблътчъма, бан бокъясыс топалъмабсь, лъз синъясыс въйъмабсь пъдъдз (ЛИИ II4) 'Парень похудел, щеки ввали, голубые глаза ввалились до глубины'. Однако история возникновения особенностей значения будет освещена не полностью без указания на первоисточник такой

специфики. И в этом отношении было бы интересно провести параллели с особенностями семантики активных значений причастий на *-em*, *-ema*.

Проблематичен вопрос о приемлемости парадигмы форм II прошедшего времени в литературном языке. Непонятно, почему бы не включить в систему форм показатели Isg, Ipl, если они употреблены во многих диалектах, напр., в верхнесельском — *мэ тай горшбс пась'кбдбма да лбвбс пэряа уджала* 'Я вот из-за жадности работаю, выбиваюсь из сил' (ВСД 256) и, хотя и редко, в литературных текстах. Ввиду широкого употребления в диалектах и в художественной прозе считаем правомерным включить в литературную норму и суффикс *3pl-нз*, как синонимичный формант *k-es'*; напр., *найб усьбмны* 'они упали, оказывается', *доктбмны, доктбмабсь* 'пришли'. Эта нормализация, несомненно, обогатила бы грамматику литературного языка и расширила бы его экспрессивные возможности.

Открытым, на наш взгляд, до сих пор является вопрос об относительной хронологии развития отрицательных прошедших времен в пермских языках. Высказано мнение, что перфекта в общепермском языке не было, он развился позднее, самостоятельно в разных языках (Серебрянников 1963 : 252). Такой вывод обосновывается фактом неодинаковой личной суффиксации в пермских языках. Думается, теоретически не исключено, что перфект изначально мог быть в формальном отношении отличным от нынешнего, без оформления личными формантами. Во всяком случае во многих языках глагол может и не иметь спряжения по лицам, например, в древнем монгольском языке и др. (Мещанинов 1982 : 67). Поэтому считаем, что время формирования II прошедшего времени может определяться и более ранним периодом.

1.2. Причастие → деепричастие. Этот переход входит в общеязыковую универсалию, транспозицию причастие → инфинитивная глагольная форма в функциях причастия и деепричастия → деепричастие, которая представлена во многих уральских и других языках. Словоформы с одним и тем же суффиксом выступают как причастия и деепричастия в саамском языке, в марийском деепричастия возникли из причастий. Причастия широко употреблены в функции обстоятельства в прибалтийско-финских языках, напр., в эстонском — *Käed välja sirutatud, guttas onu külalisele vastu* 'Протянув руки, дядя поспешил навстречу гостю' (Ууспяльд 1967 : 17). Подобного порядка явления представлены и во многих других языках, например, в

русском языке исторически деепричастия возникли из причастий, что отражено и в самих этих терминах.

Коми причастия, однако, не очень широко употреблены в функции обстоятельства, это относится к словоформам с суффиксами *-шеп* и *-ана*. Вероятно, из-за сравнительно нечастой их дистрибуции они не были предметом более детального анализа.

Наиболее древней особенностью полифункционального употребления является дистрибуция словоформ с *-шеп*, в удмуртском с *-шоп*. Вероятно, это является древней чертой, идущей еще от прапермского состояния. В коми языке такое употребление в атрибутивной функции до сих пор специально не выделялось, хотя оно является отражением более архаичного состояния, напр., *Шмотьялб-ветлб му вывтї доэмбр, ... а вежбрыс сбмын курбглы кокыштмбн* (ЮВ 46) 'Грузно ходит по земле глухарь, ... а ума у него столько, что только курице клонуть'. Более подробно история и значение формантов, синтаксическая дистрибуция словоформ и вопрос категориальных статусов уже описывались (Цыпанов 1985 : 182-189).

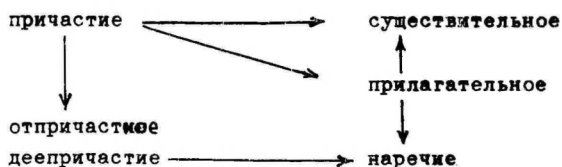
В коми языке в функции обстоятельства употребляются и формы, возводимые к причастиям презенса на *-ана*. Характерно, что такие формы возводятся лишь к партиципам в активных значениях, напр., *Лбвтана пбчбыс висьталіс* 'Стонущая старуха сказала' → *Локтїс пбчбис да лбвтана висьталіс* (ЮГ 152) 'Пришла старуха и, испуская стон, сказала'. В грамматиках и исследованиях по диалектам последнего времени такое употребление вообще не фиксируется и не интерпретируется, поэтому вопрос о качестве и статусе подобных образований особенно актуален.

Отпричастные словоформы на *-ана* не идентичны уже выделенным в литературе конструкциям из причастия с глаголом *колыны* 'остаться' - *baba bergdan kol'i 'die Frau blieb weinend zurück'*, которые Д. Фокош-Фукс справедливо считает не деепричастиями, а способом предикативного выражения (Фокош-Фукс 1958 : 336). Их выделяет Д.В. Бубрих и характеризует как вербальные наречия - *Но, - грбзитыштанаа юаліс* Фигура 'Ну, - угрожающе спросил Фигура' (Бубрих 1949 : 137). С точки зрения хронологии это явление несомненно новое, в диалектах не зафиксированное. Оно в основном представлено в переводной литературе и произведениях прозы. Однако такие употребления учащаются в современной коми литературе, и в особенности в повестях и романах Геннадия Юшкова. Интересно

проследить причины такого явления, во временном плане оно охватывает нынешнее столетие.

Особенно проблематичен вопрос о статусе подобных образований на парадигматическом уровне. Естественно, исходя из синтаксической дистрибуции, можно допустить их теоретическую интерпретацию или как деепричастий, или как особой группы наречий. Сложность заключается в том, что полная категоризация вообще недопустима, т. к. в одних случаях на первый план выступают дистинктивные признаки наречий — шмонитана гарыштны 'шутливо проговорить', яндисяна видзбдын 'стыдливо смотреть', в других случаях налицо выражение действия и управляемые зависимые распространители, напр., Пинь ныжмбдана тiнякылiс злалбмысла нбйтчыс трос (ЮГ 152) 'Ступляя зубя, звенел бьющийся от напряжения трос', лым вылын веж петкбдлана быгласны понъяс (ЮГ 383) 'на снегу, вызывая зависть, барахтались собаки'. Таким образом, проблема их статуса в морфологической системе коми язyka пока остается открытой.

2.0. Взаимоотношения партиципов с лексико-семантическими группами слов, в первую очередь с именными, вписываются в процессы адъективации и субстантивации. В сущности эти процессы основаны на транспозициях одних категорий слов в другие (или функциональных, или семантических). Однако переходные процессы не ограничиваются лишь адъективацией и субстантивацией, а далее словоформы, возводимые к причастиям, могут переходить в другие категории. Процессы переходов:

Однако в реальности нельзя абсолютизировать транспозицию с полным переходом, т. к. в языке вовсе не обязательно синтаксическое функционирование словоформ предполагает строгую однозначность с качеством лексико-грамматических групп слов. В описании таких переходных процессов кроме синтаксических причин необходимо иметь в виду и то, что языковая система в целом и ее подсистемы организованы по принципу центр-периферия, т. к. классы слов изначально являются открытыми структурами. Принцип центр-периферия впервые был выдвинут чешскими лингвистами и в финно-угроведении приме-

нен при описании прилагательных эстонского языка на синхронном уровне М. Эрелто (Эрелт 1981 : 18-20). В целом для описания переходных явлений в коми языке с точки зрения истории и в синхронном срезе необходимо выработать принципы и методику анализа, основанные на последних достижениях теоретической лингвистики.

2.1. Описание процесса адъективации интересно проследить в сравнении с материалом удмуртского языка. Если определенная часть этимологически общих причастий в семантическом плане будет тождественной или близкой, то хронологически начало процесса можно относить к прапермскому периоду.

Собственно причастия и отпричастные адъективы являются омонимичными образованиями, напр., уджалысь йбз 'рабочий люд', вбрын уджалысь бригада. 'работающая в лесу бригада', киссьбм кблуй 'дряная, плохая одежда', джоджб киссьбм бусиас 'рассыпавшиеся на пол бусинки'. Ход процесса понимается как разложение единицы на два функционирующие по разному варианту (категориальный дублет исходной) (Гнатюк 1982 : 31). Лексикализация происходит по мере развития узואально качественного значения на базе одного из них.

Множество словоформ можно считать уже полностью адъективизированными в коми языке, напр., кывзсысь 'послушный', нлвдчсы 'обманчивый', ндждалысь 'капризный', юсь 'пьющий', туян(а), шогман(а). 'годный', колан(а) 'нужный', тбдчана 'заметный', пыдди пуктана 'уважаемый', шубитана 'негодный, бросовый', вобм(а) 'спелый', кольбм 'прошлый', туйтбм, шогмытбм 'негодный', ковтбм 'лишний' и т. д. С развитием коми литературного языка процесс адъективации усиливается, в словарях коми языка полная адъективация многих партиципов не отражена. Данный процесс имеет в разных языках много общего, но в каждом языке есть свои особенности. Несомненно, они есть и в коми языке. Обширность и богатство материала адъективации партиципов в коми языке настоятельно требуют специальных разысканий по этой теме. В русистике, например, на эту тему написано уже множество статей, около десятка кандидатских диссертаций и монография (Калакуцкая 1971).

2.2. Субстантивация коми партиципов до сих пор специально еще не описывалась, хотя это самостоятельный, параллельный адъективации языковой процесс. Относительно хронологии процесса необходимы также сопоставительные исследования. В основе субстантивации лежит функциональная транспозиция, когда причастие принимает на себя именные синтаксические функции.

В лексике коми языка прочно закрепились полностью субстантивированные образования, напр., борган 'водопад', жын-нян 'колокол', чушкан 'оса', панан 'пряжа', сеян 'еда', юан 'питье', кулъм(а) 'мертвец', пъръм 'ветролом', пыктъм 'опухоль', кыйъм-виъм 'охотничья добыча', коштнтъм 'ерунда, вздор, ненужное' и т. д.

Одной из характерных особенностей этого процесса является то, что в большинстве субстантивных употреблений participii вовсе не лишаются вербальных свойств, а синтезируют в одной оболочке вербальное содержание с именным функционированием. Особенно часто это представлено у причастий прошедшего времени на -еп, -епа - Сиктв ветлъмаяслю коліс нин воны (РЕ I37) 'Уходившим в село следовало бы уже прийти' (людям), Тэ меным събкыд удж сетан, Василий Александрович, - рисуйтны сувтвдалъмаясвс (ШП I43) 'Ты мне тяжелую работу даешь, Василий Александрович, - рисовать поставленных' (группу людей). Анализ такой дистрибуции интересно проделать в отношении информативности причастий, соединения в них выражения действенности и предметности. Процесс субстантивации коми причастий несомненно должен иметь идезнические особенности.

3.0. Очерченные линии взаимоотношений причастий с другими подсистемами языка заслуживают более углубленного анализа и дальнейшей их интерпретации в исторических грамматиках и планируемой в будущем грамматике современного коми языка нормативного характера.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Б у б р и х Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград; ВСД - Ж и л и н а Т. И., Верхнесольский диалект коми языка, Москва 1975; Г н а т ю к Г. М. 1982, Взаимодействие глагольных и именных категорий в системе причастия. Автореф. докт. дисс., Киев; ИИ - И. И. З л ь р о в, Том олъмй том гажй, Сыктывкар 1962; К а л а к у ц к а я Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке, Москва; Л ы т к и н В. И. 1977, Историческая морфология коми языка, Пермь-Сыктывкар; М а й т и н с к а я К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва; И щ а н и н о в И. И. 1982, Глагол, Ленинград; РЕ - Е. Р о ч е в, Лвз тундра, Сыктывкар 1980; С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва; 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва; У о с п ы л ь д Э. 1967, Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом - глагольной формой на -dez, -nata, -nud (~ -nuna), -tud (~ -tuna) Автореф. канд. дисс., Тарту; Ц ы п а н о в Е. 1985, К истории сффикса

-мен в коми языке. - СФУ XXI, 1985, № 3, с. 182-189; ШП - П. Шахов, Повестьяс, Сыктывкар 1977; Э р е л т М. А. 1981, Синтаксис прилагательных эстонского языка. Докт. дисс. Таллин; ЮВ - В. Ю х н и н, АлВЙ лента, Сыктывкар 1981; ЮГ - Г. Ю ш к о в, Чугра, Сыктывкар, 1981;
Ва к е р, R. W. 1983, Komi Zyryan's second past tense - FUF 45: 69-81; F o k o s - F u c h s, D. R. 1958, Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. - ALHung. VIII : 273-341.

Jevgeni C y p a n o v
(Syktyvkar)

THE ROLE OF PARTICIPLES IN THE HISTORY OF THE KOMI LANGUAGE
S u m m a r y

The paper deals with the analysis of grammatical innovations in the history of the Komi language, which developed on the basis of participles. Within the verb system forms of the 2d past tense formed from the active meanings of the perfect participles, ending in -em. Participles ending in -an, -ana serve as a basis for a boundary class of words, which may be partly interpreted as adverbial participles, partly as verbal adverbs. Outside the verb system participles are widely adjectivized (transfer into adjectives), substantivized (transfer into substances) and adverbialized. These transfers should be studied closer.

АБЛАТИВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аблатив как абсолютный падеж в современном марийском литературном языке не встречается. Однако он является живым, продуктивным падежом в диалектах марийского языка. Между тем в исследованиях по марийскому языку, в учебных пособиях для вузов и в грамматиках встречаются самые противоречивые суждения и выводы при определении статус-кво данного падежа и ареала его распространения (Сочинения I775 : 48-49; Castrén I845 : §II; Wiedemann I847 : §23; Веке I910-I911 : 232; Lewy I922 : II8-I22; Wichmann I923 : II3; Иванов I981 : 51). Ни в одном исследовании не дано полного описания морфологических признаков аблатива и его падежных значений. Не даны точные границы функционирования аблатива.

Аблативные формы приведены еще в первой марийской грамматике в системе местоимений. Например, в ед.ч.: киôлець 'от кого', милецемь 'от меня', тылецеть 'от тебя', тудолець, тутлець 'от него', тыделець, тытлець 'от сего'; во мн.ч.: мелецна 'от нас', телецта 'от вас', нунолець 'от них', ныне-лець 'от сих' (Сочинения I775 : 48-50). Но эти словоформы автором без всякого основания названы формами творительного падежа. Аблатив в этой грамматике не упоминается. Кроме того, в творительном падеже совершенно необоснованно даны как однокатегориальные такие словоформы, как кудолене и кудолець 'которым, от которого' (50). М.А. Кастрен в своей грамматике показал, что в 19 в. этот падеж широко употреблялся в горном наречии (Castrén I845 : §II). Исследование категории падежа показывает, однако, что как в горномарийской литературной норме, так и в горном наречии аблатив как остаточное явление в настоящее время встречается только в рамках местоимений. Его вытеснило сочетание существительного с послелогом дорц 'от', гъцц 'из'. В учебном пособии по марийской диалектологии для вузов аблатив как падеж вообще не рассматривается (Иванов I981).

Однако фронтальный анализ языка диалектов, а также исследование грамматических признаков и функций аблативных

форм позволяют сделать вывод, что аблатив является живым и продуктивным падежом в йошкар-олинском и уржумском говорах лугового наречия (об ареале распространения этих говоров см. Иванов 1981 : 37-51). Грамматическим показателем его служит формант -lec, -leč. Отвечает он на вопросы kólec, -č 'от кого?' molec, -č 'от чего?' Закономерности функционирования аблатива в упомянутых говорах в основном одинаковые, поэтому в данной статье мы проанализируем аблатив на языковом материале йошкар-олинского говора.

Аблатив, или отделительный падеж, выражает отделительное значение, т.е. указывает на то, что какой-либо предмет или субъект отделяется от другого предмета или субъекта, выраженных аблативной формой склоняемого имени. Это значение является основным, главным: Pörtlec koraj 'Отойди от дома', At'amlec nalam 'Возьму от отца', Eremejlec nalat 'Получишь от Еремея', Semonlec sirđmasđm buca 'От Семена ждет письмо', Salam tđlat akamlec 'Привет тебе от старшей сестры моей', Codralec torađtat ođl pörtšö 'От леса не далеко дом-то его (ее)', Pörjeđsamčlec kobat 'От мужчин отстаешь', Kuđurakšamčlec it kot 'От старших не отставай', At'ažlec ođr-len 'От отца отделился', Memnan saltalešamčlec Stalingrad olam tušmanlec nal'eše 'Наши солдаты освободили Сталинград от врага'.

Аблатив имеет также дополнительные, добавочные значения. Во-первых, он указывает на источник информации, выражает тот предмет или субъект, от которого что-то узнают, перенимают: "Kuče žlet tđn škeže", - joltašđžlec Miklaj jobeš 'Как ты сам-то живешь', - Николай спрашивает товарища', Šizam, memnan-šamčlec paša ođtnam palen nalneže 'Чувствую, от наших хочет перенять опыт работы', Eryže abaž jađe lin. Ala-žož Semon Ivančlec at uđo 'Сын похож на маму. Но что-то есть и от Семена Ивановича', At'amlec jodam 'Спрошу от отца', Platonlec kolat 'Узнаешь от Платона', Mđlam ot žmane đđn, poškudo-šamčlec jot 'Если мне не веришь, то спроси от соседей', Kačlec škleče kolat 'От жениха от самого услышишь', U komand'irlec jodam 'Спрошу у нового командира'.

Во-вторых, аблатив с сочетанием с послелогом pasna 'без' может выражать лишительное значение: Ana at'ažlec posna kaje 'Анна идет без отца', A memnan kalčk pašalec posna žlenak ok kert 'А наш народ без работы жить не может', Imđlec posnat ok li, uškallec posnat ok li 'И без лошади нельзя, и без коровы нельзя', Pörjeđ-šamčlec posna kolhoz kobeš 'Колхоз

остається без мужчин', Saj unam pelaklec posna ot kolto 'Хорошего гостя без подарка не проводишь', Kormallec posna kobat 'Останешься без кормов', Joltašlec posna kaja 'Идет без друга', Mosko ola nalme juoŕim uberlec posna juoŕim 'Во время освобождения Москвы погиб без вести', Maremlec posna kuš ka-
iēm 'Куда я пойду без мужа моего?', Komrajn orollec posna 'Комбайн без охраны', Ketlec posna ... 'Без руки ...' (Kangasmaa-Minn 1975 : 495).

В-третьих, аблатив указывает на сравнительные отношения и выражает тот предмет или субъект, с которым что-либо сравнивается по количеству, качеству, росту, весу, стоимости и т.д.: Mikolajlec kuŕu iktat uke 'Старше Николая никого нет', Pötŕrlec saj mastarze uke 'Мастера лучше, чем Петр, нет', Mikitallec ŕijan 'Сильнее, чем Никита', Jašanlec cot oŕŕte-
malteš 'Сильно отличается от Якова', Poškušžlec šukŕak lin 'Стало больше, чем у соседа', At'alec šerŕe kō lin kerdēs? 'Кто может быть дороже отца?', At'atlec kut ilan izirak 'Моложе твоего отца на шесть лет', Kindet planlec utŕim gosudar-
stvŕlan puat 'Хлеба государству сдают сверх плана', Erla niŕŕolec ir pašaš kajet 'Завтра раньше всех пойдешь на работу', Akamlec lu ilan izirak 'На десять лет моложе моей старшей сестры'.

В-четвертых, аблатив указывает на назначение чего-либо, на целевые и причинные отношения: Jol korstŕmlec mom puat 'Что дадут от болезни ноги?', Špmlec mom puat 'Что дадут от болезни сердца?', Kokŕŕŕmlec mo uŕlo 'Что есть от кашля?', Mŕšknr korstŕmlec mom puat 'Что дашь от болезни живота?', Knŕaržŕm ant nangaŕŕmlec pu-žen natal 'Мост разберешь, чтобы не унесло водой', Kese peltŕmlec šl'aram upšaleš 'Из-за солнца надевают шляпу'.

В-пятых, аблатив используется для выражения предпочитаемого действия или вида деятельности, т.е. аблативные формы указывают на то, что какое-либо предпочтительное действие совершается вместо другого действия или вида деятельности: Jara šŕncŕmlec televizor kŕtaš kaja 'Идет смотреть телевизор, чтобы без дела не сидеть'.

В-шестых, аблативные формы выражают местонахождение предмета, у кого что находится: Oksa akamlec 'Деньги у сестры', Šŕraŕos at'amlec 'Ключ у отца', T'erмос at'amlec 'Термос у отца'.

В-седьмых, описываемый падеж указывает на то, что, кроме данного предмета, выраженного аблативной формой имени, в

действительной ситуации может быть и другой предмет: Mđlam Mikolajlec molat polšat 'Мне, кроме Николая, и другие помогут', βaslilec molo iktat polšen ok kert 'Кроме Василия, никто не сможет помочь', Posanam, tendanlec molđlan iktđlanat tace polšen om kert 'Своjak мой, кроме вас, сегодня никому не смогу помочь', Kuđu opđtanže Majuklec βesat lekteš 'Люди с большим опытом, кроме Марии, и другие найдутся'.

И, наконец, аблативные формы употребляются в сочетании с глаголами lūdaš 'бояться', seklašaš 'остерегаться', tuynemaš 'научиться', βođžlaš 'стыдиться', šorlaš 'отказаться' и т.д.: kalđklec ot βođžl mo? 'Тебе не стыдно перед народом?', Traktorlec ok lūt 'Не боится трактора', At ažlec tuynemeš 'От отца научится', Paša masterlec lūdeš 'Дело мастера боится'.

О том, что аблативные формы являются падежными формами имен, говорят прежде всего их морфологические признаки. Склоняемое слово в аблативе может употребляться как в форме единственного, так и в форме множественного числа. В ед. ч.: Pašalec posna iktat ok kot 'Без работы никто не останется', Akamlec posna kođam 'Я останусь без сестры', Upšlec posna košteš 'Ходит без шапки'. Во мн. ч.: Molan kacđ-šamđlec posna tolđda? 'Почему без женихов идете?' Poškuđ-šamđlec šaral opđl rđžm, šorđm olalan ruša toсena 'Мы стремимся дать городу мяса, молока не меньше соседей', Me at amđtlec oјtrlđšna 'Мы отделились от родителей', Weramđtlec soralđn kō kušta? 'Кто пляшет интереснее Веры и тех, кто с ней?', Kot amđtlec utlarak rum rušna 'Мы больше нарубили дров, чем дет и те, кто с ним', Wašumđtlec saјđn kō oimđkta? 'Кто лучше отремонтирует, чем Вася и те, кто с ним?' Все слова в аблативе могут оформляться притяжательными суффиксами в лицах и числах: akamlec јot 'спроси у моей сестры', akatec јot 'спроси у твоей сестры', akažlec јot 'спроси у его (ее) сестры', akanalec јot 'спроси у нашей сестры' и т.д.

На падежный характер аблативных форм указывают и их синтаксические особенности. Имя в аблативе может определяться существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и причастиями: Kresola βatđ-šamđlec ona kot 'Мы не отстанем от старокоминских женщин', Kuđurak rβašamđlec tuynemat 'Научишься от старших мальчиков (букв.: от мальчиков повзрослее)', U komandirlec јot 'Спроси у нового командира'. Склоняемые слова в аблативе, как уже было отмечено, могут употребляться с послелогом posna 'без': Kresanđklan βolđklec posna ok li 'Крестьянину нельзя (жить) без скота', Kin-

tʃlec posna it kot 'Не оставайся без хлеба'.

Показатель аблатива в йошкар-олинском говоре, как и в уржумском, может употребляться со всеми склоняемыми словами, в т.ч. с нарицательными и собственными именами существительными. Форму аблатива могут иметь: а) существительные: pörtlec (от pört 'дом') Maksimlec (от Maksim); б) прилагательные: oʃlec (от oʃo 'белый'); в) числительные: lulec (от lu 'десять'); г) местоимения: škezlec (от ške 'сам, сама'); д) причастия: tolšlec (от tolšo 'приезжий, пришедший'). Аблативные формы иногда встречаются в лугово-восточной и горномарийской литературных нормах, но, главным образом, в системе местоимений. Например: Сурт оза Придон Ййван мылечна йодо 'Хозяин дома Придон Ййван спросил нас', Леня. Тыште пашаче еным пагалат. А механизаторым - тулечат коч 'Леня. Здесь рабочего человека уважают. А механизатора - и того больше', Тилец худажи Миняевлан эче ма вара лин кердеж? 'Хуже этого Миняеву что еще может быть?', Агроном мыняре шинча, тылат, кресанькылан, тулеч шагал огал шинчаш кӱлеш 'Агроном сколько знает, тебе, крестьянину, надо знать не меньше его'.

Таким образом, аблатив в говорах лугового наречия является живым и продуктивным падежом. Он встречается даже в марийском литературном языке. Однако, как уже было отмечено, аблатив как грамматическая категория падежа отрицается или не рассматривается в некоторых грамматиках и исследованиях по марийской диалектологии. Словоформы с формантом -lec зафиксированы в грамматике Ф.И. Видемана, но он их не квалифицирует как падежные формы. Автор считает, что в марийском языке существуют "ясные отношения" между -lan (показатель дат. п. - Г.Т.) и -lets, и далее утверждает: "Я все же предпочел бы считать последний (т.е. -lets - Г.Т.) послесловом так как он встречается в соединении с генитивом, что с -lan никогда не бывает" (Wiedemann 1847 : §23). Относительно данного вывода исследователя следует отметить, что возможность образования других падежных форм от формы генитива является общим закономерным явлением марийского языка. Склонение форм родительного падежа местоимений, имен, в т.ч. одушевленных имен существительных, и причастий наблюдается в том случае, если они являются членами неполного предложения. Например, Ййванын пӱрт 'дом Ивана' : род. Ййванын '(дом) Ивана', дат. Ййванынлан '(дому) Ивана', абл. Ййванынлец '(от дома) Ивана', вин. Ййванынным '(дом) Ивана', совместн. Ййваныниге

'(вместе с домом) Ивана', сравн. Йиваннила '(как дом) Ивана', местн. Йиванниште '(в доме) Ивана', напр. Йиваннишке '(в дом) Ивана'. Ф.Й. Видеман признает слитное написание компонента -l'ets, но с ним трудно согласиться, когда он без убедительных аргументов предпочитает называть данный формант послелогом. В своем исследовании по марийской диалектологии И.Г. Иванов также утверждает, что в уржумском говоре вместо послелога деч 'от' употребляется послелог лэч 'от': корно лэч 'от дороги', мин 'лэчэм' 'от меня' (Иванов 1981 : 51). Однако он не приводит каких-либо доказательств, почему лэч следует считать послелогом, а не суффиксом.

Недооценка статус-кво аблатива в теории вызывает определенные трудности при разработке норм орфографии. В художественных произведениях, публицистике писатели и редакторы иногда допускают раздельное написание форманта -лэч, -лэц, необъективно считая его послелогом: У йэн, шочшаш-кушшаш ай-дэм ..., Вачи лэч иланэн (Шкетан 1929 : 18) 'Новый человек, который должен родиться, вырасти ..., был зачат от Вачия', Мемнан деке шочшо-влак молан огыт тол? Шке лечна, шке лечна ай-хай саламна укедан (Ончыко 1982 3 : 62) 'Родные дети почему не едут к нам? Оттого, что, ай-хай, нет приветов от нас самих'.

И.С. Галкин и Б.А. Серебренников убедительно доказали, что показатель аблатива, или отделительного падежа, в марийском языке является сложным по происхождению. Первым элементом является суффикс древнего направительного падежа (аллатива) *-le, участвовавший в образовании окончания дательного падежа. Вторым элементом является -с, -с̣ < *t - суффикс древнего отделительного падежа (Галкин 1964 : 53-55; Серебренников 1964 : 40). Направительное значение l-ового компонента обнаруживается в таких примерах: мар. pulan kaje 'идет за дровами', эст. panen lauale 'положу на стол', фин. panen pöydälle 'положу на стол'.

Показатель аблатива -лес, -лэс̣ образовался из компонентов, которые своими корнями уходят в уральскую общность. Из древних компонентов образовался и аблатив на -lta (-ltä) 'от кого, от чего, с кого, с чего' в финском языке: kalalta 'от рыбы', sieltä 'оттуда'. Окончание аблатива -lta (-ltä) образовалось путем присоединения элемента *-ta (*-tä) общего отделительного падежа к l-овому элементу - суффиксу древнего направительного падежа (Хакулинен 1953 : 86-89; Бубрих 1955 : 27).

Современный аблативный показатель -les, -leš в марийском языке восходит к показателю -let, который и на современном этапе употребляется не только в диалектах, но и в литературном языке: Тылетла нигуш ок лий чакнаш! 'Больше никуда нельзя отступить', Тылетла тиде корно дене нигунам ом кае 'Отныне по этой дороге никогда не пойду'. Нужно отметить еще один любопытный факт. В марийском литературном языке в сфере местоимений до настоящего времени сохранилась форма древнего отделительного падежа с t-овым показателем: Янлык ден кайнат тетла тышке ок тол 'Отныне сюда даже звери не придут и птицы не прилетят'. Позднее в показателе аблатива -let произошел переход t > c, š. Подобный переход для марийского языка является закономерным явлением (Грузов 1965 : 174-189).

Итак, аблатив в отдельных диалектах марийского языка является живым и продуктивным падежом. И нет никаких оснований показателю аблатива квалифицировать как послелог.

Л и т е р а т у р а

Б у б р и х Д.В. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва-Ленинград; Г а л к и н И.С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола; Г р у з о в Л.П. 1965, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола; И в а н о в И.Г. 1981, Марий диалектологий, Йошкар-Ола; О н ч ы к о, Йошкар-Ола; С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1964, Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках, Москва; Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка 1775, С.-Петербург; Х а к у л и н е н Л. 1953, Развитие и структура финского языка I, Москва; Ш к е т а н М. 1929, Иумын Иазыкшэ, Йошкар-Ола;

A l h o n i e m i, A. 1967, Über die Funktionen der Woin-Kasus im Tscheremissischen, Helsinki; В e k e, Ö. 1910-1911, Cseremisiz nyelvtan. - NyK XXXIX; С a s t r é n, M. A. 1845, Elementa grammatices tscheremissae, Kuopio; K a n g a s m a a - M i n n, E. 1975, Negation in Cheremis. - CIFU III 1, Tallinn; L e w y, E. 1922, Tscheremissische Grammatik. Darstellung einer wiesenttscheremissischen Mundart, Leipzig; W i c h m a n n, Y. 1923, Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischen Abriss, Helsingfors; W i e d e m a n n, F. J. 1847, Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval.

Gennadi T u Ź a r o v
(Joŝkar-Ola)

THE ABLATIVE IN THE MARI LANGUAGE

S u m m a r y

In his article the author gives us a full description of the case functions and grammar signs of the ablative in Mari, and specifies the field of its use.

Tiit K u k k
(Tartu)

NÄITEID KARJALA KEELE VESJEGONSKI MURRAKUST III

Käesolev publikatsioon on jätkuks "Fenno-ugristica" 11.-13. numbris alustatule. Sedakorda on tekstid folkloorse süsuga, nimelt tulevad avaldamisele kolm muinasjuttu.

Muinasjutte võib Vesjegonski murraku alal kuulda vaid kõige vanema põlvkonna suust (silmas peetakse 70-aastaseid ja vanemaid). Muinasjuttude oskamise eelduseks on asjaolu, et praegune jutustaja on neid kunagi oma lastele või lastelastele rääkinud. Karjala keele kõnelejate alamaks eapiiriks on ligikaudu 50 aastat, kuid 50- ja 60-aastased muinasjutte jutustada ei oska, sest nende esmaseks keeleks lastega suhtlemisel oli juba vene keel.

Eelneva kinnituseks olgu toodud asjaolu, et peale siin avaldatavate näidete on publikatsiooni autoril õnnestunud suvistel ekspeditsioonidel 1983-1986 kuulda ja lindistada vaid väheseid muinasjutte. See ei tähenda aga sugugi seda, et Vesjegonski murraku alal poleks muinasjutte osatud ja räägitud. Konstantin Manžini (tema kohta vt. Palmeos 1970 ja Virtaranta 1986a) poolt on lisaks muudele folkloorsetele materjalidele kirja pandud ka mõnikümmend muinasjuttu, mis kõik alles ootavad avaldamist (käsitirjas säilitatakse neid Tartu ülikooli soome-ugri keelte kateedris, Tallinnas KKI soome-ugri keelte sektoris ja Petroskois KKAI keelesektoris). Nii nagu muudki folkloorižanrid, on ka muinasjutud Vesjegonski murrakus hääbumas.

Siin avaldatavate muinasjuttude jutustajaks on Vesjegonski murrakuala kirdenurgas asuvas Lopatihha külas elav Anastassija Nikolajevna L u m p a n o v a . Anastassija Lumpanova on sündinud 1908. a. Lopatihhas paljulapselises peres. Koolis käis paar talve. Mehele läks sinnasamasse Lopatihhasse. Kaotas sõjas mehe, jäi üksi kasvatama nelja last ning nägi muidugi palju näguripäevi. Kõigest hoolimata on ta lahke loomuga: meiesuguseid võõraid tülitajaid võttis ta alati heal meelel vastu. Oma muinasjutuuskuse kohta rääkis ta ise järgmist.

/a mištā kūlit nāmā šjarnat?/

da miula kuin oli äjā vunučkja da lašta / nīn mie heifā so svojei. golovi. // bābuška / roskā. živai skaski // a karie-lazet / kun miunomat lapšet karielazet vet oldih / nīn mie ka karielakši heifā i rubien šanelemah / mie ka omašta piāštā i nīdā / nāmā i roskā. živala / so svojei. / prosto so svojei. golovj.

/a šiun miamo šaneli šjarnoida?/

miula / miun / miun miamo šaneli / šaneli / dāže bjabo miu-la šaneli / mie bjabon šjarnoida muiššan / vot / mie ka po-vidimu vāhāzen nīdā muiššin / nu ka mie i šanelin.

/Kust sa kuulsid need muinasjutud?/

Mul oli palju lapselapsi ja lapsi, nii ma rääkisin neile, omast peast. (Ütlevad:) vanaema, räägi muinasjuttu. Aga minu omad lapsed olid ju karjalased, nii ma hakkasingi neile karjala keeles rääkima. Ma jutustasin neile omast peast, omast peast jutustasin.

/Aga kas sinu ema rääkis muinasjutte?/

Minu ema rääkis, rääkis mulle, isegi vanaema rääkis. Ma mäletan vanaema muinasjutte. Ma mäletasin nähtavasti veidi ka neid, vaat niiviisi ma rääkisingi.

Muinasjutud

(1) ukko da akka

- 1 eľeffih ukko da akka // ištuočettih süomäh / süö-dih / ukko akalla i šanow // pežet possūdät / akka ukolla šanow / šie pežet // sporittih sporittih i nīn possūdja ei peštü / ukko viruttjačči da i šanow / mie
- 5 enāmbi šiula nīmidā en šano / a ješli šie nī midā šanot / šiulas i possūdät peššā // virutah kaiken üön / nī midā ei viritefä // tuľi huomneš / pidāw ľehmie laškje / ukko da akka virutah // sušsiedat ľehmät laškiettih / kačotah / midā a n n u š k a / ei lašše ľehmie // da
- 10 midā to ei nāvü / ľāhe ... / pidāw ľāhtie fižjälle // māni perftih / a n n u š k a virū / i v a n u š k a fūgalla virū // da a n n i / da midā šiujke ľieņi? a n n i nī midā ei virka // oi da v a n a / da midā šiujke ľieņi? // i v a n a nī midā ei virka // vjidi
- 15 kūľāľfä / vieľä kuččü / šanow / vet virutah / nedvižĩ-mi / ei paišša / pidāw pappi tūwa // tuodih papi / tuodih papin // pappi rubiew pūhie andamah / hüö šūda ei avata / pappi šanow / en fie midā riadja / pidāw tåh

20 panna ristikanžja uhā živat heidā // a ken rubiew /
 ni_ken ei rubie / ūksi akka soglašī / šanow / mie ru-
 bien / vain andakkja miul_ka hänen kurtočka / a a n -
 n u š k a l l a lieņi žiaļi kurtočkja / kuin skokahtaw
 da i šanow / miula ostatka kurtočka / en anna / a ukko
 kiugjalda skokni / a sie ieļā zavodīt paisā / siulas i
 25 possūdat pešā.

Taat ja eit

Elasid taat ja eit. Istusid sööma, sōid āra, taat ūtleb
 eidele: "Sina pesed nōud." Eit ūtleb taadile: "Sina pesed."
 Vaidlesid, vaidlesid ja nōusid niiviisi ei pesnudki. Taat
 heitis pikali ja ūtleb: "Mina ei ūtle sulle enam midagi. Aga
 kui sina ūtled, tuleb sul nōud pesta." Lamavad terve öö. Mi-
 dagi ei läida. Tuli hommik, peab lehmad välja laskma. Taat
 ja eit lamavad. Naabrid lasksid lehmad välja. Vaatavad, mis
 Annuškal viga on, et ei lase lehmi välja ja millegipärast
 pole näha. Peab nende juurde minema. Läks tarre. Annuška la-
 mab ja Vanjuška lamab ahjul. (Ūtleb:) "Anni, mis sinuga lah-
 ti on? Anni ei vasta midagi. (Kūsib:) "Oi Vanja, mis sinuga
 lahti on?" Ja Vanjagi ei vasta midagi. (Naaber) läks küla
 peale. Kutsub veel (rahvast). Ūtleb: "Lamavad, on liikuma-
 tud. Ei rāagi. Peab papi tooma. Papp ūtleb: "Ei tea, mida
 teha. Peab panema siia inimesi nende hoolitsema." Aga
 kes jääb. Mitte keegi ei jää. Ūks eit nōustus. Ūtleb: "Mina
 jān, andke ainult mulle tema jakk." Aga Annuškal hakkas oma
 jakist kahju. Hūppab pūsti ja ūtleb: "Minu ainuke jakk, ei
 anna." Aga taat hūppas ahju pealt alla. Ūtleb: "Sina hakka-
 sid varem rāakima, sina pead ka nōud pesema."

(2)

s n e g u r k a

eļeffih ukko da akka // heilā ewlun lašta // ištah
 / aivin tūžitah / kačo / kaikilla lapšet / a meilā ewle
 lašta / ikkunah kačotah / lapšet lepjat snegurkja // uk-
 ko šanow akalla / lākkūo i mūo ljažimma snegurkan / mō-
 30 žot i meilā liew tūftōne // lāhtieffih ljažittih snegur-
 kan / vjidi vovs hūvā / tuodih perffih i rubei pagizemah
 // oi ihašuttih / kai meilā nūt lieņi tūfār // eļefāh /
 rādujut ne_narā_dujut / to što heilā on tūfār // i tul-
 dih tūftōžet kuččumah s n e g u r k j a meččāh / ma
 35 hiān kuin lieņi kežā / aivin peiffieļieččow / pāivāštā
 varjāw // a ukko da akka / ei malteta da i / midā_to za-
 gruštī_la meilā dočka / ew veššēļā / a sīdā ei malteta /

sto hiän rasstā.jot // kučuttih fūffōzet meččāh / lijait-
 tih tulen i piāliōči tulešta kaiken ruvettih skokkimah /
 40 a hiän randāzešša seižow s n e g u r k a // a häneffā
 šanotah / nu midā et skoki / sie / eļā varja / zastjavit-
 tih / a hiän ei tahan sporieččie / kuin skokahti / i šū-
 ri jāi vain piarune // fūffōzet / oi oi oi / tuldih kodih
 / diedo bjabo kūzeļlāh / miššā miān s n e g u r k a / da
 45 ka hiän čerez košto.r priņni i lieņi vain paro;k / a
 s n e g u k j a ew // nu midā / ikkieffih ikkieffih ukko
 da akka / a nīn fūfārdā i ei lieņūn.

Lumivalgeke

Elasid taat ja eit. Neil ei olnud last. Muudkui nukrut-
 sevad: vaat, kōigil on lapsed, aga meil ei ole last. Vaatavad
 aknast välja, lapsed teevad lumememme (= lumivalgekest). Taat
 ütleb eidele: "Lāki, teeme meie ka lumememme, vōib-olla ssame
 meilegi tūtrekese." Lāksid, tegid lumememme. Tuli välja väga
 hea. Tōid tarre ja (see) hakkas rāākima. Oi, kuidas rōomusta-
 sid. Vaat, saime nüüd tūtre. Elavad, rōomustavad ega jōua āra
 rōomustada, et neil on tūtar. Tulid tūdrukud Lumivalgekest
 metsa kutsuma. Aga tema, kui suvi tuli, aina peidab end, kar-
 dab päikest. Aga taat ja eit ei saa aru ja (ütlevad:) "Meie
 tūtreke on millegipārast nukraks jāanud, ei ole rōomus." Aga
 sellest ei saa aru, et ta vōib āra sulada. Kutsusid tūdrukud
 (Lumivalgekest) metsa. Tegid tule üles ja hakkasid üle tule
 hūppama. Aga tema, Lumivalgeke, seisab kõrval. Aga talle ōel-
 dakse: "Miks sa ei hūppa? Hūppa, sa āra karda," sunniti. Aga
 tema ei tahtnud vastu vaielda. Kui hūppas, jāi jārele vaid
 aurupilveke. Tūdrukud ütlesid oi-oi-oi. Tulid koju. Taat ja
 eit küsivad: "Kus on meie Lumivalgeke?" - "Ta hūppas üle lōk-
 ke ja temast jāi jārele vaid aurupilveke. Lumivalgekest aga
 ei ole." Mis parata. Nutsid, nutsid taat ja eit, aga tūtart
 enam tagasi ei saanud.

(3) kukkōne da kanaē

eļeffih kukkōne da kanaē / fāhtieffih marjah / aš-
 tuttih aššuttih / dogadittih tuomee // kukkōne nouži tuo-
 50 meh // a kanažella ei šjan / kanaē i ravižow / kukkōne
 kukkōne / fūkkā i miula marjaē // kukkone fūkkāi marja-
 žen / kanaē šūoi / vieļā himottaw // pakkuow tiašen /
 kukkōne kukkōne / fūkkie miula vieļā marjaē / kukkōne i
 toizen marjažen fūkkāi / šūoi i kolmatta pakkuow / da kukkōne

- 55 kukkone / lükkie miula vielä marjane // kukkone kaçahti
tuomeh / marjje vähä / skokahti da kanaželda sílmäsen i
nökkaí // kanañe lãksi sũduh / mãni sũduh / šũret sudat/
pieñet sudat / sũdikkia / miulda kukkone sílmäsen nõkkai
// kuçu kukoišta / kanañe kuççui kukkožen // kukkone
- 60 kukkone / miñtãh kanaželda sílmäsen nõkkait? // miñtãh
tuomi vähãã marjje ando? // kuççukkia tuonda // kuçutihh
tuomeg // miñtãh kukkožella da kanažella vähãñ marjje
annoit? // a miñtãh poçit jũret gríziftih? // kuççukkia
poççiloida / poçit / tũõ miñtãh tuomelda jũret grízift-
fã? / miñtãh miãt izãndã pahoin sũõfti? // kuççukkia
- 65 izãndie / izãndã / miñtãh sie poçit pahoin sũõfti? // a
miñtãh meilã jumala vähãñ ieibie kažvatti / kai.

Kukeke ja kanake

Elasid kukeke ja kanake. Lãksid marjule. Astusid, astu-
sid, mãrkasid toomingat. Kukeke tõusis toominga otsa , aga
kanake ei saanud. Kanake karjub: "Kukeke, kukeke, viska mul-
le ka marjake." Kukeke viskas marjakese. Kanake sõi ära, ta-
hab veel. Palub taas: "Kukeke, kukeke, viska mulle veel mar-
jake." Kukeke viskas teisegi marjakese. (Kanake) sõi ära ja
palub kolmandat: "Kukeke, kukeke, viska mulle veel marjake."
Kukeke vaatas toomingat, marju vähe, hüppas alla ja nokkis
kanakeselt silma peast. Kanake läks kohtusse. - "Suured koh-
tunikud, väikesed kohtunikud, mõistke kohut, kukeke nokkis
mul silma peast." - "Kutsu kukeke." Kanake kutsus kukekese.
- "Miks sa kanakesel silma peast nokkisid?" - "Miks toomin-
gas vähe marju andis?" - "Kutsuge toomingas." - "Miks sa ku-
kekelele ja kanakesele vähe marju andsid?" - "Aga miks sead
juured paljaks kaapisid?" - "Kutsuge sead." - "Sead, miks te
toominga juured paljaks kaapisite?" - "Miks peremees meid
halvasti söõtis?" - "Kutsuge peremees." - "Peremees, miks sa
sigu halvasti söõtsid?" - "Aga miks jumal meile vähe vilja
kasvatas?"

Mãrkusi

Aarne-Thompsoni klassifikatsiooni järgi kuuluvad siin
avaldatud muinasjutud järgmistesse tüüpidesse:

1. "Taat ja eit" - AT 1351
2. "Lumivalgeke" - AT 703*
3. "Kukeke ja kanake" - AT 2021B

Neist esimene ja kolmas on suhteliselt laia levialaga, teist

tüüpi aga tuntakse üpris kitsal slaavi-balti keelealal. Venelastelt on muinasjutu laenanud ka karjalased.

Sagedased on muinasjuttude tekstides ümberlülitused:

15 nedvižī·mi ←- vn недвижимый 'liikumatu'; 19 uhā·živat ←- vn ухаживать 'hoolitsema'; 28 lepjat ←- vn лепят 'teevad (lumest)'; 33 rādujut ne narā·dujut ←- vn радуют не на радуют 'rõõmustavad ega jõua ära rõõmustada' - viimane on vene muinasjuttudes sagedasti esinev vormel; 36 zagrusfi·la ←- vn запустила 'jäi kurvaks'; 38 rasstā·jot ←- vn рас-тает 'sulab ära'; 45 čerez košto·r prigni ←- vn через костер прыгни 'hüppas üle lõkke'; 45 paro·k ←- vn парок 'auruke, aurupilveke'. Muudest muinasjuttudest eristub kolmas, kus ümberlülitused puuduvad. Põhjuseks on siin asjaolu, et tegemist on nõ. valmis tekstiga, kus improvisatsiooni osa on suhteliselt väike. Seetõttu ei ole antud muinasjuttu tunginud ka vene keele elemente.

Teiselt poolt on muinasjuttude keeles säilinud ka arhailist. Esimeses muinasjutus esineb kahel korral sõnavorm siulas (6 ja 24) 'sinul', kus element -s kujutab endast 2. isiku possessiivsufiksit, mis siin esineb eelkõige rõhutavas funktsioonis. Ei ole kahtlust, et tegemist on juba ammusel ajal karjalaste poolt räägitud muinasjutuga. Vastasel korral poleks võimalik arhailise possessiivsufiksi esinemine, mida kõnes enam ei kohta. Sama possessiivsufiks tuleb esile ka karjala keele alal laialt levinud laste ahellaulus "diarjažet, miarjažet / miamoš kuččū kodihiže / jne." (vt. ka Virtaranta 1986b : 296).

Kirjandus ja selle lühendid

AT = Aarne, A., Thompson, St., The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography (FFC 184), Helsinki, 1961; Palmeos, P. 1970, Sissejuhatus artiklile: K. Manzin, Karjalaste vanadest pulmakommetest. - Läänemeresoomlaste rahvakultuurist, Tallinn, lk. 18-40; Vir-
ranta, P. 1986a, Karjalan kielen tutkimuksesta ja har-
rastuksesta Neuvostoliitossa v. 1970-85. - Virittäjä, 343-353; Vir-
taranta, P. 1986b, Kauas läksit karjalainen. Matkamustelmia tverinkarjalaisista kylistä, Porvoo-Helsinki-Juva.

Тийт К у к к
(Тарту)

ОБРАЗЦЫ РЕЧИ ВЕСЬЕГОНСКОГО ГОВОРА КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

В публикации приводятся образцы речи фольклорного содержания - это три сказки, записанные в дер. Лопатиха Весьегонского района Калининской области от информантки Анастасии Николаевны Лумпановой. По классификации АТ эти сказки относятся к типам I35I, 703* и 202IB. В языке сказок наблюдаются как архаические (притяжательный суффикс 2 лица -*š*: *šiušaš*), так и новые черты, характерные для весьегонского говора и для карельского языка в целом (переключение на русский язык).

ALFON BERTHOLDI JUTUSTUSI

1988. a. toimus allakirjutanu juhatusel mitmeid käike liivlaste juurde, mille jooksul jäädvustati liivlaste pikemaid jutustusi, olmetekste ja vastuseid küsimustele. Pizas avastati suurem liivi esemetekogu, mis oli sattunud hävimisohtu kogu ja Emma Erenstreiti surma järel. Püüdsin organiseerida kogu andmist Eesti Rahva Muuseumile, kahjuks see ei õnnestunud ning esemed on endiselt halbades tingimustes.

13.-15.05. käidi Kuramaal eesti filoloogia osakonna üliõpilastega, kaasas olid veel P. Palmeos, B. Klaas, A. Nurk ja paar aspiranti.

1.-13.07. käidi loodusekaitsjate ja sõjaveteranidega Kuramaa lahingupaikades ja liivlaste külades. Sel puhul tegi haruldaselt häid pilte liivlastest, nende küladest ja esemetest Otto Kuus.

13.-16.07. käidi liivlaste juures "Eesti Reklaamfilmi" grupiga. Sõidu organiseeris Ants Vist, külades töötati koos praktikal viibivate üliõpilaste Lea Tammaru, Loone Kausti ja Hele Lauriga.

31.07.-14.08. oli allakirjutanu Vaide külas ning töötas liivi ainekogumisel ja kultuuriloolise materjali hankimisel.

Kuigi mitmed käigud olid lühiajalised, püüti igal võimalusel midagi jäädvustada. Parimad keelejuhid olid Alfon Berthold, Viktor Berthold, August Freiberg ja Alfrīd Frīdman.

Allpool esitatakse suve jooksul Alfon Bertholdilt jäädvustatud tekstid koos eestikeelse tõlkega. Kuigi neist mõned on varemini tuttavad, on neil lingvistiline väärtus, sest nad esindavad seda liivi keelt, mis viimaste liivlaste teadvuses on säilinud.

Eduard Vääri

12. juuli 1988

min armas polakkõz

kerd iks mⁱerⁱ kaptõn um nⁱžõn / ku t^õm^õn um v^õnd v^õggi
z^õl / ku ta entš jⁱem^õn um polakkõz v^õlts^õ k^õr^õtt^õn it k^õra
// t^õm jⁱem^õa itstid um k^õr^õtt^õn t^õm^õn k^õridi / ku ta m^õ õp-
p^õn sk^õuls^õ // ja siz jⁱem^õa um t^õm^õn itstid rek^õndõn nei /
min armas polakkõz // ja ni ku ta um k^õzzõn r^õz j^õ s^õr^õks /
t^õm^õn um lend vⁱst^õistõn aigastõ / ta m^õ m^õtl^õn / ku ta p^õl-
diš mi^õgi polakkõz ^õab^õuo ja ta um k^õr^õtt^õn entš jⁱem^õn / aⁱ-
g^õ t^õnda nei emⁱn ^õab^õnut^õg / polakkõz // ag^õ jⁱem^õa k^õr^õtt^õn
t^õm^õn nei / ku sa ka v^õlk^õst nei s^õr^õ ku goliat ja v^õggi ku
simson ja ku ka sa v^õlk^õst v^õlikšiji mi^õz ja r^õud sⁱnda k^õr-
takst ja ^õukst / ag^õ entš jⁱem^õn / kis^õ sⁱnda piškist v^õlts^õ
um v^õidõn / silastõn ja pikstõn entš rⁱnda j^õr^õ / sa itstid
m^õds^õ ad^õuo / ku set min armas polakkõz //

sⁱe um nei v^õnd mi^õgis^õ ker^õd / il^õ ^õezmis^õ s^õda^õ aiga //

Minu armas poisike

Kord on merekapten jutustanud, et tal on olnud väga kah-
ju, et ta on oma emale poisikesena kirjutanud ühe kirja. Te-
ma ema on ühtelugu kirjutanud talle kirju, kui ta on õppinud
koolis. Ema on siis talle iga kord r^õakinud nii: "Minu armas
poisike!" Kui ta on kasvanud natuke suuremaks, ta on saanud
viieteistkümneaastaseks, ta on mõelnud, et ta nüüd ei ole
mingisugune poisike ja ta on kirjutanud oma emale, et ärgu
teda nii enam kutsugu, poisike. Aga ema kirjutanud talle
nii: "Kui sa ka oleksid nii suur nagu Koljat ja tugev nagu
Simson ja kui sa ka oleksid valitsejamees ja inimesed sind
kardaksid ja austaksid, oma emale, kes sind väikesest peast
on hoidnud, silitanud ja oma rinna vastu pigistanud, sa ala-
ti muud ei ole kui vaid "minu armas poisike"."

See on nii kunagi olnud, esimese sõja järel.

um vënd ikš nais_puoli ja ta um s^uoda_aigas n^uo-länd
 krievf_mqlē // ja ne_ku pⁱerrē s^uoddā um vënd diezgan lālam-
 stiZ / sis_ta it_selliš piškiz buodnikā_jūrē um sōnd kuōzē
 pālkanikaks // sie um tiend siedē un tubdi pūdistēn // agā
 sis pērrē miņgist aigastād / sē buodnikā um n^uo-kuolēn /
 sis_tämmēn ni um iend sē buod / sūr sie āb_ūo vënd // bet
 ni um is-tuñD / ja nēi id_ēdān / ku ta um klekšōn sie piš-
 kiz buod ukš vizzō / um vënd entš tubas / ta külēn / ku sāl
 buodā nei_ku midāD sadāB // ta āltēn kiñdāl ja lānd vañtlēm
 / mis_sāl um // ni_ta vañtlēn / agā midēd āb_ūo nānD // agā
 ni_ta jēvist vañtlēn / kus_sⁱe mārā um / ku midēd āp_sadā
 mōzē // ni ta iē-vañtlēn / ku nūrkas um selli vāgā n^uo-lop-
 pōn p^uoiški // ja ku sⁱe p^uoiški tānda n^uo-vañtlēn / p^uoiški
 um kiñtēn / ku ta it_sū_tāuž leibō um vēttēn tāmtā / bet
 pⁱerrē ta tōb at-āndē / ta tōñD siedē /bet paldīn tāmmēn
 āb_ūo rōdē //

ni sis_sⁱe nais_puoli vīnD tānda tubbē, us-kiēttēn tē
 / āndēn lemdē tēdē / n^uo-pēzzēn un pānd māggēm //

ni ta kižzēn sie pēiskis_kātstā / kis_ta selli um un
 kust_ta um tuñD // ta kiñtēn / ku tāmmēn āb_ūo ižzē / āb
 jēmmē // izā n^uo-kuolēn ja pⁱerrē jⁱemā ap_pretšēn tuoista
 keñD /

On olnud üks naisterahvas ja ta on sõja ajal läinud Ve-
 nemaale. Pärast sõda on siis olnud raske, ta on saanud väi-
 kese poe omaniku juurde teenijakoha. Ta on teinud süüa ja
 puhastanud tube. Siis mõne aasta pärast on poepidaja surnud,
 siis on see pood jäänud temale, suur see ei ole olnud. Aga
 nii on juhtunud, et ühel õhtul, kui ta on selle väikese poe
 ukse lukustanud, on olnud oma toas, kuulnud ta, et poes mi-
 dagi nagu kukub. Ta läitnud küünla ja läinud vaatama, mis
 seal on, ta vaadanud, aga midagi ei ole näinud. Ta on siis
 hästi vaadanud, kus müra on, et midagi ei kuku maha. Siis
 ta vaadanud, et nurgas on väga äranälgunud poisike. Ja kui
 see poisike teda vaadanud, poisike on öelnud, et ta ühe suu-
 täie leiba on tema omast võtnud, kuid pärast ta tahab taga-
 si anda, ta tahtnud süüa, kuid praegu tal ei ole raha.

Siis naisterahvas on viinud ta tuppa, keetnud tee, and-
 nud sooja teed, pesnud teda ja pannud magama.

Siis ta küsinud poisikese käest, kes ta selline on ja
 kust ta on tulnud. Ta ütelnud, et tal ei ole isa ega ema.
 Isa on surnud ja hiljem on ema teist korda abiellunud.

ja sis pⁱerä ka jⁱemä n^uo-kuoln / ja iend set v^{er}szⁱza //
 ja sⁱe tämmän um pañD pägin tiedš tiemä un pieksön / un sie-
 dš veittš andön // ku ni sⁱe nais puoli külän / ku ni lä-
 lamstiz länD / ta tōnd veittš tända pa kazantšks puogaks //
 agä ni ta iend vägä rujaks / sⁱe peiški / ja sis tund aršt
 un siz um v^{er}nd diezgan kōgin rujä // agä ku ni peiški iend
 tⁱerršks / ni ta veittän tam pa kazantšks puogaks / v^{er}szⁱza
 kil äb^uo tōnd andš / agä ta um sōnd pa kazantšks puogaks //
 sis sāl um v^{er}nd iks nais puoli / kus ta itstīd um länD
 // ja ta sie nais puolizn ka um nīzän iī sie peiškiZ // agä
 sⁱe nais puoli um kizzn / kus ta ni paldīš um // paldīš
 um sūr un rikaz mieZ //

Nei ni sⁱe peiški um kazzn / rikust nantn äb^uo v^{er}nd
 / bet nei um is-tunD / ku m^uglmädän um v^{er}nd tiedš un m^uglmäd
 ättš ap-ēdnšD // agä sⁱe peiški um v^{er}nd väggi koväl peiški//
 sōttän tända skuolš / vägä jevist um oppän // ja sāl um v^{er}nd
 iks mieZ / kien um sūr buod v^{er}nd // sⁱe um nänD / ku polak-
 kâz um koväl / jevä pä tämmän um v^{er}nd / sie veittän tam entš
 jūrš / sⁱe peiški äptän tämmän buodš azäd tikkiš vīdš jevist
 // ja nei ni ättš sāl jellänšd jevä strēk // agä ni sie buod-
 nikan um v^{er}nd brūtšmēst a m e r i k š buod azäd pⁱeräst

Siis on hiljem ka ema surnud ning jäänud vaid vöörasisa. See
 on pannud teda palju tööd tegema ja peksnud ning süüa andnud
 vähe. Kui siis see naine on kuulnud, et on kehvasti läinud,
 tahtnud ta võtta teda kasupojaks. Aga ta jäänud väga haigeks,
 see poiss, siis tulnud arst ja ta on olnud küllalt kaua hai-
 ge. Aga kui poiss saanud terveks, siis on ta tema võtnud ka-
 supojaks, vöörasisa küll ei ole tahtnud anda, aga ta on
 saanud kasupojaks.

Seal on olnud ka keegi naine, kelle juurde ta on tihti
 läinud. Ta on sellele naisele ka jutustanud sellest poisist.
 See naine on küsinud, kes ta praegu on. Praegu on ta suur ja
 rikas mees.

Nii on siis see poisike kasvanud: rikkust neil ei ole
 olnud, aga nii on välja tulnud, et mõlematel on olnud tööd
 ja mõlematel on olnud rõivad seljas. See poisike aga on ol-
 nud väga tark poisike. Saatnud teda kooli, väga hästi on õp-
 pinud. Ja seal on olnud keegi mees, kellel on olnud suur pood.
 See on näinud, et poisike on tark, tal on olnud hea pea. See
 võtnud ta enese juurde, poisike aidanud tal poeasjad kõik
 hästi seada. Nii on nad seal elanud tükk aega. Siis aga pi-
 danud poodnik sõitma Ameerikasse poeasjades parast.

un ta veṭṭān sie polākkās ka īnš // agā ni mⁱer_pāl tuṅD tō-
 vaZ / ja sⁱe k^uoig um lānD puoijā / ja amād roušt pigātagā
 upāndānD jarā / agā sⁱe polākkāz iekkān mⁱerrā // ja sāl um
 veṅD selli dēl_kabāl ja ikš mies ka sāl āptān tānda sōdā sie
 dēl_kabāl pāl ildzō // ja nei ne kakš attē ienād jeltšō / un
 ikš k^uoig tuṅD / veṭṭān nēdi ildzō ja vīnd e ģ l i z
 m o z ō / siz um veṅD k^uoigān broutsāmāst // agā sⁱe mies /
 kis tānda āptān / sie pēiškizān / sie kuolān k^uoig pāl jarā
 un pēiški lend ikšigiṅ // ja ni paṅD tānda siṅš uldzō / ja
 vērdz_mōšsō iend ikšigiṅ / kiēldō ka āb_uo m^ugistān // mis
 ta ni vēib irgš //

agā sāl ne attē veṅnād pāgiṅ roušti un tied lānD immēr/
 ku k^uoig lānD puoišsō un kakš set attē iz-gloibānāD // ja ni
 sⁱe pēiški vanṭlān / āp_tieda / kuš ni laz_lākkō // ta kūlān
 entš sālgā tagān entš siṅš_kiēlš / k^uoig um lānD puoišsō /
 kakš miestō set āttō iz-gloibānāD // ja ta vanṭlān immēr /
 kītān / āp / ma ikšigiṅ um iend jeltšō // ja ni sⁱe miez um
 veṭṭān sⁱe pēiš entš jūrš un tōnt_tⁱeuttē / kui sāl mⁱer_pāl
 um veṅD un lānD // un sie um veṅD rikāz miez / ta um veṅD
 aviz iz-āndaji / ja ni ta veṭṭān sⁱe pēiškiz entš_jūrš / ja
 andān kuož entš kantōrō // ja nei / ta ni um strōdān / un

ja ta vōtnud poisikese ka kaasa. Merel tulnud aga torm ja laev lāinud pōhja ning peasegu kõik inimesed uppunud. Poiss hūpanud aga merre. Seal olnud selline lauatükk ja keegi mees ka aidanud teda saada lauatüki peale. Nii on need kaks jää-
 nud ellu. Tulnud üks laev, vōtnud nad peale ja viinud Inglis-
 maale, laev pidanud aga edasi sõitma. See mees aga, kes teda on aidanud, seda poisikest, see surnud laeval ära ja poisike jäänud üksinda. Teda pandud nii sinna maha ja jäänud vōõrale maale üksinda, keelt ka ei ole mõistnud. Mida ta peab hakka-
 ma tegema?

Seal aga olnud palju rahvast ja teade lāinud liikvele, et laev lāinud pōhja ja ainult kaks on pääsenud. Siis poisi-
 ke on vaadanud, ei tea, kuhu peaks minema. Siis kuulnud sel-
 ja taga oma sünnikeeles, et laev lāinud pōhja, kaks meest vaid pääsenud. Siis ta vaadanud ümber ja oelnud: ei, ma üksi olen jäänud ellu. Siis mees on vōtnud selle poisikese enda juurde ja tahtnud teada, kuidas seal merel on olnud ja lāi-
 nud. See on olnud rikas mees, ta on olnud ajalehe väljaandja, siis ta vōtnud poisikese enda juurde, andnud koha oma konto-
 risse. Ja nii on ta töötanud ja

tämmõn um jevist lãnd // agã ni iks_kerD sⁱe nais_puoli / um
 sa-veittã vëstul e ñ g l i z m õ s t s ja ta ñz äb_üo
 veind luggõ // ta um lãnd t^uoiz nais_puol jürõ / mis ni tãm
 puoga is-kërattõB // ja sãl um veñd rõdõ sizãl un ka këra
 ñnz // ja sãl këras um kërattõst nei / ãrmaz jⁱemã / minã
 väga sinda tⁱenüB / ku sa mĩnda üod iz-glõibõn / agã ka pal-
 dī's väggi põlaB sinda / at-brõutõ min jürõ / min igãs amã
 veñdzis pãvas / min libõt kõzgeñD / ma vetãb entõ izãnd ti-
 dãr un ieb entõ izãnd kuõzõs // rõdõ min_um pãgin / rⁱek_rõ-
 dõ ma sinnõn ais-sõttõB / rëkstõ sinnõn äb_üo murtmõst // s^e
 buodnika puoga / kus ma v^uõl mingis_kerD / sⁱe sinda äptõB /
 ku sa veid min_jürõ sõdõ // ja min õu_pãvas / sinnõn um lõda
 tutkãmõs amã õuli kuõz / ja ma väggi sinda võdlõB / un tõB
 sinda nõdõ entõ õu pãvas // agã jⁱemã äb_üo brõutõõn // agã
 puoga um tãmmõn sõttõn rõdõ / ku tãmmõn kunagõst pütõkst äb-
 üo veñd //

ja nei nõ-loppõn pëiški um sõnd väggi rikãz jelãmiz //

tal on hästi läinud. Aga siis ükskord see naine on võtnud kirja Inglismaalt ja ta ise ei ole suutnud lugeda, ta on läinud teise naise juurde, mis poeg talle kirjutab. Seal on olnud raha sees ja kiri ka kaasas ja seal kirjas on kirjutatud nii: armas ema, ma tänan sind väga, et sa mind oled ära päästnud. Aga praegu ma palun väga sind sõita minu juurde, mu eas kõige õnnelikumal päeval, mul tulevad pulmad, ma võtan oma härra tütre ja jään härra asemele. Raha on mul palju, teeraha ma sulle saadan, sõidu pärast pole sul vaja muretseda. See poemehe poeg, kus ma kunagi olin, see sind aitas, et sa võiksid minu juurde saada. Ja minu aupäeval sul on laua otsas kõige auväärsem koht. Ma ootan sind väga ja tahan sind näha oma aupäeval. Ema ei ole aga sõitnud. Poeg on talle saatnud raha, et tal kunagi puudust ei ole olnud.

Ja nii on armetuks jäänud poisike saanud rikkasse elamisse.

il miššionär

ikš miššionär um veñd vēršs mōššē ja tāmmān um veñd nei jⁱegā uōndžāi lēmāst piđdžs kōrantstē // un nei is-tuñD / ku itstē kōrandāst lāñd itstīD piđdžz ja nēi īd uōndžāi ta lāñD tegiž ja nāñD / ku sāl lāb_jūs um piški skuķ / um vāggi riemli un ēttāB kātķiks // agā ni_ku ta t^uoiz_uōndžāi lāñD / ni_āttē veñnād nēla lapstā sīe lāb_jūs / tsirikstāñād ne_ka piškist līñdāD ja eittāñāD kātķiks tāmmān // ta ka eittāñ kātķiks un pa-muidlān un lāñd entē rⁱekkē jēddā_pēdāñ // agā ni_ku ta um lāñD k^uolmāz_uōndžāi / ni um veñd jⁱemā ka amād ne lapstāks // ta pa-nuštāñ kibār un andāñ juvā uōmāg un lāñd jō kougāñ // agā piva_pāvan / ku sē pāp um piđdāñ lōttē / sⁱe nāi un vanimist lapst ka āttē veñnād lōttāi // nei sⁱe pāp meļlān / kui sⁱe nāi tīedaB / ku ni um lōttē un ku ma um pāp // ni_ta kižzāñ nānt_kātst / kui tēG tīedat / ku ma um pāp // sⁱedā ma nēis tāt_tēkstē // ja sis pⁱerizāks tuñD sīe lapst izā / ja nēi jⁱegā_piva_pāva ne āttē tuñnād lōttāi / un amād ienād usklist roušt //

Misjonārist

Ūks misjonār on olnud vōōral maal ja tal on igal hommikul olnud vaja talust mōōda minna. Ja nii juhtunud, et lāinud talust ūhtelugu mōōda. Ja ūhel hommikul lāinud ta jalle ja nāinud, et seal akna juures on vāike tūtarlaps, ta on vāga rōōmus ja viitab kāega. Aga kui ta teisel hommikul lāinud, siis on olnud neli last akna juures, siristanud nagu vāikesed linnud ja viibanud talle kāega. Ta on ka viibanud kāega ja muianud ning lāinud edasi oma teed. Kui ta aga on lāinud kolmandal hommikul, siis on olnud ema ka koos nende lastega. Ta kergitanud kūbarat ja andnud head hommikut ning lāinud edasi. Pūhapāeval, kui ōpetaja on pidanud jumalateenistust, on naine ja vanemad lapsed olnud ka jumalateenistusel. Ōpetaja on mōtelnud, kuidas naine teab, et on jumalateenistus ja mina olen ōpetaja. Ta on kūsīnud nende kāest, kuidas te teate, et ma olen ōpetaja. Seda ma nāgin teie tegudest. Ja siis lōpuks tulnud laste isa. Igall pūhapāeval on nad tulnud jumalateenistusele ja kōik on jāānūd usklikeks inimesteks.

teurõz vîla

keřd ikš rⁱek_miez_länd entš rⁱekkâ / agâ vâgi ta tũnd
juodâ // ta nänd it_kõrand un länd põlam / laz_āndag_juodâ //
säl um veņd ikš nai / kis_tämmõn andõn juodâ / ka sāl attš
veņnäd lapst // agâ sⁱe kõrand um veņd nei n^o-lastõt / äb_
uo veņd pũdâz // ku ni sⁱe miez_um n^o juond / pa-tⁱennән ja
nei vâgiž kiittән / kõks tēG tiedakstâ / ku teurõz_vîla tāt_
kõrantsî um / ja nei länd jētspēdān tegiz jō kōgaZ entš rⁱek
// ku ni tũnd mies_k^uodai ģdān / nai kiittән / ku ikš miez_um
tũnd juodâ kiżzēm un kiittән / ku ne roušt tiedakst / kui
teurõz_vîla um nāntān kōrantsî / ku sⁱe vîla v^ugks // mies_
kiittән / mis_sa is_kis tām kātstâ / kus_sⁱe teurõz_vîla um //
ja ni t^uois_pāvan / ku miez_länd tie_jūrî / nai irgān v^ugtsâ
/ kus_sⁱe teurõz_vîla veļks vēlda / sⁱeggān amā kōrand jarā
/ agâ äb_uo veņd lⁱēudî / v^ugtsān teurõst villî amā pāva //
ģdāg mies_tũnd k^uodai / tubā veņd kīlma / sledā äb_uo tiedõt
/ amā pāva nai um v^ugtsān teurõst villî // mies_iend kezi-
zāks / länd krūogî juomî // t^uois_pāvan nai v^ugtsān tegiš
teurõst villî nei ta v^ugtsān un kap_pāld sādān selli saņgā
rõntõz mōzî // ni_ta vanlān / mis_sie pa rõntõz_um / mis_sāl

Kallis varandus

Kord on teeline lāinud oma teed, kuid on vāga tahtnud
juua. Ta nāinud talu ja lāinud paluma, et andku juua. Seal
on olnud keegi naine, kes andnud talle juua, seal on olnud
ka lapsed. Talu on aga olnud kāest āra lastud, ei ole olnud
puhas. Kui mees on āra joonud, tānanud ja nii vaikselt ūtel-
nud: kui te teaksite, kui kallis varandus on teie talus, ja
lāinud siis jälle edasi oma teed. Kui mees on tulnud õhtul
koju, ūtelnud naine, et keegi mees on tulnud juua kūsima ja
ūtelnud, et kui inimesed teaksid, kui kallis varandus on nen-
del talus, et oleks varandus. Mees ūtelnud: mis sa ei kūsī-
nud, kus see kallis varandus vōiks olla, ajanud kogu maja se-
gamini, aga ei ole suutnud leida, otsinud kallist varandust
kogu päeva. Ōhtul tulnud mees koju: tuba olnud külm, süua ei
olnud tehtud, kogu päeva on naine otsinud kallist varandust.
Mees saanud vihaseks, lāinud kõrtsi jooma. Teisel päeval ot-
sinud naine jälle kallist varandust. Siis ta otsinud ja kapi
pealt kukkunud paks raamat maha. Ta siis vaadanud, mis raamat
see selline on, mis seal

um kēraŕtāt // sie um amā sⁱe tēurōz vīla / mis kōrandōs
 veib vēlda / praŕtigid sⁱedā un pūstigid sⁱedā // ni sⁱe nai
 meŕlān / sie ni um sⁱe tēurōz vīla / ku sāl nei um kēraŕtāt //
 ni ta_m meŕlān / ni ma um lⁱeudān sⁱe tēurōz vīla // ni ta
 veŕtān un tienD kōrand pūdōks ja is-kittān tubā lemmāks / is-
 tiend mⁱen siedō ja ku ni mⁱez ēdān tunD k^uodāi / ni_m veŕnD
 sūr imlimi / ku ni kōrand um nei pūdōz / pērand um pⁱestāt /
 mis ni sie naiskōks um is_tienD // ni sⁱe mⁱez_{um} kizzān /
 mis sis ni tās ni um // ma jō ni liedis sⁱedā tēurōst villō /
 sie pⁱerāst tubā um lem / pērand um pⁱestāt / vantlō sinā ka
 sⁱedā tēurōst villō / ni mⁱn āb_{uo} embit krūogō lēmōst // nei
 m^uolmōd attō lūggānōD sⁱedā tēurōst villō //
 sⁱedā ni sⁱe nai um leūdān un nei amād attō veŕnōd veŕn-
 zist //

il jūrīkš

jūrīkštōks attō valānikād likkōnōd kōrantstō t^uoizō //
 pūosid attō sa-sādānōD / ja siz_{jo} jūrīkš pāvan attō jō amād
 lānōD pⁱerimie jūrō / paint attō lānōD / ne nēitsōd un pūo-

on kirjutatud. See on kõige kallim varandus, mis talus võib olla, korrastage ja puhastage seda. Siis naine mõelnud: see on see kallis varandus, mis seal on kirjutatud. Siis ta on mõelnud, et on leidnud kalli varanduse. Ta võtnud kätte ja teinud maja puhtaks ja kütnud toa soojaks, teinud mehele söögi valmis ja kui mees tulnud õhtul koju, on olnud suur imestamine, et maja on nii puhas, põrand on pestud, mis naisega on juhtunud. Siis mees on küsinud, mis siis siin on. Ma ju leidsin selle kalli varanduse, sellepärast on tuba soe, põrand on pestud, vaata sina ka seda kallist varandust. Mul ei ole enam vaja kõrtsi minna. Mõlemad on siis lugenud seda kallist varandust.

Seda siis see naine on leidnud ja nii on kõik olnud õnnelikud.

Jüripäevast

Jüripäeval on üürnikud liikunud ühest talust teise. Poisid on kokku leppinud, siis ju jüripäeval on kõik läinud peremehe juurde, karjalapsed on läinud, tütarlapsed ja poi-

sid // jo ka üks piiski skutk ka um säät pⁱerimié jürs pain-
kêks // sellist piiskist lapstän lälamstsz um venD / nei jo
ka tout loul lolaB /

ud ja ud / kastug / kastug /
sa jo minnän jévvö ät, tie /
kastugäs jälgaD kilmabäD /
utsö kadub niemä minnän //

ja nei piiski skutk pävast päuwö uohdzäl varald ja edän
öbbö sön länd karjal // tämmän venD kaitsimäst lambidi // ja
nei üks selli piiski lambaz / selli uoni itstid tund tam jürs
/ ja ni ükskerD / ku tund sⁱe piiski lambaz jürs / tämmän um
venD selli piiski kõskö / ta meitän / sidamäst tämmän kõskö /
siddän sⁱe kõskö lambin säлга пäl ja ni sⁱe piiski lambaz ai-
län ne sürd jürs / ne kartanD / un äilöböd jetspedin // agä
pⁱerri ni n^o-säddän jarä sⁱe piiski kõskö / ja ni lamböd
ienst paikkäl / un skutk veitän entis kõskö / bet ädagän jarä
/ kõskö venD sä-kistöt // mis ni las, tiegä / ni jⁱemä ridiöb
un söp pⁱekäs ka // piiski skutk väggi itkän // agä ni tund
sellii vanä vanä nai / ta um venD sahtötk^uodäs / miigia kerD
ta tund sⁱedä skutks vahtläm / ta ni nänd / ku skutk vägi

sid. Ka üks väike tütarlaps on pandud peremehe juurde karja-
seks. Sellistel väikestel lastel on raske olnud, nii ka rah-
valaul laulab:

Udu, udu, kaste, kaste,
sa ju minule head ei tee,
kastes jalad külmuvad,
udus kaob mul lehm.

Ja nii on väike tütarlaps päevast päeva hommikul vara
õhtu hiljani läinud karja. Ta on pidanud hoidma lambaid. Nii
on olnud üks väike lamma, selline voon on ühtelugu tulnud
tema juurde. Ja nii ükskord, kui see väike lamma on tulnud
tema juurde, tal on olnud väike kasukas, ta mõtelnud: peab
panema talle kasuka selga. Sidunud kasuka lambale seljale ja
siis väike lamma on jooksnud suurte juurde, nad kartnud,
et kihutavad edasi. Aga lõpuks kukkunud väike kasukas ära ja
lambad jäänud paigale ja tütarlaps võtnud oma kasuka, kuid
kohkunud: kasukas on olnud katki kistud. Mida nüüd teha, ema
pahandab ja saab peksta ka. Väike tüdruk nutnud väga. Siis
tulnud aga selline vana naine, ta on olnud vaestemajas, mõni-
kord tulnud ta tüdrukut vaatama, ta nüüd näinud, et tüdruk väga

itkũB // ta kizzõn / ärmaz läps / mis sa ni itkũD // ni sⁱe
 skutk kiltõn / ku um sä-kistõt kõskõ / ku sõpⁱekstõt // agä
 nai um kiltõn / alä itk ärmaz läps / kil lĩb jevist / kil ju-
 mäl sında äptõB // ja ni lēnakst aigal nuttõt päint k^uodäi
 lēnakst aig jürõ / miingist keřd um nuttõn jⁱemä / miingist keřd
 pⁱerinaĩ / agä ni sⁱe pāvan um nuttõn selli vērõz nais puoli
 // skutk vantlõn / pⁱerinaĩ äb^uo / jⁱemä ka äb^uo // länd
 jõ leižgõl / ni skutk um tunsõlõn / ku sⁱe um tant tämmõn /
 at-broutsõn // agä sⁱe ni nänd / ku läps um väggi n^uo-itkõn
 // sⁱe kizzõn / mis sinnõn pa vigä um / ni skutk kiltõn / ku
 nei ni tämmõn um / ku ni sõp pägin pēksõ // agä sⁱe um kilt-
 tõn / alä karta / ärmaz läps / minä äb vėl sında rabbõ / ma
 ändab üt kõskõ / alä embit itkõ // ja nei ni läps um sõnd
 jevist lebbõ sⁱe reid // un nei sⁱe piškis skutkõn um vënd
 lāmõst jⁱegä pāva // ja ku ta um kazzõn rõz jõ sūrõks / sis
 tämmõn um ka tallõ lāmõst pⁱerimie jürõ / tiemõst jõ kⁱerä-
 midi tiedi // un sⁱe / mis ta um seuwõ n^uo pellõn / tämmõn
 um vënd ändamõst vanimis sezarõn / kis um länd rigõ oppim //
 ja nei ta il tõla um n^uo-pellõn / sⁱe um vënd entõõn //
 agä ku sⁱe skutk um kazzõn sūrõks / vënd entõõn jelami /

nutab. Ta küsinud: armas laps, mis sa nii nutad. Siis öelnud
 tüdruk, et kasukas on puruks kistud, et saab peksta. Naine
 on aga öelnud: ära nuta, armas laps, küll läheb hästi, küll
 jumal sind aitab. Lõuna ajal siis kutsutud karjus koju lõu-
 nale. Mõnikord on kutsunud ema, mõnikord perenaine, sel päe-
 val aga on kutsunud võoras naisterahvas. Tüdruk vaadanud:
 perenaine ei ole, ema ka ei ole. Läänud lähemale, siis tüd-
 ruk on ära tundnud, et see on tema tädi, on sõitnud siia.
 See on siis näinud, et laps on väga nutnud, see küsinud, mis
 sul on viga. Tütarlaps ütelnud, et nii on temal, et saab kõ-
 vasti peksta. See on ütelnud: ära karda, armas laps, mina ei
 luba sind lüüa, ma annan uue kasuka, ära enam nuta. Nii on
 tütarlaps saanud hästi korda seekord. Nii on väikesel tütar-
 lapsel tulnud iga päev minna. Kui ta on kasvanud natuke suu-
 remaks, siis on ta pidanud ka talvel minema peremehe juurde,
 tulnud teha kergemaid töid. Ja selle, mille on suvel teeni-
 nud, on ta pidanud andma vanemale õele, kes on läinud Riiga
 õppima. Siis ta on talve läbi teeninud, see on jäänud talle
 endale.

Kui tüdruk on kasvanud aga suureks, on tal olnud oma
 elu.

ja vanbist ka ienõd vanaks / jõ izà um n^uo-kùolõn / ja iend
 jⁱemà iksigin // ni at broutõsn vanimi sezàr entõ miekkõks
 izà bēriõ / jõ sⁱe mies kⁱtõtn / jⁱemà jõ iend vōilizõks /
 jõud um veitti / vetamõst jⁱemà mad entõ jūrõ // agà sⁱe ti-
 dār um kⁱtõtn / mis sa rekandõD / kus mēG tãnda pãnmã / mäd-
 dõn attõ knasõD tubãD / kus mēG tãnda pãnmã / laz jⁱelãG se-
 zàr jūssõ / maddõn õp^uo / kus tãnda panda // ja nuorimi ti-
 dār / kis um venD piõki pãint miõgis k^erD / sⁱe um jellõn
 mō pãl / ja sⁱe um veittõn jⁱemà entõ jūrõ / kⁱtõtn / laz
 jⁱelãG mät jūssõ //

kⁱtõtp^usenãD

kien sūr rō^u bũnga / sⁱen veittõ rōdõ //
 rō^u pãl istãB / agà nãlgõ nãB //
 piõ magõb àina kũl pãl / izõ õp sⁱe / tikàn õb jãnda //
 kis pãgin tõB / sⁱe veittõ sõB //
 nãlga igãniz um jõuttõm //
 kis kizõB / veⁱ sa tõD / sⁱe jõ õb it õp tõ^u andõ //
 astã jãlga / õb vanitõl / kⁱt senã / õp meittõl //
 senã um ku veõmlinõki / laõkud vãldis / õd n^uo-ak //

Ja vanemad on jäänud vanaks, isa on surnud, jäänud ema ük-
 sinda. Vanem õde on oma mehega sõitnud isa matustele, siis
 mees ütelnud: ema on ju jäänud nõrgaks, jõud on väike, tu-
 leb võtta ema meie juurde. Tütar on aga ütelnud: mis sa rää-
 gid, kuhu me ta paneme, meil on ilusad ruumid, kus me ta
 paneme, elagu õe juures, meil ei ole, kuhu teda panna. Ja
 noorem tütar, kes on kunagi olnud väike karjus, see on ela-
 nud sisemaal ja see on võtnud ema enda juurde, ütelnud,
 elagu meie juures.

Vanasõnad

Kellel suur rahakott, sellel vähe raha.

Raha peal istub, kuid näeb nälga.

Koer magab heinahunniku peal, ise ei söö, kuid kitsesele
 ka ei anna.

Kes palju tahab, see vähe saab.

Nälg on alati vaene.

Kes küsib, kas sa tahad, see ju midagi ei taha anda.

Astu jalga, ei vaata, ütle sõna, ei mõtle.

Sõna on kui varblane: lased lahti, ei saa kätte.

(Järg "Fenno-ugristica" 17. numbris.)

I. F r e d r i k s s o n, STUDIER I MIKAEL AGRICOLAS
BIBLISKA FÖRETAL. Acta Universitatis Umensis 73. Umeå,
1985. 152 s.

Soome vana kirjakeelt on uurinud juba mitme põlvkonna teadlased. Erilise tähelepanu objektiks on saanud soome kirjakeele rajaja Mikael Agricola teoste keel, seda juba A. Ahlqvistist, A. Genetzist ja H. Ojansuust alates. M. Agricola säilinud teoste lehekülgede üldarv 2396 on juba ise aukartust äratav. Neil leiduvale rikkalikule ainestikule kuulub oluline koht soome keele ajaloo uurimisel. M. Agricola teostest on saadud XVI sajandi sõnavara keskne osa soome vana kirjakeele sõnaraamatusse, mille 1. osa nägi trükivalgust Agricola päeval 9. apr. 1985. Teistest viimaseil aastail ilmunud mahukaist uurimustest nimetagem siinkohal M. Suojanenini doktoriväitekirja M. Agricola teoste indefiniitpronoomeneist (1977) ning O. Nikkilä doktoriväitekirja apokoobist soome vanas kirjakeeles (1985).

Nüüd on neile lisandunud Inger Fredrikssoni kaheosaline doktoriväitekirj (150 + 130 lk.) M. Agricola teostes leiduvate eessõnade kohta, mida viimane on lisanud tervele reale piibliosade tõlgetele. Väitekirja kaitsmine toimus Umeå ülikoolis 21. detsembril 1985.

M. Agricola tõlgete hulgas on keskne koht "Uuel testamendil". Kõige tuntumaks on saanud selle kaheosaline eessõna, milles tõlkija esitab ka olulisi Soome ajaloo ning kultuuriloolisi fakte. Vähem tähelepanu on leidnud "Uue testamendi" eri peatükkide (evangeeliumide, apostlite tegude jm.) eessõnad. Kõik M. Agricola kirjutatud eessõnad on I. Fredriksson koondanud väitekirja lissasse ("Bilaga till studier i Mikael Agricolas bibliska företal"). Et eessõnade kirjutamisel toetus M. Agricola põhiliselt omaaegsele saksa- ja rootsikeelsele piiblitele (Martin Lutheri biibel 1545, "Biblia Germanica" 1545, Gustav Vasa biibel 1541 jt.), siis on võrdluseks toodud mõned eessõnad ka nendest teostest. "Uue testamendi" põhieessõna puhul pole seda siiski tehtud. Teatavasti on I. Hirvonen juba varem uurinud selle eessõna

sõnastuse originaalsust (Sananjalka 18, 1976). Teksti kõrvutamise 1526. a. ilmunud rootsikeelse väljaandega on näidanud, et otsest tõlget selles on - vastupidiselt, kui arvati varem - ainult 25 %.

I. Fredriksson on oma väitekirja analüüsis asetanud rõhu M. Agricola eessõnade suure ja väikese algustähe tarvitamisele ning punktuatsioonile koos sellest tulenevate lauseliigenduse iseärasustega.

Suurt algustähte on M. Agricola kasutanud, nagu M. Luther (aastast 1539 alates) ja nn. Gustav Vasa piiblid, substantiivides, mis märgivad jumalat või Kristust (Jumala, Christus, Jumalan Poika), taeva või pörgu olendeid (Engeli, Satan, Perkele), piiblit või selle osi (Ramattu, Wsi Testamenti, Evangelium, Epistola), elukutset (Lainoppenuille, Apostoli, Sarnaia, Opettaja, Pappi), sugulust (Esiwanhimmat, Äitei, Lapset, Mies, Waimo), inimest (Inhiminen, Syn-diset, Wiholinen, Ysteve), rahvust (Somalainen, Hemelainen, Grecain, Saxain, Rotzin) ja pühi mõisteid (Risti, Taiwahast, Paradiisis, Sielun).

Lisaks substantiividele võib suurtähte leida ka nimetatud rühmade adjektiivides (Jumalinen, Christitu, Hengelinen). Suur algustäht on mõnikord ka pronomeneil, kui nad viitavad jumalale või tähtsatele isikutele. Suur algustäht oli üldse omamoodi rõhumärk, millega vastavat sõna lauses esile tõsteti. M. Agricola on võinud aga lisaks nimetatud kategooriatele rõhutada sel teel ka muid kui ainult isikut tähistavaid asesõnu, isegi verbe, adverbe, arvsõnu ning partikleid. Väärrib allakriipsutamist, et M. Agricola rõhuasetus on sageli teine kui M. Lutheril. "Uue testamendi" punktuatsioon on üldjoontes sama kui M. Lutheril ja Gustav Vasa aegses piibleis, kuid esineb ka märgatavaid lahknevusi. Nn. vale koma (millele järgneb suur algustäht) on M. Lutheri ja M. Agricola tekstides hoopis sagedasem kui rootsikeelseis piibleis. M. Agricolalt võib leida näiteid selle kohta, et ta on pannud ekslikult küsimärgi ka kaudse küsimuse järele. Sidesõna 'ja' ees on M. Agricolal koma sagedamini kui algtekstides.

Tolleaegne tekst oli mõeldud valjusti ettelugemiseks, mis tingis ka rõhuasetused. Lausete ülesehitus oli sageli keerukas; monotoonisel lugemisel oleks olnud raske neist aru saada. Suure algustähena sõnad lause keskel olid mõeldud rõhutamiseks. Komad märkisid pause, kuid oma funktsioon oli

ka "valel" komal, mis viitas ilmselt muutusele häälekõrgu-
ses. M. Agricola punktuatsiooni erinevuse põhjuseks M. Lut-
heri omast peab I. Fredriksson põhjendatult asjaolu, et rõ-
huasetus valjusti loetavale tekstile oli erinev.

Kuigi ka "Vana testamendi" osadele eessõnu kirjutades
on M. Agricola tuginenud silmanähtavalt saksa- ja rootsi-
keelsele eeskujudele, on nende üldmulje hoopis iseseisvam.
Sellest tingituna leidub ka sisulisi ebatäpsusi. Üldiselt
on M. Agricola tõlked lühemad kui M. Lutheri eessõnad. Meel-
sasti on M. Agricola kõrvale jätnud M. Lutheri lühikesed
sisukokkuvõtted. Samuti pole ta üritanudki tõlkida viiteid
saksa oludele ja ka sõnamänge.

M. Agricola huvi "pühade" keelte heebrea, kreeka ja la-
dina vastu saab tõendeid nimekujude kasutamisest. Eelisei-
sund näib olevat ladina keelel. Kreekapärase Esaias kõrval
kasutab ta ka "Vulgata'st" pärinevat Esdras. Nii see kui ka
Brutus käänduvad tõlke obliikväändeis ladinapäraselt. La-
dina keele mõju lööb välja ka keerukais lausekonstruktsioo-
nides, kusjuures lause lõpuosa kokkuviimine selle algusega
pole M. Agricolal alati õnnestunud ja tulemuseks on anako-
luut. Lähtetekstidest kaldub M. Agricola kõrvale veel amp-
likatsiooniga liialdades, kuigi sünonüümide kuhjamine on
üldiselt ka M. Lutheri stiili tunnusjooni.

Usupuhastuse ajal domineeris nn. "Knittelvers". Seda
on kasutanud ka M. Agricola luulevormiliste eessõnade kir-
jutamisel. Kaheksas pikas luuletuses ilmneb M. Agricola os-
kus siduda kõnekäände oma drastilise ja värvika stiliga.
Luulevormilistes eessõnades tunneb M. Agricola end üldse
iseseisvamalt. Ta viitab soome oludele ning osalt isegi oma
elukäigule. Kuigi mõnikord ületab M. Agricola sõnastus rea-
aalsuse tunnetuse, on uurimisele ikkagi väärtuslikud andmed
ebajumalate (haldjate) ja mitmesuguste loodusobjektide koh-
ta. M. Agricola luulevormilistele eessõnadele on omased ka
mitmed tolle perioodi nõrkused (lonkav riim, veidradsõna-
vormid ja stereotüüpsed väljendid). Riimivate sõnade puhul
oli oluline nende kirjapilt, mitte aga hääldus, näit. sijt-
te - lijtte (= sitten - liittä).

I. Fredrikssoni doktoriväitekiri avab uusi tahke M. Ag-
ricola keelepruugis ja on seega oluliseks lisaks soome kir-
jakeele ajaloo uurimisel.

Aasta 1985, mil soome rahvuseepose "Kalevala" sünnist möödus 150 aastat, läks soome leksikograafia ajalukku kahe suursündmuse tähe all. Kirjakeele rajaja Mikael Agricola päeval 9. aprillil ilmus soome vana kirjakeele sõnaraamatu "Vanhan kirjasuomen sanakirja" 1. osa ja Aleksis Kivi päeval 10. oktoobril tuli trükist soome murrete sõnaraamatu "Suomen murteiden sanakirja" 1. osa. Esimesega nimetatuid oli asjahuvilistel võimalik tutvuda juba VI rahvusvahelise fennougristide kongressi raamatunäitusel Söktövkaris, nüüd on nõukogude teadlasteni jõudnud ka teise suurteosesarja algus.

Suursõnaraamatud ei sünni teatavasti üleöö. Nende ilmaletulek eeldab mitme põlvkonna sihipärasest tööd. Soome keele sõnaraamatute väljaandmisprogrammi kavandas juba E. N. Setälä 1896. aastal. Hiljem lisati sellele veel etümoloogiline ja karjala keele sõnaraamat. On juba ilmunud rea kordustrukkidena seletussõnaraamat "Nykysuomen sanakirja" (u. 201000 märksõna) ja seitsmeosaline etümoloogiline sõnaraamat "Suomen kielen etymologinen sanakirja" (1955 - 1981); karjala keele sõnaraamatuga "Karjalan kielen sanakirja" (1968 -) on jõutud poole peale.

Soome murrete sõnaraamat on kavandatud sellisena, et ainestikku esitatakse ka Rootsi, Norra ja Nõukogude Liidu piires räägitavaist soome keele murrakuist. Soome murrakute puhul on aluseks 1938. a. kihelkondade territoriaalne jaotus. Umbes 8,5 miljonil sõnasedelil on talletatud üle 400000 sõna. See rikkalik arhiiviväine on põhiliselt kokku kantud ajavahemikul 1900-1974. Eriväljaõppega stipendiaadid hankisid 60 murrakualalt u. nelja aasta tööga ammendava sõnavara (35000 - 40000, suurimais kogudes isegi üle 50000 sõnateate). Musternäidisena üksikmurrakute kogudest mainitagu siinkohal R. Nirvi "Kiintelysvaaran murteen sanakirja" (2570 lk.), mis 10-osalise rotaprindiväljaandena ilmus aastail 1974-1981. U. 2000 murdekorrespondendi hästi organiseeritud abiga on aja jooksul laekunud üle 4 miljoni sõnateate, põhiliselt vastused küsitluslehele "Sanastaja", mida seni on ilmunud 128 numbrit. Seda ühtekokku 8,5 miljoni sõnase-

delini küündivat lähteainest peab sõnaraamatu peatoimetaja prof. Tuomo Tuomi 20-osalise väljaande jaoks täiesti küllaldaseks, kuigi Soome riigi piiridest väljajäävate murrakute osas oleks see võinud olla rikkalikum. See arvamus on kahtlemata õige, mida allpool kinnitavad ka mõned siinkirjutaja tähelepanekud Leningradi oblastis kõneldavate soome murrakute kohta.

Kuigi sõnaraamatu esimesed prooviartiklid kirjutati juba 1930. aastail, olid need mõeldud ennekõike lünkade väljaselgitamiseks kogumistöös. 1940. aastate lõpul "Viritäjä's" publitseeritud prooviartiklid (L. Hakulinen, R. E. Nirvi, V. Ruoppila) aitasid kaasa sõnaraamatu struktuuri ja tehniliste üksikseikade lihvimisele. Põhiline töö sel alal tehti ära siiski alles 1960. aastail, kuid ka 1980. a. ilmunud sõnaraamatu proovivihik "Suomen murteiden sanakirja. Koevihko" (140 lk.), nagu selle võrdlemine sõnaraamatu 1. osaga osutab, kujutab endast ainult üht vaheetappi otstarbekate lahenduste otsingul. Toimetustöö detailid pandi lõplikult paika alles 1977. a. ilmunud juhendis "Suomen murteiden sanakirjan toimitusohjeet" (111 lk.). Ent paralleelselt kulges ka arhiivmaterjali täiendamine, sealhulgas päris uute sõnakogude hankimine eri kihelkondadest. See kõik on tingitud professorite R.E. Nirvi ja V. Ruoppila tööna valminud käsikirja veelkordset ületegemist.

Sõnaraamatu 1. osaga tutvumine ja ka selle võrdlemine 1970. a. proovivihikuga osutab, et tegemist on peensusteni viimistletud väljaandega, mis soome sõnavararikkustest ja selle kasutamisevõimalustest püüab anda maksimaalselt mitmekülgse pildi. Arvestada on aga tulnud järjepanu tegureid, mis näit. seletussõnaraamatu koostamisel esile ei kerkigi. Kõigepealt peab iga sõnaartikli märksõna olema kirjakeelses vormis. Kui aga vastaval murdesõnal puudub kirjakeelne vaste, tuleb see kujundada. Mõnikord saadakse niiviisi üsnagi veidraid vorme, näit. apiuda 'õnnestuda'. Tekib küsimus, kas poleks piisanud ainult apihua-kujust, sest vastavaid näiteid ei minda niikuinii kohe apiuda alt otsima. Segasüsteemi korral kerkiks aga omakorda rida muid probleeme, mida nüüd on suudetud vältida. Vormi apihua juurde tuleme allpool veel korraks tagasi, sest see ise ei näi kõigi lausenäidete juurde sobivat.

Sõnaartikli enda ülesehitusel on lähtutud tähendusvarianteidest, kuid ka muist otstarbekohaseks osutunud tegu-

reist (verbi transitiivsus ja intransitiivsus, subjekti ja objekti iseloom, rektsioon, piltlikkus jne.). Sellest ning kasutatavate näidete hulgast jm. sõltudes võib sõnaartiklite ülesehitus mitmeti varieeruda.

Põhiartiklisse on koondatud loeteluna kõik murdevariantid, millede arv võib paiguti olla üsnagi suur. Näit. on sõnal alinomaa 'alati, pidevalt' olemas 25 murdevarianti: alanpuuttumatta, alatooltaan, alattuun, aliksiin, alinaikaa, alokseen jt. Eri sõnaartikleis on nende juures ka vastavad lausenäited ja antakse tagasi viide põhisonale alinomaa. See süsteem meenutab mõneti F.J. Wiedemanni eesti-saksa sõnaraamatu (1869) oma ja tundub seetõttu traditsioonilinegi. Substantiivil aalto 'laine' on sõnaraamatus veel murdevormid aallo ja alto. Siin on aga kõigi variantide lausenäited koondatud aalto alla, vormilt aallo antakse ootuspärane viide aalto'le, kuid murdevarianti alto pole millegipärast eri märksõnana antud. Kas ununenud või takistab seda märksõna muutmise kirjakeelepäraseks (alto → aalto)? Vrd. siiski eri märksõnana arto s. → aarto. Oodanuks eri viidet ka aikkel¹⁴ (lk. 108) ~~→~~, sest aika 'aeg' sõna reeglipärase moodustisega pole siin mingil juhul tegemist (vrd. aikuun → aika). Näitelausete esitamisel on läinud ekslikult ahnetta alla ka ahneesta, -s tüüpi näited; viimaste märksõna puudub. Sama näeme apenetta korral (näitelause; apenesta). Mõningat ebajärjekindlust on ste(n)-lõpulistel adverbide korral: ahkeraste(n) märksõna ahkerasti all, seevastu aikoisten ja aikoisti aga eri märksõnadena. Eksitud on vormi alusten sõnaliigi määramisel: näitelause katõst ko toi katiki men tualt huane aluste järgi otsustades pole alusten siin mitte adverb, vaid postpositsioon. Märksõna alusvaateisilla 'aluspesu vael' all leidub ka possessiivsufiksiliisi näiteid, nii et otstarbekam näikse alusvaateisilla(an); vrd. altvariin(sa). Kirjakeelne märksõna edelläkätten (mitm. gen.) tundub näitelause se sai ereltäkättej jo rahät Pöytyä korral äärmiselt kahtlane. Oodanuks vormi edelläkäteen (ains. illat.), mille foneetiliseks edasiarenguks ongi geminatsioonil baseeruv edelamurdeline -käteen > -kätten. Üeldu kehtib ka laitla näite Erelk kätte kohta, mille puhul märksõna edeltäkätten asemel peaks siinkirjutaja arvates olema illatiivne edeltäkäteen. Edelamurrete mitm. genitiivid on enamikus teatavasti kas pleonastilised või kontaminatsioonilised moodustised (kätte + tten, kätte + ten, kät-

te + in) ja seega kirjakeelsest vormist kätten tugevasti erinevad.

Sõnaraamat püüab võimalust mööda välja pakkuda ka käänd- ja pöördõnade erinevaid muutevorme koos nende leviku äranäitamiseega. Ruumi säästmiseks ei toetuta levikuandmete esitamisel mujalgi kihelkondade loetelule (nagu teeb seda ebaotstarbekalt näiteks eesti keele "Väike murdesõnastik" I, 1982), vaid opereeritakse põhiliselt territoriaalüksuste koodidega (SatL = Länsi-Satakunta, Kym = Kymenlaakso, Ink = Inkeri jt.). Murdekirjandusest tuttav termin "savolaiskilla" on ala, mida sõnaraamatus märgib KesL (= läntinen Keski-Suomi 'läänepoolne Keski-Soom'). Kood on täpsustatud veel sõnadega osaksi 'osalt', paikoin 'paiguti', ei tietoja 'pole andmeid' jm. Seegi moodus tundub tuttav, sest täpselt niiviisi on toiminud ka A. Saareste oma "Eesti keele mõistelises sõnaraamatus" I-IV (1958-1963) murdematerjali esitamisel. Murdealade ja kihelkondade piirid selguvad sõnaraamatu lõppu lisatud kaardilt. Otsitava kihelkonna kätteleidmine kulgeks siiski hõlpsamini, kui alfabeetilisest nimeloendist selguks samas seos vastava murdepiirkonnaga, nagu seda on otstarbekalt tehtud näit. teoses "Suomen kansankulttuurin kartasto" 1 (1976, lk. 17 jj.).

Omaette probleemiks on olnud eri aegadel kogutud murdematerjali transkriptsiooni ühtlustamine. Siingi on püütud võimalust mööda läheneda kirjakeele ortograafiale (pikkad vokaalid kahe tähemärgiga, ŋk → nk, ŋh → ng jm.). Transkriptsiooni lihtsustamisega on kadunud aga vahe kahe švaahäälikute tüübi vahelt (ka van^hha kujul vanaha 'vana'). Küsitav on ka, kas nõrkade siirdehäälikute j ja v ärakaotamine (korij^a → korkija 'kõrge', ru^vis → ruvis 'rukis') on lahendusist parim. Eesmärgiks on ilmselt olnud vabaneda reapealseist tähtedest, ja trükitehnilist hõlbustust see kahtlemata annab. Mõndagi jääb aga transkriptsiooni lihtsustamisel maitseasjaks. Siinkirjutaja arvates pole omavalhel päris kooskõlas poolpikkade vokaalide säilitamine (ä, õ jt.), kuid meediate G, B, D muutmine k, p, t-ks, sest mõlemad jooned on teatavasti ühtmoodi omased nii edelamurdele kui ka sealse päritolu järgi kandvale kauge põhja aladele. Iseasi on muidugi lõpukaost tingitud asepikeendus siin-seal (karj^ast 'karjast') või ka pikkade vokaalide lühenevine poolpikaks Ingeris (tällä kertä 'sel korral').

Diftongide täielikku lihtsustamist (nii sauna kui sàuna → sauna) oleks võidud samuti kaaluda, sest diftongi poolpikk alguskomponent Savo murde pärasena on üldtuntud fakt ja pealegi territoriaalselt kergesti piiritletav.

Sõnaraamatu kasutajal on oluline teada, et kursiivis antud lausenäited ei alga mitte juhuslikult kord suure, kord väikese algustähega. Viimased on talletanud lingvistilise eriharidusega töötajad, teised aga peamiselt murdekorrespondendid. Selline vahetegemine on otstarbekas. Sama printsiip oli muide kasutusel ka 1970. a. proovivihikus.

Nende ridade autor on sõnaraamatut võrrelnud proovivihikuga (arhiivimaterjalid pole ju siin kättesaadavad) ja võinud tõdeda mitmeid olulisi muudatusi. Sõnartiklid on täienenud värske ainesega ja esemete puhul loetletakse nüüd ka nende osade nimetused (sõnal airo 'aer' on neid tervelt 12 ja sõnal aita 'aed' - 11). Välja jäänud on küll kavandatud joonised, millest on kahju, kuid tekstis leiduvad seletused, näit. ehituse aitta 'ait' kohta, on piisavad. Rikkalikult on juurde tulnud mitmesuguseid partikleid, eriti adverbide, mis on tinginud nende esitusviisi muutmist. Näit. praegu sõna alinna 'kõige allpool' all ka selle murdevormid; varem aga adverb alinna ise märksõnana puudus, oli vaid adjektiiv alin 'kõige alumine'. A. Genetzi omaaegsele väitekirjale "Suomen partikkelimuodet" (1890) võib murdesõnaraamatust leida olulist täiendust.

Uue momendina on sisse võetud väga pikkade sõnartiklite alustamine detailse sisukorraga, mis ise on juba ühe veeru pikkused. Sellisteks superpikkadeks artikliteks on substantiiv aika 'aeg' (28 veergu) ja verbid ajaa 'sõita' jt. (28 veergu) ning antaa 'anda' jt. (20 veergu). Eitusverb ei võtab enda alla 11,5 veergu, kuid nii "lühikestele" sõnartiklitele ruumi eri sisukorraga ei raisata. Väiksematest muudatustest märgitagu kõigi pärisnimede kirjutamist märksõnadena väikese algustähena ning rea mitmuslike sõnade esitamist ainsuses. Genitiivse täiendosisega liitsõnade (resp. sõnaühendite puhul) on leitud hea lahendus: viidatakse enamasti põhisõnale, mille alt neid otsida.

Nominatiivse täiendosisega liitsõnadest antakse aga vastava märksõna puhul loend, mis mõnikord võib olla üsnagi pikk. Nii on sõna aita 'aed' puhul nimetatud 101 liitsõna (proovivihikus 85; vrd. "Nykysuomen sanakirja's" ainult 35). Pealtnäha on kõik nagu parimas korras, kuid aruseamatust

tekitab nende sõnaloendite täpsem võrdlus. Selgub, et proovivihkuga võrreldes on juurde tulnud 16 asemel hoopis 27 uut liitsõna, välja jäänud aga 11 (haasia(n)-, hiviäs-, kikkeri-, kynä-, lappa-, liste-, niska-, piirto-, siinaus-, särjentö-, talosaita). Viimaste puudumine on murettekitav. Mis puutub aga sellesse, et "Nykysuomen sanakirja" 35 liitsõnast puudub tervelt 15 (hirsi-, lanka-, pensas-, piikki-lanka-, verkko-, huvila-, karsina-, maantie-, juoksu-, viino-, koriste-, lumi-, sulku-, suoja-, tulliaita), siis on siin ilmselt tegemist otsese lünkadega arhiivimaterjalis. Liitsõnade mõistatuslikku vähenemist võib märgata ka märksõnade osas. Nii pole sõnaraamatusse jõudnud proovivihiku eläkkijänis, -mies, -orava, elättikokko, eläkekontrahti, -liha, -taata jt., kuigi asemele on tulnud teisi liitsõnu, ja mitte vähemal määral. Ometi ei tahaks uskuda, et murdesõnaraamatu koostamisprintsipi oleks liitsõnade valikuline esitamine, nagu seda on praktiseeritud "Nykysuomen sanakirja's".

Ingeri murdeaines on sõnaraamatus suhteliselt tagasihoidlik. Vene laenude kohta võib asjast huvitatu leida täiendavat ainet A. Kukkoneni teosest "О русско-финских межъязыковых контактах (на материале диалектной лексики)" (1982). Täielikult pole ära kasutatud J. Mägiste uurimuse "Rosona (Besti Ingeri) murde pääjooned" (1925) sõnaregistrilt. Seal oleks saanud käesolevasse köitesse juurde vähemalt kolm uut sõna: ahilot 'ahelad', akkaja (mies) 'ettevõtlik (mees)', alatsi 'altkaudu'. Sama sõnaregister osutab veenvalt, et juba eespool mainitud märksõna apihua ei saa kuidagi käia Kallivere näite tällä kertä ni hyväst apihu kohta, sest selle segatüübilise verbi infinitiiv on hoopis apihussa. Sama lugu on vormiga avahua 'avaneda', mille asemel Ingeri ainese korral ootaks sõnaraamatus avahussa, nii nagu see seisab ka J. Mägiste asjaomasel uurimuses.

Selle verbitüübiga on soome lingvistilises kirjanduses üldse täbar lugu. Ta pole jõudnud isegi vormiõpetustüüpide ülevaatesse "Muotoopin keruopas" (2. tr., 1983), kuigi siinkirjutaja seda Ingeri soome murrete eripära juba 1972. a. ilmunud kirjutises detailselt analüüsis (vt. Paarist refleksiiv-translatiivsete verbide segatüübist (Leningradi oblasti soomlastel). - Emakeele Seltsi Aastaraamat 18, lk. 197-214). Selles kirjutises on paralleelselt vaatluse all verbitüüpide antlssa : antln 'alla anda : annan alla' ja

hukkahõssa : hukkahùn 'hukkuda : hukkun' kogu vormistik. Seal leidub nii lausenäiteid kui ka muid vastavatüübilisi tegusõnu, milledega tutvumine aitab vältida asjaomaseid lünki või ebatäpsusi sõnaraamatu järgmistes osades. Seda retsensiooni kirjutades jõudis nende ridade autor ühtlasi veendumusele, et tema kogutud grammatilised tähelepanekud ja tekstid Leningradi oblasti Kingisepa rajooni Viertüve murrakust (kokku üle 20 vihiku) võiksid publitseeritult soome murdeuurimusele kasu tuua.

Samas, kui on põhjust õnnitleda soome kolleege murde-sõnaraamatu 1. osa ilmaletuleku puhul, teeb meele kurvaks teose eessõnas antud prognoos: kokku paarkümmend osa ilmumisintervalliga 2 - 3 aastat iga köite vahel. Kas siis tõesti selle torede sõnaraamatu viimane osa ilmub alles 40-60 aasta pärast? Kas alles siis, kui on möödunud 150 aastat selle suurteose kavandamisest, asub ta täiel jõul täitma oma osa soome-ugri keelte uurimisel?

И. В. Т а р а к а н о в. УДМУРТСКО-ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ
КОНТАКТЫ. Диссертация на соискание ученой степени доктора
филологических наук. Устинов, 1985. 542 с.

15.IV 1986 kaitses Moskvas Keeleteaduse Instituudis doktoriväitekirja "Udmurdi-türgi keelekontaktid" Udmurdi Riikliku Ülikooli dotsent I. Tarakanov. Oponeerisid P. Alvre (Tartu), I. Galkin (Joškar-Ola) ja E. Tenišev (Moskva).

I. Tarakanovi mahukas väitekirja (koos lisaga 542 lk.) on pühendatud türkismide detailsele uurimisele udmurdi keeles. Leksika kõrval avalduvad need ka keele grammatilises struktuuris. Udmurdipoolsed mõjud tšuvaši, tatari ja baškiiri keelele on suhteliselt tagasihoidlikud. Kui varem arvati, et vanimad türgi-tatari mõjud ulatuvad VII sajandisse, siis uusimatele arheoloogia andmetele tuginedes paigutab I. Tarakanov esimesed kontaktid muinastürgi hõimudega (hunnid) III-V sajandisse. Kokkupuuted bulgariatega toimusid VII-VIII saj. Alates XIII saj. on tulnud udmurdi keelde rikkalikult vana- ja uustatari laene, viimasel ajal ka baškiiri elemente. Mitmed lingvistilised kriitერიумид selguvad võrdlustes arhailise tšuvaši keelega.

Palju soome-ugrilist on türkismide survele udmurdi keelest taandunud. Nii on näiteks sõnarõnk siirdunud esimeselt silbilt viimasele, mistõttu udmurdi keel meenutab mõneti prantsuse keelt. Sõnalaenude üldarv, kui silmas pidada ka naaberalade keelesaari, küünib 2000-ni. Suuri kokkulangemisi türgi-tatari keeltega on samuti vormi- ja lauseõpetuse osas. Kogu võõrapärane leksika on koondatud väitekirja alfabeetilisse lissasse.

Kui väitekirja 224-leheküljeline lisa "Словарь тюркских заимствований в удмуртском языке" annab täieliku loendi leksikaalseist laenudest, siis morfoloogilistest üksikküsimustest aitaks ülevaate saada asjaomane indeks, mis praegu puudub. Retsensendi arvates kannatab praegu väitekirja ka teatud ebasümmeetrisuse all. Kerkib küsimus, miks pole eraldi jälgitud tšuvaši ja baškiiri keele mõju udmurdi keelele, kuigi vastupidist on tehtud. Kipub jääma mulje, nagu taanduks türkismide osatähtsus udmurdi keeles ainult bulgarismidele ja tatarismidele. Aga nii see

ilmselt pole, vähemalt mitte perifeersete murrakute osas. Näited Baškiiri ANSV alalt on üldse juhuslikku laadi ja pole diferentseeritult näha, et nende puhul võiks olla tegemist ka baškiiri, mitte ainuüksi tatari keele mõjudega.

Seoses perifeersete murrakutega kerkib üles põhimõtteline küsimus. Väitekirja autor opereerib siin järjekindlalt tatari kirjakeelega, mitte aga nende murretega, kust on mõjud udmurdi keelde tulnud. Metodoloogiliselt ei saa sellist lahendust pidada õigeks, kuid hädapärast võib sellega ka leppida, kui pole tegemist kitsalt foneetilise eriuurimusega. Siiski peaks mis tahes keelekontaktide käsitlemisel kuuluma obligatoorse osana töösse skemaatiline kaart, mis praegu puudub. Sellelt selguksid käsitletavat keele- ja murdealad, kusjuures erilist tähelepanu tuleks pöörata keelelaadide ja neid ümbritsevate keelte (resp. murrete) täpsele esitamisele.

I. Tarakanovi väitekirja tervikuna jätab siiski hea mulje. Õigesti on lahendatud suur hulk üld- ja üksikprobleeme. Pikaajaline türgi-tatari mõju on toonud udmurdi keelde rida noomeni- ja verbisufikseid (-сир, -ак, -чи, -лык, -кай, -ла, -лаш, -лан, -тат, -да, -тыр, (-дыр), -р (-ыр) jt). Udmurdipoolse mõju osutamisel tõuvasi, tatari ja baškiiri keelele on I. Tarakanov oskuslikult ära kasutanud ka mari, mordva ja osalt ka teiste soome-ugri keelte ainekikku.

I. V. Tarakanovi väitekirjal laiahaardelise üldistava uurimusena on suur teoreetiline ja rakenduslik väärtus. See stimuleerib kindlasti ka teiste laenukihtide uurimist, kusjuures doktoriväitekirja vääriline oleks suurearvuliste vene laenude detailne analüüs udmurdi keeles. Mõned väitekirja osad sobivad kasutamiseks udmurdi keele teaduslikus grammatikas ja ülikooli loenguil. Väitekirja lisa väärrib aga eraldi äratrükimist türkismide sõnaraamatuna.

P. A l v r e (Tartu)

Рецензируемая работа представляет собой ряд научно-популярных очерков о лингвистической деятельности первого коми поэта-демократа Ивана Куратова (1839-1875 гг.).

На основании архивных документов, неопубликованных лингвистических работ поэта автор книги выявляет значительный интерес коми поэта-просветителя к истории родного языка, его связям с родственными финно-угорскими и соседними тюркскими, индо-европейскими и др. языками.

В очерке "Дореволюционные исследователи И.А. Куратова" наряду с другими, кто интересовался творчеством коми поэта-филолога, приводятся имена выдающихся финно-угроведов Ф. Видемана и Ю. Вихмана. В своей монографии "Grammatik der syrjäinischen Sprache" (St.-Petersburg, 1884) Ф. Видеман поддерживал стремление Ивана Куратова найти в грамматическом строе коми языка те особенности, которые отличают его от индоевропейских и, в частности, от русского.

Ю. Вихман в статье "Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen" (JSFou XXI, 3, 1903) впервые в литературе публично сообщил о существовании рукописного наследия Ивана Куратова и дал ему высокую оценку.

Видное место в этом очерке отведено и коми профессору К.Ф. Жакову, немало сделавшему для популяризации и развития лингвистических и этнографических гипотез поэта-филолога.

Очерк "Иностранные языки в творчестве И. Куратова" посвящен выяснению, какими иностранными языками владел коми поэт. Известно, что он неутомимо расширял круг изучаемых языков не только из-за своей любознательности. Знание иностранных языков позволило ему читать в оригинале произведения классиков мировой литературы, служило ему пищей для творческого воображения, материалом для лингвистических сопоставлений.

На основании статистических данных, учитывая частотность упоминания языков Иваном Куратовым, автор приводит читателя к выводу о том, что поэт-филолог основательно знал десять иностранных языков и был осведомлен в различной степени о

сорока языках и диалектах.

Кроме латинского, греческого, немецкого и французского языков, которые он достаточно хорошо изучил в Вологодской духовной семинарии, поэт самостоятельно познакомился с такими экзотическими языками как санскрит, китайский, венгерский, финский, турецкий.

Знакомство поэта с китайским языком дало ему в руки данные, на основе которых коми просветитель создал оригинальную концепцию, содержащую конструктивные теоретические положения. Отправляясь от тогдашних исторических представлений, И. Куратов своеобразно истолковал и прародину финно-угров, поместив ее близ северо-западных границ Китая.

Интерес к иностранным языкам привел поэта к попытке установить родственные связи между индо-европейской, финно-угорской, тюркской и монгольской языковыми семьями. Таким образом, И. Куратов оказался среди тех, чьи исследования предшествовали созданию ностратистики.

Большой интерес представляет очерк "По следам утраченной переписки", в котором дана картина взаимоотношений двух коми просветителей с одинаково трагическими судьбами, живших вдали от родины, Ивана Куратова и Георгия Лыткина, ученого и революционера-народовольца, автора книги "Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык" (Спб. 1889), работавшего в Петербургском университете и стремившегося всеми силами, вплоть до перевода на коми язык книг религиозного содержания служить родному народу, дать ему грамоту, образование.

В книге имеется раздел "Что читал И. Куратов по языкознанию", где дана краткая характеристика лингвистическим работам XIX в., которые были доступны поэту и о которых он упоминает в своих статьях. Этот очерк имеет большое познавательное значение для студентов, краеведов, интересующихся творчеством коми поэта, историей родного языка. В виде приложений в книге даются хроника жизни и деятельности Ивана Куратова, избранная библиография по куратоведению.

К числу недостатков, отмеченных в книге Г.И. Тираспольского "Над рукописями И.А. Куратова", нужно отнести тот факт, что автор не приводит современной точки зрения на вопросы, которые рассматривались в прошлом веке Куратовым, напр., о прародине финно-угров, о морфологическом типе коми языка и др., в книге имеются опечатки (с. 25, 76). Эти недостатки не снижают значения новой книги о коми поэте-филологе, написанной живым языком и наполняющей новыми подробностями жизнеописания Ивана Куратова.

Е. А. И г у ш е в (Сыктывкар)

Эта книга Янхунена затрагивает центральный вопрос фонологии и морфонологии самодийских языков. Автор отмечает, что ненецкая грамматика является без преувеличения грамматикой гортанного смычного; гортанный смычный – это ключ к диахронному изучению ненецкого языка, а ненецкий как наиболее исследованный самодийский язык может быть основой для изучения истории самодийских языков (с. 8).

Первые записи образцов ненецкой речи сделаны почти 400 лет назад, но в наиболее ранних из них гортанный смычный вообще не отмечен. Между тем фонологический строй ненецкого языка за указанный период по существу не изменился. Ненецкий гортанный смычный начинают фиксировать только с прошлого века, хотя это делается довольно непоследовательно и не всегда точно. Основы для фонологической записи ненецкого гортанного смычного заложил Матиас Александери Кастрен. Эту традицию в XX веке продолжает и совершенствует, в первую очередь, Григорий Прокофьев. Тойво Лехтисало создает традицию фонетической записи ненецкого гортанного смычного.

Известнейшая и авторитетнейшая советская исследовательница ненецкого языка Наталья Терещенко писала в середине 1950-х годов, что в ненецком языке имеется два гортанных смычных, произношение которых имеет некоторые особенности. Эту точку зрения поддержал ряд исследователей. Петер Хайду подверг критике ее и, на мой взгляд, довольно убедительно доказал, что в ненецком языке фонетически может наличествовать только один гортанный смычный звук. Точка зрения П. Хайду также нашла сторонников. К ним всегда относился и я, "with diplomatic reservations", как пишет Янхунен о моем подходе к данной проблеме (с. 21). На самом деле, я имел в виду то же, что и Янхунен: определенные резервации, видимо, необходимы. В конечном итоге он тоже приходит к выводу, что можно допустить такую форму ненецкого языка, в которой имеют-

ся два различных в отношении артикуляции - но не обязательно аудиции - гортанных смычных (с. 23, ср. и с. 37-38).

Первая часть книги - это и есть сжатый, но полный обзор истории проблемы. Вторая глава посвящена фонологическому описанию гортанного смычного в тундровом диалекте (им пользуется подавляющее большинство населения), который лежит в основе литературного ненецкого языка. Многостороннее и глубокое описание занимает 123 страницы. Чтобы наглядно показать подход автора к анализу фонологии ненецкого языка, приведу подзаголовки второй главы: 1. Phonology in Nenets grammar. 2. Phonemes and features. 3. Surface phonological status. 3.1. Terminological prerequisites. 3.2. Syntagmatic criteria. 3.3. Paradigmatic criteria. 3.4. Glottal stop in the Nenets dialects. 4. Morphophonological status. 4.1. Morpheme-internal glottal stop. 4.1.1. Preconsonantal glottal stop. 4.1.2. Postconsonantal obstruents. 4.1.3. Postvocalic obstruents. 4.1.4. Postnasal obstruents. 4.1.5. Obstruent synthesis. 4.2. Morpheme-final glottal stop. 4.2.1. Ambiguous non-nasalizable glottal stop. 4.2.2. Unambiguous non-nasalizable glottal stop. 4.2.3. Postconsonantal glottal stop addition. 4.2.4. Ambiguous nasalizable glottal stop. 4.2.5. Unambiguous nasalizable glottal stop. 4.2.6. Postnasal glottal stop addition. 4.2.7. System of final alternations. 4.3. Morpheme-anterior glottal stop. 4.3.1. Stem types. 4.3.2. Initial alternations of non-continuant obstruents. 4.3.3. Initial alternations of continuant obstruents. 4.3.4. Initial alternations of liquids. 4.3.5. Initial alternations of nasals. 4.3.6. System of initial alternations. 4.3.7. Primary consonant clusters. 4.4. Check segment. 4.5. Glottal stop in the lexicon. 4.6. Syntactic sandhi. 4.7. Glottal stop classification. 4.8. Challenge of vowel alternations. 4.9. Palatalness in Nenets phonology. В качестве материала для анализа Янхунен использовал записи других исследователей, источники на литературном ненецком языке и сведения, полученные непосредственно от информантов.

Янхунен подвергает фонологическому анализу лишь один гортанный смычный, который он рассматривает в качестве фонетически единого (см. и с. 37, 45-48). Нужно указать, что он пользуется ненецкой фонологической транскрипцией, которая отличается от традиционной и характеризуется, в первую очередь, следующими изменениями: 'ʔ/? → ɣ (гортанный смыч-

ный), $j \rightarrow y$, $z \rightarrow j$, $\sigma \rightarrow z$, $\eta \rightarrow h$, $a/\varnothing \rightarrow a$, $\bar{a}/a \rightarrow A$, $\bar{ä}/\bar{äe} \rightarrow E$, $e/\tilde{o} \rightarrow \bar{e}$, $i/y \rightarrow \bar{i}$, буква + знак палатализации \rightarrow капитальная буква (напр., $\acute{n} \rightarrow N$ (см. с. 32-33, 145). Эти изменения, несомненно, не облегчают чтение книги.

Согласно точке зрения Янхунена, ненецкая фонологическая система состоит на глубинном уровне из сегментов /w p P m M t T s S n N l L r R y x X h a A e o i u/, которые образуют на поверхности сегменты /w p P b B m M t T d D c C j J s S n N l L r R y k K g G x X h a A e o i u/. Гортанный смычный не включен в эти списки, которые определяются при помощи 13 отличительных признаков. Каждый из сегментов имеет, по меньшей мере, два дистинктивных признака. Одним из них всегда является сегментичность (с. 31, 33). Гортанный смычный /q/, по Янхунену, имеет лишь один признак - сегментичность, у него отсутствует даже консонантность (с. 43-44). Автор, в случае необходимости, приводит данные о частотности различных фонем (напр., с. 42). В рассматриваемой главе даны 50 морфонологических правил, которые значительно пополняют наши знания не только о согласных, но и гласных ненецкого языка.

Хорошо известно, что в самоэологии принято делить морфонологические чередования ненецкого гортанного смычного на две группы: гортанный смычный чередуется либо с носовым, либо с неносовым согласным. Янхунен данное морфонологическое явление делит на три группы. В первой группе /q/ чередуется с согласными /d s/ (в "мягкорядных" основах также с /D S/) и исчезает перед взрывными. Во второй группе соответствиями являются /n h/ (вместо /h/ может выступать преимущественно в "мягкорядных" основах также /y/); перед взрывными в таких основах всегда стоит носовой, место образования которого зависит от качества взрывного, напр., /nã/, но /hg/. В третьей группе исходный /q/, который следует за согласными /m r l b/, исчезает, оказавшись в середине слова.

Источником гортанного смычного в первых двух группах, в которых он на поверхности чередуется с другими согласными, Янхунен на глубинном уровне считает сходные или близкие к ним согласные /t s n h/. В третьей группе мы имеем дело с глубинными согласными /m r l p/, к которым на поверхности добавлен гортанный смычный.

Третья глава книги посвящена сравнительно-историческому анализу проблемы. При этом Янхунен исходит из нового члене-

ния самодийской группы языков, представляющегося довольно основанным: ненецкий, энецкий, нганасанский, селькупский, камасинский и маторский. Ненецкий язык им делится на тундровый, лесной и вымерший крацкий диалекты.

Гортанный смычный лесного диалекта соответствует первой группе чередований гортанного смычного в тундровом диалекте. Вторая группа представлена в лесном диалекте сохранившимися еще первичными носовыми. По всей вероятности, соответствия третьей группы наличествуют в лесном диалекте, но они выступают не последовательно; добавленный гортанный смычный здесь может выступать и внутри слова. В имеющемся скудном материале по крацкому диалекту нет ясных следов существования гортанного смычного, однако Янхунен на основании опосредованных языковых данных сделал вывод о бытовании указанного согласного и в крацком диалекте.

Гортанный смычный энецкого языка может чередоваться со всеми согласными, но там отсутствуют типичные для ненецкого языка явления сандхи. Нганасанский гортанный смычный представляет первую группу ненецкого языка, вместо второй группы в нганасанском выступают лишь носовые; в нем также отсутствует гортанный смычный третьей группы. Янхунен обращает внимание на то, что немногочисленные носители энецкого уже не произносят гортанного смычного. В камасинском языке ясно представлена первая группа чередований гортанного смычного, в которой часто встречаются звуковые пары: "гортанный смычный + согласный", напр., (Доннер) mã², но (Кастрен) ma'd. Скудные данные по маторскому языку не обнаруживают ясных следов гортанного смычного, но исходя из близости этого языка к камасинскому, Янхунен предполагает, что гортанный смычный мог существовать и в маторском языке.

В результате глубинного анализа Янхунен подошел вплотную к исторической реконструкции ненецкого гортанного смычного. Прасамодийские согласные фонемы Янхунен реконструирует так: /w p m t c v n l r y k h/ (с. 157). Он приходит к выводу, что прасамодийские согласные дали гортанный смычный в различных самодийских языках и диалектах следующим образом:

Прасамодийский	Селькупский	Нганасанский; диалекты ненецкого: кряцкий и лесной	Тундровый диалект ненецкого	Энецкий
t		ot	ot	ot
s		ot	ot	ot
c		ot	ot	ot
k		ot	ot	ot
n				ot
h			ot	ot
p			ot	ot
l				ot
r				ot
m				ot

Камасинский и (предполагаемый) маторский гортанный смычный приближается по происхождению к гортанно-смычным нганасанско-кряцко-лесной группы, но представляет собой, по Янхунену, результат более позднего процесса, о чем, возможно, говорит и факт частичного сохранения исходных согласных в позиции после гортанного смычного в камасинском (напр., 'd ~ 'j). Если существовал северносамодийский праязык, то в нем уже имелся гортанный смычный, происходящий из /t s c k/, или первая группа. Позже образовалась вторая группа с источником /n h/. Широкое распространение гортанного смычного в энецком, возможно, связано с его центральным географическим положением среди северносамодийских языков.

Причиной перехода различных согласных в гортанный смычный Янхунен считает редукцию перед паузой. Эта редукция охватила, в первую очередь, наименее маркированные сегменты и постепенно распространилась на более сложные. Явления, связанные, возможно, с процессом возникновения гортанного смычного, Янхунен находит также в селькупских диалектах: деназализация носовых перед паузой и комбинаторная назализация первичных взрывных, которая привела к частичной нейтрализации оппозиции между носовыми и взрывными. Эти процессы напоминают камасинское чередование носового и взрывного в позиции после гортанного смычного, напр., o'b ~ o'm.

В рецензии на книгу Янхунена Евгений Хелимский упоминает три процесса, в результате которых, по мнению Янхунена, образуется гортанный смычный: 1. деназализация /n h/ →

/t k/; 2. редукция /t ɤ k/ → /q/ перед паузой; 3. добавление гортанного смычного /p m r l/ + /q/ перед паузой. Хелимский считает более реалистичным объяснить все гортанные смычные на конце слова в диахронном (а также и в синхронном) плане в качестве добавленных. Остаются два процесса: 1. добавление гортанного смычного к каждому согласному перед паузой; 2. исчезновение начальных компонентов полученных таким путем пар согласных /tq sq nq hq/. (См. СФУ 1987, с. 309.)

Но на диахронном уровне Янхунен именно это имеет в виду, когда он скромно пишет: "One can speculate that there was initially a reduction of the duration and intensity of the explosive phase of the affected segments. The explosive phase was perhaps replaced by a laryngeal constriction, which, after the loss of the segmental distinctions in the implosive phase, received the status of an independent phoneme. The primary mechanism might, thus, have been the same as that observed synchronically in the Nenets glottal stop addition process." (с. 165).

В конце книги даны приложения, из которых наиболее интересным я считаю набор фонологизаций (в том числе глубинных) парадигм склонения и спряжения.

Книга Янхунена является одним из самых важных достижений последних лет в области изучения самодийских языков. Можно выразить уверенность, что исследователи син- и диахронной фонологии и морфонологии этих языков будут пользоваться этой книгой. Труд Янхунена, несомненно, в будущем окажет влияние также на изучение финно-угорских языков. В своей книге Янхунен использовал разные методы. Относительно этого могу лишь присоединиться к мнению Роберта Аустерлитца, высказанному в связи с защитой Янхуненом своей книги в качестве докторской диссертации и сводящемуся примерно к следующему: Янхунен не довольствуется каким-то одним определенным методом, а пользуется несколькими в зависимости от того, какой из них дает в каждом конкретном случае лучший результат. А результат, несомненно, наилучший.

А. К ю н н а п (Тарту)

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Paul Alvre, Määrõnust <u>iganes</u> , <u>üksnes</u> , <u>iseäranis</u> jt. eesti keeles	3
Пауль Алвре, О <u>наречиях iganes</u> , <u>üksnes</u> , <u>iseäranis</u> и др. в эстонском языке. Резюме	11
Paul Alvre, Soome keele <u>a-tüvede</u> mitmuse vormistik	12
Пауль Алвре, <u>Формы</u> множественного числа основы на <u>-a</u> в финском языке. Резюме	38
Paul Ariste, Illatiiv vadja keeles	40
Paul Ariste, Der Illativ im Wotischen. Zusammenfassung	61
Люция Безносикова, К вопросу о парных глаголах в коми языке	62
Lucia Beznosikova, On te problem of copulative verbs in the Komi language. Summary	73
Евгений Игушев, К стилистике падежных форм коми имен существительных	74
Jevgeni Igusev, Die Stilistik der Kasusformen in der Komi Sprache. Zusammenfassung	79
Лилия Кирпу, О <u>некоторых</u> фонетических особенностях марковского говора финского языка Ленинградской области	80
Lilia Kirpu, Über einige phonetische Besonderheiten der finnischen Markovo-Mundart des Leningrader Gebiets. Zusammenfassung	87
Тийт Кукк, Словообразование наречий по аналогии в карельском языке	88
Tiit Kuk, Adverbide analoogiamoodustus karjala keeles. Resümee	96

Нина Лыскова,	Подлежащее, выраженное местоимением, в обско-угорских языках (на материале северных диалектов хантыйского и марийского языков)	97
Nina Lyzkova,	Das Subjekt in den ob-ugrischen Sprachen, das durch ein Pronomen ausgedrückt ist. Zusammenfassung..	106
Галина Некрасова,	Опыт описания семантико-синтаксических функций аблатива в пермских языках	107
Galina Nekrasova,	Versuch der Beschreibung der semantisch-syntaktischen Funktionen des Ablativs in den permischen Sprachen. Zusammenfassung	117
Tiina Rütmaa,	Partitiivsubjekt ja -objekt eesti ja soome keeles	118
Тийна Рюйтмаа,	Субъект и объект в форме партитива в эстонском и финском языках. Резюме	126
Олег Сергеев,	Кукарский рукописный марийский словарь XVIII века	127
Oleg Sergejev,	Kukarsk manuscript of the Mari dictionary XVIII century. Summary	136
Imre Zékány,	A magyar frazeológiai kapcsolatok különböző szempontú osztályozása	137
Имре Зикань,	Классификация фразеологизмов венгерского языка. Резюме	146
Евгений Цыпанов,	Роль причастий в истории коми языка	147
Jevgeni Cypanov,	The role of participles in the history of the Komi language.. Summary	154
Геннадий Тужаров,	Аблатив в марийском языке	155
Gennadi Tuzarov,	The ablative in the Mari language . Summary	162

MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ

Tiit K u k k, Näiteid karjala keele Vesjegonski murrakust III	163
Тийт К у к к, Образцы речи весьегонского говора карельского языка. Р е з ю м е	169
Eduard V ä ä r i, Alfon Bertholdi jutustusi	170
RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ	182